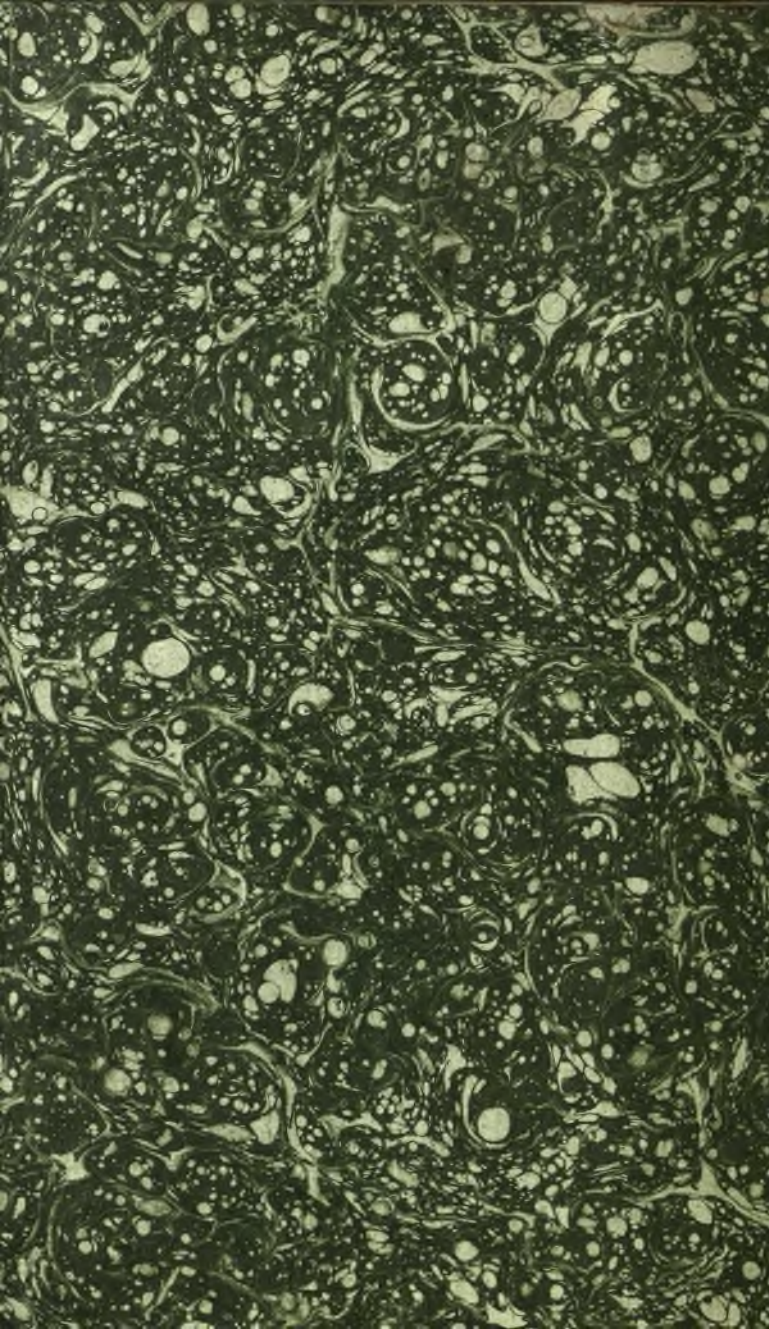

84 P1
H 37

783790

W/10

Red

67.
ПЕРЕВОДЫ

60 г.

1955

И-37

ПРОЗЫ

Владимира Измайлова.

(*)

65610

Часть V.

ПРЕС-БЮРО
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
СОВЕТА

МОСКВА

ЧМЗ

1820.

К

46 ✓
183790

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. В. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

1291

7

Четыре башенные терема.

Повѣсть (*).

4 Іюля 1813 пріѣхала я въ прекрасную деревню моего пріятеля между Лозаною и Моржомъ, въ непрерывніи видѣть давнишняго сотоварища и познакомилась съ цвѣтущимъ кантономъ Швейцаріи, съ *Пен-де-во*. Если здѣсь нѣтъ такихъ живописныхъ мѣстъ и ландшафтовъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Нѣмецкой Швейцаріи, за то какой плѣнительный видъ представляетъ Леманское озеро и его горныя высоты! Смогля съ террасы дома на ландшафтъ, увидѣла я, что вдали нѣчто бѣлѣется, подобно огромному зданію. Я схватила зрительную трубку и навела ее на то мѣсто. Это былъ древній замокъ съ цѣлыми стѣнами и башнями. Такихъ замковъ немного въ сей части Швейцаріи, богатой только земледѣліемъ: они стоятъ по большей части на вершинахъ ди-

(*) Г-жи Монполье.

нихъ скалъ. Эпопъ замокъ возбудилъ мое любопытство; и я освѣдомилась о его имени и происхожденіи, любя спрасно готическія зданія, памятни- ки древнихъ обычаевъ и нравовъ на- шихъ предковъ.

Замокъ называется Вуфланскимъ, сказалъ мнѣ другъ мой. Происхожде- ніе его приписываютъ Королевѣ Бер- тѣ, извѣстной въ здѣшной странѣ, гдѣ она царствовала, и которая тогда называлась Бургонією. Королева люби- ла строити замки; кажется одна- кожь, что она починила только Ву- фланскій и пристроила въ нему четы- ре башни. Другая сторона его, при- мѣчательная по разбитой огромной баш- нѣ, имѣетъ гораздо большую древ- ность, и ея происхождение скрывает- ся во мракѣ временъ. Если ты лю- бопытна видѣшь зданіе вблизи, то я поведу тебя въ нему; эшо будетъ про- гулкою; но упреждаю тебя, что лю- бовь твоя въ древностямъ не будетъ удовлетворена. Скорѣе, скорѣе пой- демъ, отвѣчала я моему пріятелю; и мы оправились.

Древній замокъ стоить въ полу-
мили отъ прекраснаго городка Моржа
на берегу Леманскаго озера. Зданіе
весьма вѣско; вокругъ все пусто;
каждая башня внутри имѣетъ неболь-
шой перемъ. Нѣтъ нужды прибав-
лять, что въ семъ замкѣ есть пере-
ходы, темницы, подземныя жилища,
циферны и обширная площадна для про-
гулки, простирающаяся вокругъ всего
зданія; съ нее открываются прекрас-
ныя виды на великолѣпное озеро и на
отдаленное необозримое пространство
земли.

Я возвратилась съ восхищеніемъ;
мнѣ казалось, что высокія башни
служили нѣкогда сценою самыхъ ро-
маническихъ происшествій. Другъ
мой улыбался и давалъ волю моему
воображенію. Послушай, смазалъ онъ
наконецъ, выдвинувъ ящикъ изъ своего
бюро, вотъ пища для твоего энту-
зіазма. Эти бумаги содержатъ преда-
ніе, въ копоромъ твои любимыя баш-
ни играютъ важную роллю. Я поблаго-
дарила моего пріятеля, и схвативъ
бумаги, удалилась съ ними въ одну
бесѣдку сада, и тамъ, имѣя передъ

глазами Вуфланскій замокъ, чинала слѣдующее:

Четыре терема

Вуфланскаго замка.

Берта, внука Императора Конрада, была въ первомъ супружествѣ за Рудольфомъ II, Королемъ Бургоніи. Она любила спраспно ту землю, которую владѣла, и которую безпрестанно обвѣзжала на гордомъ конѣ, ошстроивая крѣпкіе замки и святыя обители, и посѣщая рыцарей, священниковъ и монахинь. За по добрую Королеву всѣ угощали и любили въ здѣшней землѣ, гдѣ и понынѣ имя ея славишся.

Рудольфъ скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ супругу свою правительницею Государства на время сыновняго малолѣтства. Королева выдала уже послѣднюю дочь свою Аделаиду (извѣстную въ Исторіи по ея красотѣ и добродѣтели) за Короля Италіи. Желаніе жишь въ сосѣдствѣ съ дочерью заставило ее согласиться на предложеніе Короля Ломбардскаго, и вступишь съ нимъ во вторый бракъ. Передъ

отвѣдомъ изъ своего Королевства, разставаясь съ тѣми людьми, которые любили и благословляли ее, она одѣлила всѣхъ щедрыми дарами: спаршему брату пажа Адалберга, сошедшаго съ ума отъ любви къ ней, подарила Вуфланской замокъ со всѣми принадлежными помѣстьями; и Сиръ Гримоалдъ не могъ довольно нарадоваться своимъ новымъ владѣніемъ, котораго онъ былъ полнымъ владѣльникомъ. Но Гримоалдъ не походилъ чувствительностію на своего брата Адалберга. Онъ имѣлъ также свое сумазбродство, но другаго рода: тщеславіе. Между тѣмъ, принявъ во владѣніе Вуфланскій замокъ, ему захопѣлось передать его своему потомству, и онъ задумалъ поспѣе жениться, чтобы имѣть наследниковъ. Хотя онъ былъ еще молодъ, однакожъ до того времени не рѣшался вступить въ бракъ; жена и дѣти казались ему слабыми и презрительными шварями, которыми онъ не желалъ окружать себя. Будучи всегда или на войнѣ, или на правлѣ звѣрей, Гримоалдъ любилъ даровать смерть, а не жизнь, и вдругъ возимѣлъ желаніе имѣть наследниковъ. Онъ обра-

шилъ вниманіе на молодую и прекрасную Эрминію. Де-Вержи, ея отецъ, бывшій при Королевѣ Бертѣ, получилъ отъ нее въ подарокъ замокъ Шанванъ, а молодая Эрминія; дочь его, была воспитана вмѣстѣ съ младшею дочерью Королевы Берты. По смерти ея, Эрминія возвратилась къ отцу, провела у него нѣсколько лѣтъ, и къ несчастію, обратила на себя выборъ новаго владѣтеля Вуфланскаго замка, когда ей минуло только осьмнадцать лѣтъ. Тогда не было обыкновенія совѣщаваться съ дочерями о предназначенномъ имъ жребіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ предложенія, отецъ сказалъ ей: ты идешь за-мужъ за Вуфланскаго владѣтеля Гримоалда и не дождался ея отвѣта. Правда, что Эрминія и не могла бы ничего отвѣчать; едва знала она въ лице Гримоалда, видя только его сѣднѣ развѣ. Сѣбсивый видъ и суровое лице жениха ей не нравились; но сердце ея было свободно, а она была пища, скромна, робка, боялась прогнѣвить отца, и рѣшилась повиноваться безпрекословно, хотя не ожидала никакого для себя счастья. Она принесла Гримоалду, кромѣ богатаго

приданого и знатнаго рода, рѣдкую красоту и Ангельскій нравъ; но изъ сихъ многихъ выгодъ Гримоалдъ дорожилъ только ея молодостью и цвѣтущимъ здоровьемъ, которыя обѣщали ему наслѣдниковъ.

Скоро надежда его исполнилась. Беременная Эрминія приближалась къ сроку родовъ. Восхищенный Гримоалдъ не хотѣлъ даже полагать, чтобы у него родилась дочь, и приготовился къ рожденію сына, назначеннаго владѣтелемъ Вуфланскимъ. Младенецъ, послѣ жестокихъ мукъ молодой матери, рождаемая, и сей младенецъ былъ — прекрасная дочь, какъ ангелъ, но на которую негодующій отецъ и смотрѣть не хотѣлъ. Уже дитя лежало на рукахъ матери и обѣщало ея спрдаанія. Эрминія приговаривалась бышь ея кормилицею; но Гримоалдъ велѣлъ выбрать кормилицу изъ своихъ поданныхъ, объявивъ, что онъ могъ бы только согласиться на стужу имѣть ребенка изъ уваженія къ полу сына; а что дочь его будетъ заключена въ одной башнѣ замка до того времени, какъ родится у него сынъ. Тогда только ты увидишь ее, сказалъ

онъ отчаянной Эрминіи, которая напрасно спаралась упросить его. Родимѣ наследника, отвѣчалъ ей супругъ, и на другой день возвращаю тебѣ дочь твою; но до тѣхъ поръ тебѣ не видать ее, даю въ томъ присягу передъ Распятіемъ. Эрминія замолчала. Что ей было говорить? Она знала и силу клятвы и упорный характеръ супруга; она замолчала, но горько заплакала. Последняя прозба ея къ супругу была та, чтобъ дочери дали имя Алоизы, ея матери, которая, родивъ ее на свѣтѣ, кончила жизнь. Милая Алоиза, говорила она, цѣлуя младенца съ горячностію, подобно мнѣ ты будешь лишена матери; и ты не будешь любима отцомъ! Между тѣмъ Эрминія имѣла утѣшеніе думать, что дочь ея не останеться бзъ покрова и попеченія. У Гримоалда былъ шпалмейстеръ именемъ Ремондъ, съ нимъ неразлучный, хорошо воспитанный, и не столь жестокосердый; хотя, по наружности суровый, онъ былъ добрѣ своего начальника, который впрочемъ имѣлъ въ немъ преданнаго себѣ челоѣка. Эрминія уважала его, и обрадовалась, когда Гримоалдъ, призвавъ его къ себѣ,

отдалъ ему младенца, поручилъ кормилицу, и объявилъ непремѣнную свою волю, чптобы они были заключены въ одной изъ башенъ замка, и чптобы никто не входилъ къ нимъ, кромѣ Ремонда, которому надлежало запасать ихъ всѣмъ нужнымъ. Не исключая изъ эшаго повелѣнiя и хозяйку дома, прибавилъ онъ, указывая на Эрминiю, до того времени, пока она родитъ мнѣ сына; а я хочу, чптобы она имѣла къ тому усердное желанiе. Гримоалдъ вѣрилъ, чпто сердечная молитва шакого Ангела, какимъ была жена его, конечно исполнится. Ахъ! какъ Эрминiя молила Бога даровать ей сына. Ея желанiе было достойнѣе мужнина; онъ видѣлъ въ сынѣ только наследника, а добрая мать брата и освободителя плѣнной Алоизы.

Медленно было ея выздоровленiе. Жесткая горестъ лежала на ея сердцѣ. Когда спали силы ея мало по малу возвращаться, Гримоалдъ вѣзидъ съ нею изъ церкви въ церковь, изъ монастыря въ монастырь, и она соглашалась на шо охотно, чптобы вымолишь только сына, столь усердно ею желаемаго. И такъ она бывала рѣдко дома; но когда

возвращалась въ замокъ, когда съ береговъ озера всходила на гору по узкой песчаной пропинкѣ, ведущей къ башнямъ, взоры ея успрямлялись къ перемамъ. Она не знала, въ которомъ заключена дочь ея, но обѣгала ихъ глазами, надѣясь увидѣшь ее черезъ рѣшешки; однажды ей показалось, что она видитъ въ отверстіи дѣтскую голову, и она пересылала по вѣтру тысячи поцѣлуевъ къ Леоизѣ, которая въ минупу рожденія казалась ей такою прекрасною. Бѣдный младенецъ! говорила сама въ себѣ, какъ немного имѣешь ты чистаго и свѣжаго воздуха! Желала бы перенести къ тебѣ весь шовъ воздухъ, которымъ сама дышу. О! если бы я могла родить тебѣ брата! Съ какою радостію прибѣжала бы въ перемъ за тобою, и положила бы васъ обоихъ къ моему машеринскому сердцу!

Наконецъ, послѣ двухлѣтняго моленія и спранствованія, здоровье ея исправилось, надежда возобновилась, и снова была обмануша. Гримоалдъ въ страхъ и надеждѣ споялъ у женщины постели; слабый вопль новорожденного раздается, и эшомъ голосъ мичего не

говоритъ его сердцу. Нѣтъ у меня сына! восклицаетъ онъ въ ярости; но у меня есть другая башня съ перемомъ! и когда Эрминія умѣетъ только раждашь дочерей, тамъ онъ будетъ жить, пока я не буду имѣть наследника. — Онъ выходитъ изъ комнаты да въ повелѣніе, не сказавъ ни слова своей супругѣ и бросивъ на нее свирѣлый взоръ.

Когда онъ вышелъ, мать велѣла подать къ себѣ несчастнаго младенца, отверженнаго опцемъ еще при началѣ жизни. О, если бы могла спрятать ее! говоритъ Эрминія, осматривая вокругъ себя всѣ мѣста съ опчаяннымъ лицомъ. Окружающія женщины докладываютъ ей, что это не возможно; что лучше гораздо оставишь дитя въ зависимости своего родителя и что она можетъ скорѣе съ нимъ увидѣться, когда Богъ обрадуетъ ее рожденіемъ сына. Въ ту минуту входитъ Ремондъ съ молодою и прекрасною кормилицею. Тайная хроника утверждаетъ, что прозорливый Ремондъ выбиралъ всегда красавицъ, чтобы не скучать должностію спража. Онъ беретъ новорожденную изъ рукъ машери, и общаетъ

имѣть объ ней столько же старанія, сколько онѣ имѣли о старшей сестрѣ, которая растетъ и цвѣшетъ въ полномъ здоровьѣ; и это утѣшительное извѣстіе облегчаетъ сердце спраждущей матери. Она отдаетъ новорожденную съ меньшимъ прискорбіемъ. Зови ее Бертою, говоритъ Эрминія; имя благодѣшельницы смягчитъ можетъ быть въ ея пользу сердце опеческое. Ремондъ качаетъ головою, зная, что сердце Гримоалда не можетъ смягчиться, и отдаетъ младенца на руки кормилицы, которой сама Эрминія его поручаетъ. Ахъ! Богъ да пошлетъ тебѣ брата! восклицаетъ она въ слѣдъ младенцу, и мать къ тебѣ возвратится! — Дитя и кормилица отведены пошчасъ въ другой теремъ; ибо нельзя соединить обѣихъ сестеръ въ одномъ теремѣ: такъ они тѣсны. Къ тому же Ремондъ имѣлъ повелѣніе разлучить ихъ.

Едва оправилась Эрминія отъ родовъ своихъ, и новое горесипное происшествіе обратило ея мысли на другой предметъ. Опецъ ея де Вержи занемогъ опасно въ своемъ замкѣ Шанванѣ отъ одного случая, нанесшаго жестпо-

вій ударъ чувствительной Эрминіи. Она имѣла брата и сестру Габріеллу, выданную за - мужъ за Грандсона, владѣтеля замка своего имени. Несчастливая Габріелла, достойная лучшей участи и совершенно занятая своими обязанностями, имѣла истинную родственную привязанность къ своему брату, съ которымъ нѣкогда воспитывалась вмѣстѣ. Габріелла любила бы и супруга своего, Сира Грандсона, красиваго мужчину и храбраго воина, если бы онъ былъ любезнѣе; будучи до крайности ревнивъ и горячъ, онъ оправлялъ жизнь своей подруги, но по крайней мѣрѣ она была ему вѣрна.

Молодаго Энгерона, ея и Эрминіи на брата, недавно украсили именемъ и доспѣхами рыцаря. Въ неперпѣннѣ оправдать свое новое званіе, онъ выпросился у отца на *турнуа*, который давали въ одномъ городѣ. Передъ отъѣздомъ ему хотѣлось просипѣться съ Габріеллою, сестрою своею; и по молодости лѣтъ ему пріятно было нечаянно предстать передъ нею въ рыцарскомъ нарядѣ. Онъ вооружился, надѣлъ латы и шлемъ, сѣлъ въ лодку, переѣхалъ озеро, и явился въ по-

мѣспѣ Грандсона. Съ берега увидѣлъ онъ Габріеллу; она гуляла одна въ тѣни аллеи, ведущей къ замку. Молодой человекъ надвигаетъ на лицо шлемъ свой, подходитъ къ сестрѣ и хочетъ обнять ее. Габріелла не пропивишя, ибо она узнала брата, и рукою приподнявъ шишакъ, цѣлуетъ его въ щеку; ласкается къ нему съ братскою любовію, шупитъ съ нимъ; сидя на лавочкѣ съ нимъ рядомъ и положивъ одну руку на его плечо, освѣдомляется сначала о своемъ родителѣ, потомъ глядитъ на него и на его лапы, любитъ рыцарскимъ нарядомъ, и замѣчаетъ, что у молодаго рыцаря нѣтъ перевязи; говоритъ ему въ шупку, что вѣрно нѣтъ у него дамы, которая бы позволила ему носить такое украшеніе съ ея именемъ и цвѣтомъ; братъ признается, что до того времени онъ мыслилъ только о славѣ. Когда такъ, говоритъ ему Габріелла съ нѣжною ласкою, и когда ты любишь до сихъ поръ меня одну болѣе всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ, то я хочу подарить тебѣ первую перевязь: она принесетъ тебѣ счастье; ибо истинная дружба братская лучше всякой любовной спрасси.

Говоря такимъ образомъ, она снимаетъ съ себя прекрасный бѣлый поясъ, застегнушый золотою бляхою съ вензелемъ, и сама надѣваетъ его на молодого рыцаря; потомъ отрѣзываетъ локоны длинныхъ волосъ своихъ, приподнимаетъ брашныя рукава, и обвязываетъ ими руку его. Ты возвратишь мнѣ ихъ, сказала она, смѣясь, когда какая нибудь красавица подаритъ тебя своими. Братъ цѣлуетъ ее, говоря, что и тогда они останутся у него на память, и что дары любви и дружбы одни другимъ не мѣшаютъ. Габриелла зоветъ его въ замокъ, чтобы показаться ей мужу; но молодой Энгеронъ не очень жаловалъ своего зятя, и не хотѣлъ долѣе медлить. Я видѣлъ тебя, сказалъ онъ сестрѣ, и только эшаго и хотѣлъ: проспи. Онъ заключаетъ ее въ свои объятія, разсѣаетъ съ нею, садится въ лодку, и схвативъ весло, быстро удаляется отъ берега, обращая ласковые взоры на сестру, и не ожидая совѣтъ, что его посѣщеніе и отказъ идти въ замокъ будетъ стоить какъ дорого милой сестрѣ. Проводивъ глазами лодку и брата, Габриелла возвратилась въ замокъ и все высказала.

Часть I.

зашь мужу, какъ вдругъ она встрѣчаешь его идущаго съ бѣшенымъ лицомъ и пламенѣющими взорами. Съ шеррасы замка видѣлъ онъ, какъ молодой Энгеронъ подкрадывался къ Габріеллѣ; и не узнавъ своего шурина въ новомъ нарядѣ, заключилъ изъ того, что рыцарь былъ ея любовникъ. Подаренныя перевязь и волосы казались ему вѣрнымъ доказательствомъ измѣны. Онъ видѣлъ, какъ они обнимались, какъ прощались; и вѣря только своей бѣшеной ревности, схватилъ за руку крошкую, но устрашенную подругу свою, и вмгъ вонзилъ ей кинжалъ въ сердце. Умри, вѣроломная! говоритъ онъ, такъ Сиръ Грандсонъ мститъ за оскорбленную честь свою! Для чего не могу вонзить оспраго желѣза и въ грудь своего любовника, того недошой а о рыцаря, котораго ты дарила ласками и волосами! Это братъ мой Энгеронъ де - Вержи! восклицаетъ Габріелла, и кончаетъ жизнь. Ручьи крови ея обогряютъ землю. Жестокій супругъ не знаетъ, вѣришь ли словамъ ея. Первая мысль его сокрытъ злодѣйское убійство; онъ закидываетъ въ озеро мершвое тѣло, въ намбрениі распу-

спить слухъ , что жертва его упонула нечаяннымъ образомъ. Но рыбаки видѣли все , что случилось ; они узнали молодого человѣка , и убійца совершилъ ударъ свой такъ скоро , что они не могли упредить его. Ожидая великой награды отъ отца де - Вержи , если имъ удастся возвращить ему дочь живую , они выпащили на берегѣ шѣло; но ихъ усилія были бесполезны — рана дошла до сердца ; невинная Габриелла лежала мертвая , и бездушный трупъ ея отнесли рыбаки въ Шанванской замокъ , и положили къ ногамъ несчастнаго отца , рассказавъ ему происшествіе , котораго сами были свидѣтелями. Отецъ покосовалъ и грозилъ убійцѣ. Ярость возвратила ему силу юношескихъ лѣтъ. Онъ лезилъ въ Грандсоновъ замокъ , недоспойнаго зятя своего вызывающъ на поединокъ , убивающъ его , отмщающъ за дочь и за честь ея ; но онъ не могъ ни возвратить ей жизни , ни примириться съ своею совѣстію , которая безпрестанно укоряла его смертію дочери , ибо онъ приневолилъ ее къ сему замужеству. Горестъ и раскаяніе медленно вели его ко гробу. Чувствуя приближеніе конца

своего, онъ хотѣлъ видѣться съ другою дочерью, и увѣриться, что меньшая благополучнѣе старшей. Онъ отправилъ за нею своего конюшаго; и Бримоалдъ не смѣлъ опназать ему. Побѣжай, сказалъ онъ женѣ своей, побѣжай къ отцу узнать, пріятно ли имѣть дочерей; но если ты выскажешь ему, что есть у тебя дочери и что я заперъ ихъ въ башни, то никогда тебѣ невидаться съ ними. Эрминія обѣщала молчать, взглянула на башни, поручила Богу дѣшей своихъ, и отправилась къ отцу.

Полгода слишкомъ прожила она въ домѣ отца своего, имѣя о немъ поощреніе въ болѣзни и дѣля съ нимъ сердечную горестъ. Ничто не могло утѣшить его. Для чего Богъ не опнялъ у меня Габріеллы въ часъ ея рожденія? говорилъ онъ Эрминіи; лучше умереть, нежели вырасти дочерью жестокаго отца; а я былъ къ ней жестокимъ, приволилъъ идти за такою злаго чловѣка. Онъ испустилъ послѣдній духъ, не воображая, что Эрминія терпѣла ту же учасъ. Но дочь не позволила себѣ ни слова жалобы, и въ Москву-

щемъ сердцѣ сокрыла материнскую горестъ.

Гримоалдъ прѣхалъ за нею; возвратился съ супругой въ свой Вуфланскій замокъ; и она родила ему — прешью дочь. Не будемъ описывать на сей разъ бѣшенства свирѣпаго Гримоалда! . . . Онъ готовъ былъ схватить новорожденную. . . . Когда Ремондъ удержалъ его за руку, самъ взялъ ребенка, и ожидалъ приказанія, Гримоалдъ не могъ говорить отъ злобы; голосъ его перерывался; но рукою указалъ онъ на прешій башенный теремъ, и Ремондъ унесъ младенца. Эрминія не была свидѣтельницею сего происшествія; узнавъ, что у ней родилась прешья дочь, она лишилась чувства; но когда пришла въ себя, не было уже передъ нею ни младенца, ни отца, ни сиража. Сказавше Ремонду, воскликнула она въ отчаяніи, чтобы звали прешью дочь мою Габріеллою; она погибаетъ также отъ свирѣпаго чловѣка, а тетка ея въ томъ мѣрѣ будетъ ея заступницею передъ Богомъ.

Чѣмъ болѣе опинимали у нее дочерей, тѣмъ усерднѣе желала она сына, для возвращенія себѣ тѣхъ дѣшей; и

въ четвертый разъ сдѣлавшись беременною, не переспавала передъ олимпіадами молишь на колѣняхъ Бога даровать ей сына. Но конечно Богъ караеъ гордоспъ безумца; вышнему Промыслу угодно было, чпобы онъ не имѣлъ наследника, и чпобы у него родилось столько же дочерви, сколько было шѣхъ башенныхъ теремовъ, которыми онъ гордился. И шакъ у него родилась четвершая дочь, чпо привело всѣхъ присутствующихъ въ шакую ужасъ, чпо, положивъ на постель младенца, одни за другими скрывались изъ комнаты. Гримоалдъ нѣмѣлъ отъ злобы; ударъ гошовъ былъ грянушь, какъ вдругъ Эрминія почувствовала себя одаренною сверхъестественною силою. Эрминія, всегда крошкая и поворная, схватила на руки новорожденную, и съ швердоспю, поразившую Гримоалда, объявила ему, чпо ничто въ мірѣ не принудитъ ее разстаться съ четвертымъ своимъ младенцемъ, котораго она съ прешпомъ прижимала къ сердцу. Если ты хочешь запереть ее въ четвертый теремъ, ошецъ жеспокосердый, то и я хочу быть заперта съ нею; я буду ея кормилицей, ея

нянькою; и подв свяшою присягою
закаиваюсь уже пещерь родиль шебъ
наслѣдника.

Гримоалдъ спойтв внѣ себя опв
дерзоспной рѣчи. Изволь, сударыня,
изволь, говоритв ей, скрѣпивв серда-
це, ошиправлю шебя св элимв ребен-
комв вв чешверпую башню и не вы-
пущу шебя изв перема во всю жизнь
твою. Неизвѣспность швоей судьбы
позволитв мнѣ женишься на другой,
которая принесетв мнѣ дѣпей. Будь
гошова перебрашься шуда вв нынѣшнюю
ночь; св эшаго часа ты умерла для
свѣша. Онв выходитв и оставляетв
ее вв радоспномв воспоргѣ. Ахв! я
не умру для шебя по крайней мѣрѣ,
моя милая Зизела; называю шебя име-
немв подруги моего дѣшства, шѣхв
сшасптивныхъ дней, которые св шобой
но мнѣ возврапяшся; наконецв я буду
машерью, кормилицею и нянькою од-
ного изв милыхъ сущесствъ, рожден-
ныхъ мною на свѣшв! Уже вв первый
разв она выполняетв шу пріашнюю
обязанность, которую Небо предосшав-
вило машерямв вв награду за ихъ стра-
данія, — и всѣ муки ея забышы. По-
шомв она заснула св младенцемв на ру-

нахъ, и никогда въ жизни не имѣла счастливѣйшаго пробужденія: первымъ предметомъ представилась главамъ ея дочь; она осыпала ее поцѣлуями; и не только не сѣповала на своего жестокаго супруга, но благословляла Зизелина отца, которому была обязана счастіемъ матери.

Когда совсѣмъ смерклося, вошелъ Ремондъ съ двумя служителями. Они принесли на щипѣ нѣчто закушанное и огромное; Ремондъ положилъ таинственную вещь на постель рядомъ съ нею, и молча вышелъ съ обоими рабами. Она не угадывала сначала, но ужаснулась формы сего предмета; дрожащую руку поднесла къ полотняному покрову, коснулась того, что под нимъ лежало, и съ препеномъ опдернула руку. Она оцупала холодное шѣло, и вѣрно то, которому надлежало вмѣсто ея быть ошпѣтымъ и похороненнымъ; но что ей нужды? Она будетъ жить для дочери. Эта мысль придаетъ ей силы; не смотря на слабость, оставшуюся отъ родовъ, она вспаепѣ, одѣвается безъ помощи другихъ, и сидя съ младенцемъ, на рукахъ ея заснувшимъ, ожидаетъ Ремон-

да, который велѣлъ ей приготовитьсь къ полночи. Ремондъ приходитъ и кажется ей спасителемъ. Она уноситъ свое сокровище. Ремондъ, съ фонаремъ въ рукѣ, ведетъ ее черезъ галлереи къ башнѣ, лежащей на сѣверѣ, противъ олпая церкви. Увидя переходы, ведущіе въ другія башни, она обращается мыслями къ другимъ дочерямъ своимъ, споль къ ней близкимъ; беретъ за руку Ремонда, и съ тѣмъ краснорѣчивымъ взоромъ, который можетъ имѣть одна мать, проситъ его на колѣняхъ дозволишь ей съ ними увидѣшься на одну минушу. Ремондъ отказываетъ и упорствуетъ; она приступаетъ къ нему съ прозьбою, и видя, что онъ смягчается, спарается еще преклонишь его. . . . Хорошо, сударыня, говоритъ онъ, что могу только, то сдѣлаю для васъ; но за мою снисходительность требую, чтобъ вы на теперешній разъ прошли сперва въ приготовленные для васъ покой: помните, что дитя ваше имѣеть только суши отъ роду, что вы кормите его, и что вамъ должно беречь для него свое здоровье. Эрминія соглашается. Ремондъ вводитъ ее въ перемъ, прикос-

новенный къ башнѣ. Вотъ ваше жилище и ваша постель, говоритъ ей; лягте и отдохните, вы уснули; а эшопъ колокольчикъ и снурокъ проведены ко мнѣ въ комнату; но только безъ крайней нужды не звоните и не зовите меня. Вотъ уголъ въ башнѣ, гдѣ вы будете ежедневно находить гошовую пищу. — „А дочери мои? Добрый Ремондъ, ты обѣщала мнѣ. . .“ — Все, что отъ меня зависишь, сударыня. Берегите свое здоровье. Увижусь съ вами. —

Онъ вышелъ, и заперъ двойныя желѣзныя двери. Эрминія оспалась паѣнницею въ своемъ собственномъ замкѣ; но сама требовала того, и ни на кого не жалуется; кладетъ на постель спящаго младенца своего, и спановится на колѣни благодарить Бога за низпосланную ей твердость и силу. Потомъ сѣла подлѣ дочери, и такъ провела ночь довольно покойно. Часъ ея пробужденія былъ для нее часомъ пріятной надежды увидѣть трехъ старшихъ дочерей и сладкой отрады покровить меньшую на рукахъ своихъ. Ремондъ не показывался, но въ углу башни стояла уже приготовленная пи-

ща, лежало бѣлье съ платьемъ для нее и для младенца. Подъ вечеръ она услышала погребальной звонъ, и скоро въ узкія окна ея шерема отразился свѣтъ горящихъ фанеловъ. Толстыя стѣны не позволяли ей близко подойти къ фрѣшепѣ; но придѣлъ церкви былъ передъ ея глазами; черезъ нѣсколько минутъ приблизилось ко храму погребальное шествіе; передъ фанелами несутъ гробъ, обитый бархатомъ съ золотою бахромою и съ вышитымъ гербомъ ихъ фамиліи. Она видѣла и не сомнѣвается, что это ея похороны. Служители въ глубокомъ праурѣ извѣляющъ горестъ. Супруга ея не было. Она угадала истину. Боясь обличить себя холоднымъ сповойсвѣемъ, онъ пришворился, будто бы не имѣлъ силы выдержатъ сего зрѣлища; но въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ въ обширной залѣ своего замка, придумывая, какую молодую дѣвушку избрать ему въ супруги. Нѣкоторый страхъ и можетъ быть нѣкоторое уваженіе къ чести не допускало его посягнуть на жизнь Эрминіи. Сдѣлавшись убійцею жены своей казалось ему безславіемъ для рыцаря;

но позволительно ли было запереть ее навсегда съ безвинными дочерями?

Обратимся къ симъ несчастнымъ жертвамъ свирѣпаго права, столь обыкновеннаго въ тѣ времена, о которыхъ вошло въ моду сожалѣть, но которыхъ не спомнивъ конечно нынѣшнихъ. Храбрые рыцари, назначенные покровительствовать и защищать слабый полъ, исполняли ихъ обязанности, когда пылкіе дни юности, влеченіе красоты и побужденіе славы приносили имъ минутное вдохновеніе. Не одни Грандсоны и Гримоалды служашъ примѣромъ тѣхъ спранныхъ рыцарей, которые, въ копьемъ, въ рукѣ, лепѣли на смерть за права и преимуществва своихъ красавицъ, и потомъ дѣлались пиранами и убійцами своихъ подругъ, когда несчастныя награждали ихъ храбрость рукою и любовію. Ахъ! если молодая красавица, подавая сигналъ побѣды и славы сражавшемуся за нее герою, внушала удовольствіе поржества, не извѣстнаго женщинамъ нашего вѣка, то какъ дорого спомила ей леспная побѣда! Проводить оспамокъ дней въ мрачныхъ стѣнахъ замка, въ разлукѣ съ повелителемъ своимъ, всегда заня-

нымъ войною, или шравлею звѣрей, лишашься всѣхъ наслажденій и удовольствій молодости, соединяшь жребій свой со жребіемъ суроваго война, котораго сердце не мягче желѣзныхъ ламъ, и котораго дикій нравъ при малѣйшемъ подозрѣніи, при малѣйшей непокориности грозитъ убійствомъ, или вѣчнымъ заключеніемъ! . . . Нѣтъ! не завидны прекрасныя времена рыцарства!

Наша Эрминія не скучала въ своемъ теремѣ; здоровье и силы ея мало по малу возвращались; она ходила за своею дочерью, безпрестанно думала о другихъ у ней опнятыхъ, и считала дни и часы до наступленія свиданія, обѣщаннаго ей Ремондомъ. Она представляла себѣ старшихъ дочерей въ образѣ прехъ Грацій; ея воображеніе ускоряло часъ свиданія, и соглашало ихъ черты съ шѣми именами, которыя онѣ носили. Алоиза вѣрно походила на свою бабу красотою и величавою осанкою; Берна имѣла конечно худѣльшую чувствительность, ту крошечную и ангельскую фізіономію, которую отличалась Королева Ломбардская; а Габріелла милый, ошкровенный

и прекрасный взоръ своей несчастной
пешки, потъ взоръ, который могъ бы
смягчить шигра, и не могъ обезору-
жить ея свирѣпаго мужа. Прелестныя
мечты материнскаго сердца! что съ
вами будете? Послѣ двухъ недѣль ожи-
данія, послѣ сихъ недѣль, которыя
показались ей цѣлымъ вѣкомъ, гремятъ
запоры на дверяхъ ея; съ замирающимъ
сердцемъ она бросается къ первой две-
ри; ей слышатся уже дѣтскіе голоса;
входитъ Ремондъ; онъ одинъ, и лице
бѣдной матери выражаетъ сердечную
горестъ. „Долго ты не посѣщала ме-
ня, Ремондъ“ говоритъ Эрминія: „и
ты пришелъ одинъ. Ахъ! по ли ты
обѣщала мнѣ? Надежда подкрѣпляла
мои силы.“

— Я обѣщала вамъ, сударыня,
сдѣлать, что отъ меня зависило. . . —
И Ремондъ замолчалъ.

„А жестокій, свирѣпый Гримоалдъ
вѣрно запрещаетъ тебѣ“ восклицаетъ
Эрминія: „но можетъ ли онъ о томъ
свѣдать? и обязанъ ли ны отдавать
ему отчетъ въ твоихъ добрыхъ дѣ-
лахъ? Ахъ! одно мгновеніе благополу-
чія, мною ожидаемаго, загладило бы
всѣ твои вины и заблужденія передъ

еямымъ Богомъ, Который повелѣваетъ намъ утѣшать огорченныхъ!“

— А я долженъ еще огорчить васъ, говоритъ Ремондъ пронупымъ голосомъ: я ожидалъ только поправленія вашего здоровья, чтобы извѣстить васъ. . . —

„О чемъ? говори! ради Бога не оставляй меня въ неизвѣстности!“

— Не имѣю силы. . . Вотъ письмо, которое мнѣ поручено было вамъ отдать при началѣ вашего заключенія; у меня не достало столько духу; теперь прочтите его и покоритесь волѣ Бога. Я скоро приду къ вамъ. — Онъ ушелъ съ поспѣшностію. Эрминія разкрываетъ письмо, и читаетъ сіи строки:

„Трехъ старшихъ дочерей своихъ
 „нѣтъ уже на свѣтѣ. Я скрывалъ отъ
 „себя смерть ихъ по причинѣ своей
 „беременности; теперь ты недостой-
 „на никакого уваженія. Алоиза и Бер-
 „та кончили жизнь, когда ты госпи-
 „ла у отца своего; Габріелла не долго
 „жила послѣ рожденія; можетъ быть
 „я могъ бы примириться съ четвертою
 „дочерью своею, когда она оспалась
 „одна; но ты сама раздражила меня:“

„ты осмѣлилась обѣщаться передъ Бо-
 „гомъ не родить мнѣ сына; а я повшо-
 „ряю обѣщаніе никогда съ побою не
 „видашься. Всѣ починающъ тебя умер-
 „шею; ты въ самомъ дѣлѣ умерла, и
 „даже похоронена; и я не могу уже
 „перемѣнить эшаго, если бы и оспа-
 „токъ любви. . . . Нѣтъ! ты недо-
 „стойна любви, ты не любила меня
 „никогда, и ты научила бы дочерей
 „своихъ меня бояться и ненавидѣть.
 „Забудемъ помѣ союзъ, котораго Богъ
 „не благословилъ! Если ты покоришь-
 „ся безъ ропота избранному побою
 „жребію, то будешь имѣть все нуж-
 „ное, и будешь жить, какъ надлежало
 „бы жить всѣмъ женщинамъ.

„Гримоалдъ.“

Сначала печальное извѣстіе пора-
 зило Эрминію, — материнское сердце ея
 шосковало; но второе обдуманное дви-
 женіе обратило ее почти къ радости:
 дочери ея имѣющъ уже опца, и не
 помятся въ заключеніи. Она возводитъ
 на небо слезящее око, и видящъ ихъ,
 кажешся, на ряду съ Ангелами; ей при-
 ходящъ на память слова Сира де Вер-
 жи: *Лучше умереть въ дѣтствѣ, не-*

жель *вырости* *дочерью* *злаго* *отца*.
 Мой родитель правъ, мыслила она сама въ себѣ. И буди во всемъ воля Господня! Взоръ и сердце ея обратились на малютку Зизелу, на послѣднее утѣшеніе дней ея, на ту, которая сдѣлалась единственнымъ предметомъ ея сердечной горячности; она взяла ее на руки въ восторгѣ: ты не умрешь; у тебя оспается мать; мои попеченія сберегутъ юную жизнь твою, тебя, мое драгоценное сокровище. Счастлива и пресчастлива я, что мнѣ поручены дни твои!

Ремондъ возвратился и нашелъ ее въ семъ распаленіи сердца. Она не спрашивала его о кончинѣ дочерей своихъ; казалось, что она хотѣла испребить память ихъ крапваго и печальнаго бытія на землѣ: онѣ тамъ, говорила Эрминія, указывая рукою на частичку неба, видную изъ ея окна, онѣ тамъ подлѣ моего отца, подлѣ моей сестры; когда-нибудь и мы переселимся къ нимъ. Съ того времени она успокоилась; Зизела была предметомъ ея нѣжныхъ попеченій.

Гримоалдъ не имѣлъ сего счастья. Годы прошекали, онѣ не присупалъ

но второму браку, не имѣя способа исполнить свое намѣреніе. Слухи о бѣдствіяхъ, прешерпѣнныхъ Эрминією, и нѣкоторая подозрѣнія, возбужденныя ея скоропоспѣжной смертію, разнеслись по окресностямъ; и Гримоалдъ вселилъ отвращеніе къ себѣ во всѣхъ дѣвицахъ. Примѣръ обѣихъ дочерей Сира де - Вержи сдѣлалъ опцовъ не столь самовластными; ни одинъ не хотѣлъ приневолишь дочь свою къ замужству съ Вуфланскимъ владѣльцемъ. Онъ оставался вдовцомъ, и можешь быть не одинъ разъ разнаевался, что несправедливосшь его поставила между имъ и супругою непреодолимую преграду, объявивъ ее умершею; онъ размышлялъ тогда о своей обманутой надеждѣ и о своихъ чепырехъ дочеряхъ. „Эрминія народила бы мнѣ и сряду до двадцати мальчиковъ; лучше объ этомъ не думай! Когда захочу, могу найсти и усыновить любого наследника!“ Такимъ образомъ, спараясь заглушать совѣсть и поску свою, днемъ правилъ онъ звѣрей, а по возвращеніи къ ночи пилъ безъ умѣренности съ нѣсколькими сосѣдями. Шумное ихъ веселье въ об-

широкой залѣ Вуфланскаго замка раздавалось подѣ сводомъ, и доходило иногда до Эрминіи черезъ длинныя галлеи, ошдѣлявшія средний корпусъ древняго зданія отъ башенныхъ перемовъ. Гримоалдъ, по многимъ причинамъ, которыя угадать не шрудно, переселился изъ прежнихъ покоевъ своихъ въ другіе; а тѣ комнаты занималъ Рейондъ, который женился на прекрасной кормилицѣ бѣдной Берны, и отъ нее имѣлъ уже дѣтей. Гримоалдъ видался съ нимъ рѣдко, и преспарблыи шпалмейстеръ сдѣлался отъ того добрѣе и челоѣволюбивѣе; онъ старался облегчить жребій заключенныхъ; видая ихъ, и шолько ихъ однѣхъ, онъ привязался къ нимъ испинно; терпѣніе, крошость, благочеспіе Эрминіи, горячность ея къ дочери, и дѣтская любезность послѣдней смягчили нравъ его. Сперва онъ посѣщалъ ихъ въ недѣлю по одному разу, а потомъ по два и шри раза, а наконецъ ежедневно; страспно полюбилъ милую Зизелу, и не расстался бы съ нею, если бы опецъ вздумалъ взять ея къ себѣ. Нельзя было ребенку бышь привлекательнѣе и умнѣе, ни имѣшь пріятнѣйшей

фізіономіи и наружности : ея волосы ,
 какъ серебро свѣшлые , вились кудрями
 вѣкругъ ея личика бѣлаго и румянаго ;
 прекрасные голубые глазки , въ согла-
 сіи съ ея улыбкою , сверкали оспро-
 уміемъ. Она была всегда весела , и
 дѣтскую радость свою сообщала мате-
 ри и Ремонду , единственнымъ суще-
 ствамъ , видѣннымъ ею. Она не во-
 ображала въ мірѣ жилища покойнѣе и
 пріятнѣе ихъ перема , ни другаго
 возможнаго рода жизни ; считала себя
 на по сщворенною , чтобы жить въ
 башнѣ Вуфланскаго замка , какъ пти-
 цы сщворены жить въ сщхіи возду-
 ха ; и если завидовала иногда ихъ
 крыльямъ , ихъ быстрому полешу , то
 въ семъ случаѣ играло только ея дѣт-
 ское воображеніе. Она не захошѣла бы
 лешѣшь на крыльяхъ , если бы над-
 лежало распашься съ матерью , кошо-
 рая богошворила ее , только занималась
 ею , только образовала ея умъ и серд-
 це съ крошестію всегда неизмѣнною ;
 а мать и престарѣлый другъ ея Ремондъ ,
 кошорый приносилъ ей пищу и плашье
 и участвоваль въ ея играхъ , были для
 нее вселенною. Юному сердцу ея из-
 вѣстны только были любовь и благо-

дарность; она почитала себя счастливейшею на землѣ пиварью, и только грустила тогда, когда добрая родительница лежала больною, или казалась печальною. Не смотря на твердость и великодушіе, не смотря на счастье имѣть при себѣ дочь свою, слезы капались иногда изъ Эрминіиныхъ глазъ оубо мысленнаго взора на будущее: куда двъваться Зизелѣ, и что будетъ съ нею, когда смерть сразитъ мать ея и она останется одна въ мірѣ, отверженная ошцомъ своимъ? Тогда она радовалась, что Богъ прибавилъ старшихъ дочерей ея. Ремондъ ее успокоивалъ. Я буду ей ошцомъ, говорилъ онъ, если бы случилось это несчастіе; я взялъ бы ее къ себѣ; жена моя имѣла бы объ ней попеченія, какъ о собственной своей дочери: развѣ Зизела не сестра маленькой Бѣрпы, которую жена моя кормила своею грудью? Въ первый разъ Ремондъ наименовалъ жену свою; Эрминіи знала, что онъ женился, но только не знала, что на кормилицѣ ея дочери. Это слово сильно пробудило память милыхъ дѣпей въ душѣ чувствительной матери. „Какъ! твоя жена“ говорилъ Эрминіи, „за-

быть совершенно. „Ахъ!“ говорила ей Зизела съ милою своею живописію: „если бы сестрицы были живы, и если бы мой другъ Ремондъ позволилъ мнѣ выходитьъ, то пошла бы за ними и привела ихъ къ тебѣ съ конца свѣта.“ — Другъ мой, отвѣчала Эрминія, сестрицы твоихъ нѣтъ уже на свѣтѣ; но ты можешь ихъ возвратишь мнѣ, любя меня за себя и за нихъ. —

„И такъ люблю себя, маминька, буду любить; но и ты должна любить меня за нихъ и за себя.“

— Люблю тебя всею душой и всѣмъ сердцемъ, милая Зизела моя; и если бы сестры твои остались живы, то не меньше бы теперешняго любила тебя: сердце матери неисповимо. —

Въ самомъ дѣлѣ ея материнская чувствительность была неисчерпаема; она перзалась съ нѣкошораго времени новыми мечтами воображенія; и съ тѣхъ поръ, какъ память дочерей пробудилась въ душѣ ея, занималась только ихъ образомъ. Чѣмъ болѣе Зизела приносила ей благополучія, тѣмъ болѣе мыслила она, что такое благополучіе могло бы еще умножиться, и тѣмъ чувствительнѣе была для нее

безвременная потеря прехъ старшихъ дъщерей: малѣйшее къ нимъ отноше- ние, малѣйшее воспоминаніе рождало въ голозѣ ея множество мечпаній. Однажды Зизела разчесывала ея длинныя свѣтлорусые волосы; Ремондѣ зашелъ; давно онѣ не видалъ ее съ открытою головою; это поразило его. „Какъ вы похожи на Берпу!“ сказалъ онѣ.

— Какъ! на какую Берпу? —

„. . . . На Королеву Ломбардскую, безъ сомнѣнія,“ отвѣчалъ Ремондѣ.

— Ты заговариваешься — говоришь Эрминія; но бѣдная сама заговаривалась. Она погрузилась въ задумчивость. Королева Берпа, будучи гораздо бѣловурѣе, совсѣмъ на нее не походила; и не лзя было полагать, чшобы Ремондѣ въ помнилъ по ней о Королевѣ Ломбардской: слѣдственно она привела ему на память другую Берпу, и конечно она жива? Эта мысль, довольно естественная и вѣроятная, носилась въ ея головѣ. Гдѣ она, гдѣ она? часто повторяла Эрминія въ глубокой задумчивости.

„Кто она?“ спросила Зизела. „О комъ вы говорите, маминька?“

— О сестрѣ своей Бертѣ; она жива, вѣрно жива; слышала ты, что сказалъ Ремондъ? что она похожа на меня. Ахъ! если бы я могла съ нею увидѣться! --

„Дайше мнѣ сроку“ отвѣчало милое дитя: „буду такъ усиленно просить моего друга Ремонда, что онъ не откажетъ мнѣ. О! какъ я буду рада имѣть сестрицу!“

Съ того времени Зизела сдѣлалась вдвое ласковѣе къ преславному Ремонду; рассказала ему о догадкѣ матери, и на колѣняхъ заклинала его именемъ Бога сказать, жива ли Берта. Онъ продолжалъ утверждать, что нѣтъ сестрѣ ея на свѣтѣ; совѣщивалъ успокоить родительницу, и разувѣрилъ ее въ сладостной, но обманчивой надеждѣ. Зизела не безъ труда успокоила мать. Эрминія вздохнула. Ей казалось, что она лишается снова прехъ дочерей своихъ. Обнявъ послѣднюю у ней оставшуюся, она перестала говорить о другихъ. Но черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, въ поздній часъ, въ которой Ремондъ приносилъ къ нимъ пищу, вошла и увидѣла ихъ молодая и прекрасная дѣвушка.

ка съ хлѣбомъ и другимъ кушаньемъ въ корзинѣ. Красавица подходитъ къ столу, ставитъ на него корзинку и хочешь удалишься. Эрминія едва переводила духъ, и не могла насмотрѣться на прекрасную незнакомку; сердце ея билось несказанно; она схватила ее за руку: „Ради Бога останься съ нами на часокъ“ говоритъ ей Эрминія дрожащимъ голосомъ. „Кто ты? какъ тебя зовутъ? къмъ ты прислана сюда? скажи, ради Бога скажи!“

— Меня зовутъ Арсеною, — говоритъ молодая незнакомка; — шталмейстеръ Ремондъ ошецъ мой; онъ лежитъ болѣивъ, и велѣлъ мнѣ принести къ вамъ кушанье; но только не сказывайте ему, что я отвѣчала вамъ: онъ запретилъ мнѣ говорить, и чпюбы не сказать лишняго слова, бѣгу отъ васъ назадъ. — Незнакомка скрылась.

Эрминія не вѣришь уже мечшь, ей польспившей; но изъ глазъ ея льются слезы отъ потери надежды.

Прошелъ годъ; въ теченіе сего времени Эрминія имѣла еще минувши невольнаго смятенія и обманушой надежды.

Ремондъ видался рѣже съ заключенными, и проводилъ по цѣлымъ суткамъ въ покояхъ Гримбалда. Арсена являлась иногда вмѣсто отца; Зизела жаскою привлекла ее къ себѣ; онѣ ознакомились и подружились. Мать и дочь заспавляли Арсену рассказывать всѣ подробности ея жизни, и не свѣдали ничего для нихъ важнаго. Арсена провела дни своего дѣтства въ замкѣ у своихъ родителей, и не имѣла, казалось, свѣдѣнй о заключеніи другихъ дѣвицъ въ тюрьмѣ. У ней былъ братъ, котораго она чрезвычайно хвалила. „Ему хочется“ говорила Арсена „узнать и видѣть мою пріятельницу Зизелу; и если вы дадите мнѣ слово не сказывать о томъ папинѣ, то приведу его къ вамъ.“ Зизела дала слово, не дожидаясь отвѣта матери, и съ переплѣтѣмъ хотѣла обнять Арсенина брата. На другой день сестра привела его. Молодой прекрасный мужчина былъ въ пажескомъ платьѣ, которое очень приспало къ лицу его. Зизела, которая такъ хотѣла его видѣть, сморѣла на него съ замѣшательствомъ, и не могла ничего говорить. Эрминія запрепешала, услышавъ, что онѣ ви-

дается ежедневно съ Гримоалдомъ и слышетъ его любимымъ пажемъ. „Молодой человекъ!“ говоритъ ему Эрминія, „если ты хочешь быть честнымъ и прямымъ рыцаремъ, то будь скромнъ и молчаливъ, и не сказывай, что ты посѣщаль насъ въ башнѣ.“ — Скорѣе соглашусь умереть, — говоритъ молодой Аршусъ — нежели вамъ не повиноваться. Не знаю, кто вы, и за что заключены въ башнѣ, но увѣренъ въ томъ, что никакого зла не могли сдѣлать ни вы, ни эпа крошкя дѣвица. О! когда произведутъ меня въ рыцари, я освобожу васъ, вѣрно освобожу; но до того времени не перешану быть скромнымъ и вѣрнымъ. А позволите ли мнѣ приходить еще съ моею сесприцею? — „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ Эрминія, „не хочу ни обманывать Ремонда, ни принимать васъ противъ его воли.“ Добрал мать сожалѣла, что ея Зизела увидѣла молодого пажа, и не желала возобновлять ихъ свиданій. „Ты придешь завтра“ говорила Зизела Арсенѣ, которая и дала ей слово. Но завтрашній день и многіе другіе прошли, она не приходила. Ремондъ также не возвращался; нищу доставляла черезъ башню неви-

дима я рука. Зизела обѣдала безъ удовольствія, сожалѣя о своей Арсенѣ; и мать боялась, чтобы Артусъ не имѣлъ въ томъ участія. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, когда онѣ ложились спать, говоря объ Арсенѣ, входитъ Ремондъ съ фонаремъ въ рукѣ. „Скорѣе идите за мною“ говоритъ онъ Эрминіи: „вашъ супругъ при смерти; онъ хочетъ съ вами видѣться; не теряйте времени.“

Пусть всякой вообразитъ ихъ смятеніе. Эрминія хватается за руку Зизелу и говоритъ ей: „Ободришь, мой другъ“ а сама пребуешь ободренія. „Ты скоро увидишь отца“ прибавляетъ она въ пол-голоса. Дочь была покойнице матери; ея сердечное движеніе имѣло нѣкоторую прелесть: отецъ, котораго она никогда не видала, ничего не говорилъ ей сердцу; но въ первый разъ жизни она выходитъ изъ своего перема, и всѣ предметы для нее занимательны. Можетъ быть въ семъ новомъ странствіи встрѣпшися съ нею Арсена, или братъ ея; съ изумленіемъ и надеждою носяпся повсюду взоры ея, но скоро обращаются на мать, которая, блѣдная и дрожа,

едва передвигаетъ ноги ; она поддержи-
 живаетъ и ободряетъ ее , всходя на
 лѣстницу , ведущую въ залу . И такъ
 Эрминія поочасъ увидитъ жестокаго
 супруга ; но эпитъ супругъ отецъ ея
 Зизелы ; и не только она не радуется
 его близкою смертію , но печалится
 и желаетъ возвратитъ ему жизнь . Съ
 каждымъ шагомъ возрастаетъ ея смя-
 шеніе ; передъ послѣднею дверью колѣ-
 на ея подгибаются , дыханіе переры-
 вается ; она упадаетъ къ дочери на
 плечо . Зизела , не имѣя силы поддер-
 жать матери , кричитъ въ страхъ :
 „Боже мой ! . . . Ремондъ ! маминька
 моя . . . помогите , помогите !“ Ре-
 мондъ подходитъ , спавивъ фонарь на
 землю , поддерживаетъ Эрминію , ли-
 шенную чувствъ и памяти , прикло-
 няетъ къ послѣднимъ ступенямъ , про-
 таетъ холодную руку ея , висящую безъ
 всякаго движенія , и ожидаетъ конца
 ея жизни . Онъ растворяетъ двери въ
 залу , гдѣ лежалъ на постели Гри-
 моалдъ , окруженный премо молодыми
 красавицами . „Алоиза ! Берта ! Габ-
 ріелла !“ кричитъ Ремондъ , „бѣгите
 на помощь къ вашей маминькѣ , возвра-
 тите ей жизнь !“ . . . Пріятныя имена

я слова раздались въ слухѣ , или справедливѣе въ сердцѣ Эрминіи ; она возвращается нѣ жизни , открываетъ глаза и видитъ себя въ Царствѣ небесномъ : ее держатъ на рукахъ чешыре ангела , называя сладкимъ именемъ матери. Арсена была въ числѣ сихъ ангеловъ. Ремондъ подводитъ ее нѣ Эрминіи подъ ея истиннымъ именемъ , котораго она и сама не знала : это была Габріелла , прелезья дочь Эрминіи и Гримоалда. Ея кормилица кончила жизнь отъ печали , что ее заперли и что отняли у нее собственныхъ дѣтей ; но Ремондъ сжалился надъ оставшимся младенцемъ , и принесъ его къ женѣ своей , которая только что родила Аршуса , и выкормила ихъ обоихъ. Алоиза и Берта росли вмѣстѣ въ одномъ изъ башенныхъ шеремовъ , гдѣ воспитывали ихъ Алоизина кормилица , женщина выше своего соспоянія , и Г - жа Ремондъ , которая кормила уже Берту и любила ее съ иѣжностью , равно какъ и сестру ея ; послѣдняя часто ихъ посѣщала , но съ собою не приводила никогда ни Габріеллы , ни Аршуса , чтобы они не проговорились. Гримоалдъ хотѣлъ , чтобы мать ихъ

почипала умершими; ибо онъ боялся, что желаніе съ ними увидѣться доведетъ ее до побѣга, и что тайна ея жизни обнаружится. Онъ заставилъ Ремонда присягнуть въ молчаніи, и чтобы привязать его къ тому сильнѣйшимъ изъ побужденій человѣческихъ — собственною пользою, обѣщавъ ему, за неимѣніемъ мужескаго наслѣдника, усыновить его Арпуса и отказать ему Вуфланскій замокъ. Сей молодой человѣкъ, воспитанный для рыцарства, имѣлъ великій духъ мужества съ прекраснымъ лицомъ и добрымъ сердцемъ. Съ того времени, какъ Ремондъ пристрасился къ юной Зизелѣ, онъ готовилъ ее въ супруги для сына; но ожидалъ смерти Гримоалда, чтобы заключить ихъ брачный союзъ и на семъ условіи возвратить свободу матери и чепыремъ плѣннымъ красавицамъ. Паденіе съ лошади, раскаяніе, угрызеніе совѣсти и увѣщанія честнаго духовника приближили минушу общаго благополучія. Когда виновный Гримоалдъ исповѣдался и покаялся во всемъ передъ духовнымъ опцемъ своимъ, ему предписано было отъ имени Святой церкви и для спасенія души его

отъ вѣчной муки, всенародно примирился съ достойною супругою и съ ея четырьмя дочерями, и у нихъ испросилъ прощеніе, чтобы имѣть упованіе на прощеніе Бога. Передъ исполненіемъ церковнаго обѣща онъ окружилъ себя четырьмя дочерями, въ полномъ увѣреніи, что онъ будущъ за него ходатайствовать у матери. Не было нужды въ семъ ходатайствѣ; Эрминія нашла дѣтей своихъ — все забыто; она видя въ раскаявающемся супругѣ своего благодѣтеля; сидя у его постели, не насмотрелась на милыхъ дочерей своихъ; самъ Гримоалдъ не слышавъ ни слова жалобы, ни слова укоризны, имѣвшъ даже участіе въ ласкахъ матери и дочери, и всего болѣе наказывающагося позднею сожалѣніемъ, что онъ лишилъ себя того счастья, которое теперь возвращается, но скоро отъ него сокроется. Онъ приближался къ послѣднему концу безчеловѣчной жизни; только истинное раскаяніе облегчало его совѣсть. Онъ благословилъ дочерей, увѣщая ихъ быть опорой и отрадою матери, отъ него пострадавшей; подозвалъ къ себѣ молодаго Ар-

пуса, и сказалъ: „Эрминія! вошѣ усыновленный мною юноша; согласна ли ты усыновишь его, и выдашь за него кошорую нибудъ изѣ дочерей швоихѣ? Онѣ удѣлишь богашое приданое другимѣ сестрамѣ ея, приметѣ мой фамильный гербѣ, и послѣ шебя ошпанешся Вуфланскимѣ владѣльцемѣ.“

Эрминія видѣла, чшо спрасшь имѣшь наслѣдника не потухла и вѣ умирающемѣ; но Ремондѣ обязалѣ ее покою кѣ себѣ благодарноспію, чшо она должна была согласиться на счастье его сына: и шакѣ она обѣщала любить нареченнаго зяшя. „А мы обѣщаемся любить его, какѣ брата“ воскликнули Алоиза и Берша, которыя, будучи его старѣе, не имѣли шребованія на другое чувствво. Габріелла счишала его всегда своимѣ братомѣ; но Зизела не рѣшалась называть симѣ именемѣ: Ремондѣ заключилѣ ихѣ вѣ свои обѣщанія, и далѣ отеческое благословеніе.

На другой день Гримоалдѣ кончилѣ жизнь. Эрминія осталась вдовствующею хозяйкою прекраснаго замка и вѣ немѣ провела дни глубокой, но счастливой старости. Три старшія

дочери ея вышли замужъ по выбору и склонности сердца за храбрыхъ и добродѣтельныхъ рыцарей. Алоиза вступила въ супружество съ Барономъ де-Блоне; Берта, не хотѣвшая разстаться съ матерью, вышла за одного богатаго сосѣда своего (мы сообщимъ нѣкогда исторію обоихъ браковъ); Габриелла выбрала извѣстнаго Барона Ласараца; а Зизела, милая и кроткая Зизела, любимица своей матери, осталась съ нею въ замкѣ супругою Аршуса, сего достойнаго юноши, сдѣлавшаго имя свое именитымъ въ исторіи рыцарства. Три другія сестры ежегодно гостили въ замкѣ у своей родительницы; и тогда каждая изъ нихъ съ удовольствіемъ обитала въ томъ башенномъ перемѣ, гдѣ проводила въ плѣну дни своей молодости.

Чертоги случая или счастья.

(Аллегорическая повѣсть.)

Нѣкогда я споялъ на распутии. . . и увидѣлъ пропинку прелестную, ведущую къ отдаленнымъ видамъ еще прелестнѣйшимъ. Я слѣдовалъ по излучинамъ пропинки; разнообразіе предметовъ заманивало далѣе и далѣе. Многіе бѣгали по сей дорожкѣ, спѣша къ цѣли какъ можно скорѣе. Наконецъ я достигъ до конца дорожки, и вступилъ въ прекрасную аллею, за коюрой открылось мнѣ блестящее зданіе. По мѣрѣ моего приближенія увидѣлъ я пѣснящуюся толпу вокругъ зданія. Конечно тамъ празднество, думалъ я, и мнѣніе мое имѣло пѣмъ болѣе вѣроятности, что въ семъ шумномъ спеченіи людей никто не обнаруживалъ знаковъ удовольствія. Мнѣ захопѣлось принять участіе въ празднествѣ, и меня увлекло въ толпу любопытство, которое побѣждаетъ всѣхъ людей, а философовъ еще скорѣе, нежели другихъ. Не безъ труда пробился я въ пѣсноту. Тамъ люди съ поропливостію толкали меня впе-

редѣ и назадѣ, даже ушибали меня съ намѣреніемъ, и сѣшили опередить всѣхъ. Правда, что другіе въ свою очередь опшпалкивали и опереживали ихъ, по мѣрѣ своего искусства и проворства. Такое волненіе усилило мое любопытство; но я опчаявался удовольствоваться ему: какъ вдругъ увлекла и вынесла меня на ступени чертоговъ бурная волна, которая едва не сокрушила меня однимъ ударомъ, но за то сокрушила половину шруднаго пупа. Я выдрался изъ пѣснопы и вспунилъ въ преддверіе, чтобы сѣслъ и опдохнуть.

Внутренній стражъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ: „Что вамъ угодно?“ — Охъ! ничего, опвѣщивалъ я голосомъ упомяннаго челоѣка. — „О! сему опвѣщу не вѣрятъ въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь.“ — Когда такъ, государь мой, по обьявляю вамъ, что я ищю опдохновенія и спокойствія. — „И того нѣтъ. Въ здѣшнемъ мѣстѣ напрасно будете искать его. Но сядьте. Если вы желаете успокоиться, по не дожидайтесь возвращенія богини, хозяйки сихъ чертоговъ.“ — А

кто хозяйка, если смѣю спросить? — „Имя ея *Богиня счастья*.“ — Какимъ образомъ она можетъ мѣшать моему споконействію? — „Вы, кажется, изъ *новичковъ*?“ — Да, я новъ во многомъ, и почти во всемъ. — „Слишкомъ новы,“ сказалъ онъ, и смотрѣлъ на меня пристально. Не знаю, полюбилось ли ему лице мое, но съ видомъ привѣпливымъ и учпивымъ онъ взялъ меня за руку. „Сдѣлайте мнѣ честь, пожалуйста за мною. Я проведу васъ по черпогамъ богини.“ — Я слѣдовалъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь; и блескъ украшеній изумилъ, очаровалъ, ослѣпилъ меня! Переходя изъ мѣста въ мѣсто, я дивился, и смотрѣлъ на моего пупеводителя. Конечно это волшебство? спросилъ я. „Ничего не бывало,“ отвѣчалъ онъ: „все, что вы видите, существуетъ въ самомъ дѣлѣ; но прикраса ложная. Переглядите все вскользь и скорѣе, если не хотите, чтобы прелестъ исчезла.“ Я смотрѣлъ на обои, на мебели, на хрусталь, на люстры: все было обманчивое. Серебро и золото поддѣлано; на мѣсто шипья и шкани подложена прошая бумага и вырѣзка; въ хрустальныхъ

и въ бриліантахъ вставлены сшюклы и райки разноцвѣтныя ; изъ внутреннихъ покоевъ представлена театральная перспектива ; а изголовья , постели , диваны и канапе слѣплены наскоро изъ розъ , отъ которыхъ не успѣли или забыли опнять колючія иглы .

Ахъ , государь мой ! воскликнулъ я къ моему пупеводителю : за чѣмъ вы здѣсь ? „Случайно“ отвѣчалъ онъ : „я занимаю мѣсто описывающаго друга , котораго ничто не можетъ вывести изъ заблужденія , и которой сошарѣлся въ службѣ неблагодарнаго случая безъ всякой пользы . Буду говорить вамъ о богинѣ счастья съ откровенностію , которая часто ссоритъ меня съ моимъ другомъ . Все , что видите въ семъ мѣстѣ ложнаго и обманчиваго , есть точно вывѣска ея духа и нрава . Въпреная , непостоянная , свое нравная богиня ласкаетъ васъ , и черезъ часъ оппалкиваетъ . Досаждающая и скучающая , сама бѣжитъ первая . Въ ея душѣ , подобно какъ въ ея чертогахъ , все игра и обманъ до самаго ея добросердечія и красоты ; но

прілипности ея влекутъ къ себѣ силою
непобѣдимой.

При первой встрѣчѣ и свиданьи
Лепишь душой на встрѣчу къ ней
И въ легковѣрномъ ожиданьи
Сокровищъ, благъ, счастливыхъ дней.
Она улыбкой обольщаетъ,
Сама ласкаетъ не любя,
И такъ искусно упѣшаетъ,
Что забываешь самъ себя.
Но долголь съ нею мы въ покоѣ?
Нѣтъ, въ мигъ разсѣется шуманъ,
Изчезнетъ облако златое,
Гдѣ мило шамъ игралъ обманъ
Восторга, радости и счастья;
И чпоужь откроется очамъ?
Пушпыня жизни, день ненастья;
А ты, — темничный узникъ шамъ.

Темничный узникъ! воскликнулъ я:
о! государь мой, я не хочу быть за-
ключеннымъ. Мой пупеводитель не
могъ удержаться отъ смѣха. „И шамъ
бѣгите,“ сказалъ онъ: „спасайтесь; позд-
но будетъ, когда богиня васъ уви-
дитъ.“ — Какая спранныя мысль!
Развѣ она приметъ меня за одного изъ
своихъ невольниковъ? — „Конечно.“ —
Для чего же вы не боитесь ничего са-
ми за себя? — „Она знаетъ меня дав-
но; но вы для нее новый человекъ.“ —

Будьте покойны. Я хочу ее видѣть, не будучи ею видимъ. — „Но знаете ли, что многіе огорчаются тѣмъ, что она ихъ не видитъ.“ — О! я не огорчаюсь такими бездѣлками. — „Вы философъ, какъ я вижу, и философъ веселый; но многіе мудрецы вамъ подобные попадали въ ея сѣти.“ — Но и многіе мудрецы мнѣ подобные укрывались отъ ея сѣтей. — „Разумѣю; вы хошите испытать счастья, чтобы имѣть славу побѣдителя искушеній.“ — Можетъ быть я чувствительнѣе къ славѣ, какъ молодой человекъ; имѣть немного самолюбія мнѣ простиительно. — „Юный мудрецъ, берегись!“ возразилъ мой переводчикъ:

Кто самъ ввергался въ искушенья,
Тотъ мудрымъ въ жизни не бывалъ.
Побѣгъ есть вѣрный путь спасенья;
Но кто, скажи ты мнѣ, бѣжалъ
Изъ царедворцевъ самъ собою?
А развѣ случай былъ такъ спрогъ,
Что вывелъ царскіеиной рукою
Его учтиво за порогъ.“

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ услышалъ великой шумъ и движеніе въ покоѣ, гдѣ спяла спража; и ожидая прибытія богини, сказалъ о томъ

моему пупеводителю; онъ отвратилъ
лице свое. „Нѣтъ, это идешь въ намъ
ея любимица.“ — Имя ея? — „Лепи-
ція.“ — Ея умъ, обращеніе, языкъ? —
„Вы не угадываете ея свойствъ“ от-
вѣчалъ онъ: „но характеръ ея пре-
чудный:

Лице ея умно и живо,
А умъ поверхностно влечетъ;
Въ душѣ, какъ въ хрусталѣ, игриво
И люди движутся и свѣтъ;
Но все на часъ одинъ яснѣетъ,
Черезъ часъ все въ облакѣ темнѣетъ,
Скрывается и счастья слѣдъ, —
Въ ней капли поспоянства нѣтъ.
Ни въ милости у прона полной,
Ни въ спорѣ съ властью недовольной
Ее ты не увидишь ввѣкъ;
Но слово вымолвишь забавно, —
Топчасъ случайный человекъ,
Ужъ слово громко, имя славно;
Молва гласитъ о ней прубой,
И льются почести рѣкой.
Ничто ее не вводитъ въ краску.
Что мѣсто, милость, или чинъ,
То новый даръ уловокъ смѣлыхъ;
Но духъ ея всегда одинъ
Идетъ, перемѣняя роли:
То вверхъ взбирается ползкомъ,
То вдругъ назадъ и противъ воли,
Подъ гору спустился бѣгомъ;
Всегда сама къ себѣ приспирасна,
Съ другими вѣчно самовластна,

И съ гибкимъ въ бѣглости умомъ
 Учтиво вами управляешъ,
 На зло услуги изъясляешъ,
 Вредишь вамъ льстивымъ языкомъ,
 И словомъ, мыслишь коловрашно,
 Но говоритъ всегда пріятно. —

Наконецъ и сама богиня явилась съ блестящею свисою; и я безъ пруда узналъ Лепицію по ея легкому и вольному виду, съ копорымъ она подступила къ своей Царицѣ. Богиня счастья, не переставая смотрѣть на шу и на другую сторону, съ ласковымъ взоромъ, который подавалъ обѣщаніе и надежды, знакомъ изъясвила ей удовольствіе, наподобіе того, какъ мы принимаемъ ласки поспельной собачки. Лепиція была въ восхищеніи; первый миниспръ споялъ съ досадою, и шепнулъ нѣчто на ухо богинѣ! „Да, да“ повторила она, не слыжавъ его рѣчи: „все, что тебѣ угодно; но возвратись къ своему дѣлу. Для тебя время дорого.“ — Последнее слово утѣшило царедворца; онъ оглядывался съ шайнымъ удовольствіемъ на безчисленныхъ свидѣтелей его славы. Богиня обошла еще кругъ женщинъ холодно и безъ привѣтствія. Сія дамы, довольно спарыя и давно ей

знакомыя , не удивлялись ни мало ея холодноши , но конечно не отъ философіи , а отъ привычки. Выступя еще впередъ , богиня замѣшила лице мое , ей неизвѣстное ; взоры ея вызывали меня. Тотчасъ толпа ея невольниковъ раздвинулась и дала мнѣ мѣсто. Я приблизился , но безъ того раболѣпства , которымъ всего болѣе угождаютъ суеппой Царицѣ придворнаго счастья. Ея кокетство усилилось. Она упредила меня , чпобы я готовъ былъ представиться ей черезъ часъ , а между тѣмъ занялась другими лицами въ собраніи.

Тогда шумная толпа , которая недавно меня тѣснила со всѣхъ сторонъ , едва не лежала у ногъ моихъ : каждый изъвлялъ мнѣ уваженіе , и тысяча незнакомыхъ искали обращенія на себя мои взоры. Прошелъ часъ , и меня привели въ кабинетъ къ богинѣ случая. Ахъ ! я восчувствовалъ всю ея силу и заманчивость. Она говорила , что ей извѣстно мое имя , и что ей было бы пріятно удержатъ меня при дворѣ. Чудно , что ея рѣчь льстила крайне моему самолюбію ; но какъ я

запруднялся отвѣшомъ, то Богиня прибавила: „не заключайте обо мнѣ по слухамъ; право, я спою лучше моей дурной славы. Родясь на то, чѣобы раздавать милости и жаловать любимцевъ случая, я имѣю видъ непостоянной и вѣтренной богини; но повѣрьте, что я не такова. Къ тому же нѣкоторыя прискорбія, неразлучныя съ моимъ достоинствомъ, а особливо скука, тяготѣли меня.“ — Скука! воскликнулъ я съ изумленіемъ. — „Да скука: развѣ не видите вы этой скучной толпы, этихъ дѣлъ, этого убійственнаго царедворца, перваго изъ моихъ чиновниковъ?“ — Развѣ не лзя опблагодарить его? — „Опблагодарить!“ воскликнула богиня: „это не возможно.“ — Какъ? спросилъ я: онъ не распанется съ вами? — Громкой хохотъ былъ отвѣшомъ богини. „Боже мой!“ сказала она: „какъ это смѣшно! Вы очень любезны; вижу, что вы можете услужить мнѣ. Когда вы дадите мнѣ себя видѣть? Завтра? не правда ли?“ — Кто имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ, тотъ пользуется не однимъ разв сею честью. — „И такъ ожидаю васъ; не измѣните сво-

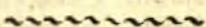
ему слову.“ — Я опкланялся очень вѣжливо, и сошелъ по лѣспницѣ поспаенной въ садѣ, а опшуда на чистый и свободный воздухъ въ поле. Тамъ, собравшись съ мыслями, жалѣлъ я, что не видался съ моимъ спражемъ, и не могъ наслаждаться передъ нимъ моею побѣдою. По сему движенію легко удосповѣришься, что побѣдя щеславіе, остаеся еще побѣдиль самолюбіе, и что сіе рѣдкое шоржештво гораздо шруднѣе, а можешъ быть и совсѣмъ не возможно.

Съ радостію возврапился я изъ спраны, гдѣ надобно, для пріобрѣшенія случая, скучаешь, или зобавляешь, бышь достойнымъ совмѣспникомъ *Летици*, или перваго миниспра, не имѣешь истиннаго характера и не браешь участія въ другихъ, подобно какъ другіе не берутъ въ насъ участія, Какъ весело обнялъ я своихъ домашнихъ! Меня ожидали искренно, чего не случается ни съ кѣмъ въ шомъ мѣспѣ, опкуда я вышелъ. Мое уединеніе показалось мнѣ пріятнѣе, мой садъ зеленѣе и душистѣе, улыбка супруги и дѣшей милѣе. Опкуда проливался въ

душу мою новый источникъ умиленія
и радости? Наслаждаясь симъ чув-
ствомъ, искалъ я невольнымъ обра-
зомъ причины, и кажешся нашелъ ее:

Чѣмъ былъ для насъ обманъ сильнѣе
Ничтожной суеты мірской,
Тѣмъ духъ склоняется скорѣе
Къ разсудку, къ истинѣ святой,
Чтобъ съ чувствомъ полная свободы,
Съ чистѣйшей радостью живой
Вкушати дары благой природы
И сладкій для души покой.

Изъ Шамфора.

Происхожденіе балантинъ (), или куда Греческія и Римскія дамы прятали свои ключи и платки.*

Нѣмецкая ученость извѣстна; но многимъ неизвѣстна можетъ быть Диссертація ученаго Бешпигера о томъ, куда Греческія и Римскія дамы прятали свои ключи и платки, и какъ родились на свѣтѣ баланшины 18 или 19 вѣка. Развѣ ученые мужи, спросивъ какой-нибудь профанъ, разсуждаютъ о подобныхъ предметахъ? Безъ сомнѣнія, если они могутъ при семъ случаѣ изслѣдовать памятники древности, перерыть бумаги въ архивахъ и покрыться пылью, священной для учености. Невѣжи назовутъ ихъ педантами, но трудъ ихъ будетъ украшеніемъ науки. Такъ и ученый Бешпигеръ не принялся бы за перо, если бы не имѣлъ въ виду Греческихъ и Рим-

(*) *Балатины* называются уже *ридикюлами*. Но и *ридикюлы* вышли нынѣ изъ моды, которой полетъ быстрое времени. Извиняемся передъ читателями, что мы описали немного отъ нашего вѣка.

скихъ дамъ, до которыхъ восходитъ въ своей ученой Диссертаціи. Такъ и я думаю, что для всѣхъ читателей, знакомыхъ съ ученостію, пріятно будетъ узнать нѣчто о происхожденіи баланшинъ, о ключахъ и плашкахъ древнихъ дочерей Греціи и Рима, и проч. На Белпигерово разсужденіе писали комменсаріи, какъ на Аристошеля; иные дополняли его: я буду пользоваться всѣми вообще замѣчаніями, не слѣдуя ни одному съ раболѣпнымъ подражаніемъ. Послѣ сего предисловія, весьма крашкого, приступаю къ дѣлу.

Люди, свѣдущіе въ дѣлахъ нашего времени и въ изобрѣшеніяхъ, перенятыхъ у Грековъ, знаютъ, что нынѣшнія женщины, подъ ихъ прозрачными покрывалами и въ самомъ легкомъ одѣяніи, не имѣютъ мѣста для кармановъ и слѣдовательно для ключей и плашка. Не вздумайте, ради Бога, что рѣчь идетъ о связкѣ огромныхъ ключей отъ кладовой, отъ погреба, отъ шкафа съ бѣльемъ; развѣ, милостивые государи, вы другаго вѣка, или изъ другой земли? Нѣтъ, конечно! но есть, какъ извѣстно, бумаги, пись-

ма, вещи, копорыхъ не лзя не запирашь; и если бы ключи *шифонерокъ*, *столиковъ* и *лортефелей* были даже самыми укладиспыми ключинками, наіе можешъ полько произвестъ Англійское искуссво, то и въ семъ случаѣ надобно имѣшь мѣсто, куда ихъ положишь. И кромѣ шого, куда дѣвашъ плашокъ? Правда, что вошло было въ обыкновеніе вѣряшь его кавалеру, который прислуживалъ дамѣ, такъ что наши муцины преврапились на время въ *латоносцевъ*, а съ другой стороны новыя султанши роздавали и вручали плашки съ неизвясимою ловмостію: надобно всѣмъ отдавашъ справедливостъ. Между тѣмъ кавалеры и дамы расходились; случалось имъ спояшь на двухъ концахъ залы; и Богъ знаешъ до чего доводило опсусспвіе плаиносца! Наконецъ, одинъ изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые умѣютъ налагать дань на всѣ вѣки для украшенія нашего, пересмотря всѣ надгробные камни, надписи и памяшники, опыскалъ и опкрылъ въ землѣ гошическую спашую 14 вѣка, у копорой на поясѣ висѣло съ опахаломъ,

чешками и зеркальцом . . . родъ кошелька, извѣснаго въ помѣ вѣнѣ. Сіе важное открытіе случилось въ отечествѣ Французовъ. Тотчасъ предлагають дамамъ гошическій образецъ. Дамы въ восхищеніи. Оспроумиѣшія изъ нихъ шрудятся, какъ бы ошдѣлашь лучше по новому вкусу новые кошельки и снурочки, на которыхъ надлежало висѣть имъ. Оспається одно зашрудненіе. Имя кошелька (auto-pièze или escarcelle) не очень пріятно для слуха и воображенія. Какъ же бышь? Надобно изобрѣсшь Греческое названіе, говоряшь дамы; пускай ученые займутся симъ дѣломъ; не для того ли заведены Академіи, а особливо *Національный Институтъ нашъ*? И дамы бѣгутъ къ Члену Инспитута. Mon cher Mr. Gail! найдите и скажите намъ, какъ называлась по Гречески эша прекрасная игрушка, висящая на поясахъ нашихъ? — Красавицы, mes belles dames, ошвѣчаютъ Академикъ, эшо называлось *балантіонами*. — Чувствительнаго вамъ обязаны; и такъ эшо *балантіоны*! — На другой день на пре-

красныхъ снурочкахъ качались и лепали у дамъ баланшины отъ пояса до колѣна. Нѣкоторые забавники сравнивали ихъ съ гусарскими *sabre-taschen*, и утверждали, что новыя Гречанки походятъ болѣе на извѣстнаго Шевалье д'Еона, нежели на *Коринъ* и *Делій*, воспѣтыхъ Тибуллами. Но, къ сожалѣнію, есть безпорядочные умы, которые опселяютъ отъ своего вѣка.

Есть другіе люди, хопящіе всегда знать причину всякой бездѣлки. Для чего, говорятъ они, называютъ древнимъ именемъ новую вещь? Развѣ дамы Греческія или Римскія носили *балансины*? — Нѣтъ. — А карманы? — И того нѣтъ. — Куда же онѣ пряпали свои ключи и плашки? — На сей вопросъ, какъ и на другіе, должно отвѣчать основательно, не смотря на имя педанша, которымъ неблагодарныя Парижскія дамы пожаловали, какъ называютъ, нашего собрата.

Въ разсужденіи ключей, ни въ Аѣинахъ, ни въ Римѣ дамы не имѣли и слѣдовательно не носили ихъ. Перстень служилъ имъ вмѣсто печашки, и вмѣсто ключа. Онѣ не говорили: я заперла сундукъ и буфетъ; но —

я запечатала ихъ. Пѣшухъ, символъ бди-
 тельности, рогу Амальтеи, рогу домаш-
 няго изобилія, искусно вырѣзанный на
 камнѣ, и выпечатанный на мягкомъ
 воскѣ, были тогда запорами и поручаи
 безопасности. Можеть быть такіе запо-
 ры недоспащочны для нашего времени.
 Но погдашнія женщины рѣдко выѣзжа-
 ли и выходили изъ своихъ покоевъ.
 Ихъ окружала всегда толпа неволь-
 ницъ, кошорымъ поручены были раз-
 личныя должности: одна сперегла две-
 ри, другая уборъ головной, шпретья
 плашья, иная обувь; ша носила вѣеръ,
 а ша зонпикъ . . . Ихъ называли:
флабеллифере, *амбеллифере*, *библіо-
 текари* и проч. и проч. (*) . . . На
 что замки и запоры, когда невольни-
 цы отвѣчають жизнію за покрывала,
 за мебели, за драгоцѣнныя вещи? Од-
 накожь были у нихъ нѣкопорого осо-
 беннаго рода замки и ключи, совсѣмъ
 непохожія на наши, — но только

(*) См. *Columbarium Liviae* съ комментаріа-
 ми Біанчини: *Camera ed iscrizioni sepulch-
 rali de liberti, servi et officia i della casa
 di Augusto.*

для храмовъ и для домовъ. Героическіе вѣки представляющъ тому примѣръ достопамятный. Въ началѣ 21 книги Гомеровою Одиссею Поетъ говоритъ о Пенелопѣ:

Прекрасная рука подъемлетъ ключъ рѣзной,
Гдѣ косы и спаль блестящъ работою
дорогой.

Нѣкоторыя изъ сихъ ключей имѣли такую тяжесть, что надлежало ихъ носить за плечами. Безъ сомнѣнія погдашнія дамы водили за собою невольницу, на которую могли бы, въ случаѣ нужды, сложить тяжелую ношу. У насъ замки размножились, а искусство дѣлать ихъ увеличилось, между тѣмъ какъ смягченіе нравовъ уничтожило обыкновеніе водить за собою невольницъ. Надлежало новымъ механизмамъ и придуманными орудіями изъ деревъ и металла замѣнить то, что выполняли люди, обращенные въ машины.

Теперь спрашиваютъ: куда погдашнія дамы прятали ихъ плашки? Никуда; ибо у нихъ не было носовыхъ плашковъ, также какъ и ключей. По

сему видно, какъ понятія древнихъ о здоровьѣ и чистотѣ далеки были отъ понятій нашихъ. У другихъ другой свѣтъ, другіе обычаи, другіе нравы. Мы можемъ нынѣ плашкомъ обпереть себѣ лобъ безъ всякаго стыда; въ Греціи и въ Римѣ не позволяли того. Женщина не могла въ публикѣ употреблять плашна своего безъ нарушенія скромности и вѣжливости; въ плашкѣ случаѣ ее опослали бы домой какъ больную. Молодая дѣвушка опогнала бы всѣхъ жениховъ своихъ; и многіе мужья разводились за то съ женами. Ювеналъ (сат. 6, сти. 145) говоритъ о любовницѣ, оставленной за сей порокъ. Можно видѣть въ *хвастливомъ солдатѣ* Плавша (дѣйствіе 3, явленіе 1, стихъ 192), какихъ свойствъ претбуетъ знатокъ отъ желаемой имъ невѣсты; а въ *Геркулесовомъ щитѣ* (стихъ 267) увидите, какъ Гезіодъ дописываетъ мерзкой порпретѣ богини мрака.

Впрочемъ строгая благоприспособность претбовалась не отъ однихъ женщинъ, но и отъ мужчинъ, особливо въ поржешвенныхъ случаяхъ, при богослуженіи и на позорищахъ. Тацитъ

пишетъ, какъ былъ на то остороженъ Неронъ, котораго великая страсть къ театру извѣсна, и который, по словамъ сего историка, хвалился тѣмъ, что никогда не обширалъ лица своего въ театрѣ. Эпикетъ въ одной нравоучительной бесѣдѣ восклицаетъ къ цинику: „Осмѣлишься ли ты, неопрыжный, вступить въ наши храмы, гдѣ никто не дерзаетъ плевать и сморкаться?“ — Сія глава объясняетъ намъ, что древніе разумѣли подъ словомъ: опрыжность.

Кажется однакожъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, даже въ судахъ и на пиршествахъ, на которыхъ никогда не присутствовали женщины, мужчины обширали потъ съ лица бѣлымъ понвимъ плащомъ. Въ Плиніевой Реторикѣ, по свидѣтельству Квинтилиана, были предписаны правила, какимъ образомъ надлежало оратору употреблять ихъ *sudarium* (плащъ для опирания пота). Его носили въ складкахъ хитона, или около шеи наподобіе галстука, какъ представлень Неронъ у Светонія и Трималціонъ у Пелронія.

Не лзя не удивляться конечно, что въ Аѳинахъ и въ Римѣ неизвѣстно было женщинамъ употребленіе плаща; но размыслимъ объ ихъ пищѣ, объ ихъ нравахъ, и удивленіе уменьшится. Вспомнимъ объ ихъ сидячей жизни. Не было ни шумныхъ обществъ, ни многочисленныхъ собраній, гдѣ бы соединялись оба пола, ни гульбищъ народныхъ, ни баловъ, ни концерповъ. Спѣдливыя дѣвы и цѣломудренныя жены въ Римѣ и въ Аѳинахъ показывались передъ народомъ только при нѣкоторыхъ торжественныхъ обрядахъ и въ торжественномъ костюмѣ. Онѣ собирались или на служеніе богини, или на вечернія таинства, или на священные пляски, и торжество совершалось подъ открытымъ и прекраснѣйшимъ небомъ; въ цвѣтущее время года и въ тѣхъ мѣсяцахъ не лзя было опасаться ни просуды, ни кашля, ни насморка и ничего подобнаго. Иное дѣло въ нашихъ холодныхъ и сырыхъ климатахъ, гдѣ всѣ забавы и бесѣды наши происходятъ при дымѣ горящихъ свѣчь, въ залахъ отовсюду запертыхъ и душныхъ, изъ которыхъ выходимъ на острый и рѣзкій воздухъ. Наши комнаты, герме-

пически закупоренныя зимою, наполнены мепитизмомъ, въ которомъ органы дыханія распроиваются. Впрочемъ Гречанки не такъ легко одѣвались, какъ нынѣшнія полу-нагія Парижанки, съ которыхъ, въ спыду вѣка и нравовъ, взяли примѣры другіе народы въ Европѣ. Тѣ спрашно ошибаются, которые думаютъ, что нѣкоторые костюмы, изображенные живописцами, были обыкновенными женскими костюмами въ приватной жизни. Къ тому же, у Грековъ мужчины, дѣвушки, женщины, всѣ ежедневно освѣжались въ купальняхъ, въ баняхъ теплыхъ, въ ваннахъ, которыя очищали тѣло отъ мокрощъ, и черезъ благотворныя испаренія поддерживали чистоту и здоровье самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Когда, въ позднѣйшихъ вѣкахъ, Христіанское благочестіе почти испребило обыкновеніе купаленъ, Климентъ Александрійскій совѣдуетъ пользоваться ими. Можетъ быть и то множество благоуханій, ароматовъ, душистыхъ испареній отъ цвѣтовъ и атмосферы, въ которой дышали древнія женщины, уменьшало у нихъ потребность имѣть плашки,

когда напротивъ того опшрашительное
нюханье шабаку у насъ увеличиваетъ сію
нужду такимъ безпокойнымъ образомъ.
Что Ксенофонтъ въ его Киропедіи раз-
сказываетъ о сеймъ Персіянъ, „гдѣ ни
„одинъ человѣкъ не плевалъ и не смор-
кался,“ то разумѣется о всѣхъ благовос-
пишанныхъ людяхъ его времени.

Согласимся, скажетъ чипапель,
что прекраснѣйшая половина жителей
въ Римѣ и въ Греціи не имѣла нужды
въ карманахъ для ключей и плашковъ;
но могли ли сіи дамы не имѣть мѣста,
куда запереть золотую вещичку, любов-
ный подарокъ, письмецо съ шайными и
вѣчными клятвами сердца! Есть пы-
сячи бездѣлокъ, копорыхъ не лзя
въ бришь усерднѣйшей наперсницѣ,
проворнѣйшему невольнику. Какъ же
поступали въ семъ случаѣ Греческія
дѣвы и жены? Онѣ имѣли широкіе
пояса, за которые можно было припашъ
вещи драгоцѣнныя или шайныя. А му-
щины запывали кошельки за свой поясъ.
Въ семъ значеніи Греческое слово зон
отвѣчало смыслу *балагтіона*. Го-
раціево *zonam perdere* значитъ: поме-
рать или ушрашить деньги. Чтожъ

касается до любовныхъ гостинцевъ и писемъ, но не спорю, что онѣ имѣли иногда нужду пряпашь ихъ, и въ самомъ дѣлѣ пряпашали за поясъ и за шейный околышенъ. Шейный околышенъ входилъ въ уборъ дамскій.

Fascia, crescentes dominae compesce papillas;
Ut fit, quod capiat nostra tegatque manus.

говоритъ Марціалъ (l. 14, ep. 134); и Овидій, масперъ сего дѣла, наставляетъ въ своей *любовной наукѣ*, какъ упопрелять шейную уборку:

Inflatum circa fascia pectus eat.

(l. 3¹, v. 274.)

Яблоко, гранатъ, померанецъ, или другой плодъ какой нибудь былъ нерѣдко повѣренными нѣжной спрасли. *Квитъ* называется донынѣ въ Сициліи rotto delzitto, *яблоко обрученнаго*. *Саламъ*, сей нѣмый и краснорѣчивый залогъ, столь славный въ любовныхъ лѣшописяхъ восточныхъ народовъ, состоитъ только въ собраніи цвѣтовъ. Въ древности есть множество примѣровъ сихъ цвѣпочныхъ эмблемъ, копорыя могутъ объяснить намъ яблоко *Парида*, яблоки рассыпанныя передъ прекрас-

ною *Аталантою*, и другія басни, гдѣ яблоки играютъ ролю. Другой значительный описаніе любви было шопъ, чтобы откусить яблоко и обратно кинуть его къ своему обожателю.

.

Какъ бы то ни было, молодая дѣвушка всегда прятала любовные подарки къ бьющемуся своему сердцу. Капулла выводилъ изъ того прекрасное сравненіе въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій. У одного древняго комика, котораго слова приводитъ *Ноній Марцелль* (Nonius Marcellus), красавица восклицаетъ:

Me miseram! quid agam? inter vias epistola
 excidit mihi,
 Infelix inter tunicam et strophium quam collo-
 caveram.

А лукавый Овидій, истинный судія въ семъ дѣлѣ, говоритъ такъ въ *любвонной наукѣ* о способѣ вручать письмо любовнику самымъ скрытымъ образомъ:

Conscia cum possit scriptas portare tabellas,
 Quas tegat in tepido fascia lata sinu?
 Cum possit sura chartas celare ligatas,
 Et vincto blandas sub pede ferre notas?

(l. 3, v. 621.)

Нѣтъ нигдѣ ни слова о нарманахъ.
 И такъ на вопросъ:

*Гдѣ Римскія и Греческія дамы
 прятали ихъ ключи и платокъ?*

Можемъ, въ ожиданіи лучшаго разрѣшенія задачи, отвѣчать: *нигдѣ*.

На что же походятъ *балантины* или *ридикулы*? Ни на что въ древности, а развѣ на Діогенову копомку. Это не очень вѣжливо! Но виновата древность, если находимъ только у циниковъ нѣкопшой образецъ сей моды.

Изъ Фр. Жур.

Случай, как ихъ немного.

(*Повесть, или быль изъ The Rurals Walks, сочиненія Англичанки Шмитъ.*)

Въ Шотландскомъ помѣстьи, по близости тамошнихъ горъ, жилъ дворянинъ не очень достаточный; но съ трудомъ и съ порядкомъ въ дѣлахъ онъ выросилъ трехъ сыновей съ дочерью, и далъ имъ хорошее воспитаніе. Старшій изъ сыновей вступилъ въ службу, средній отправился въ Индію, а младшій, нѣсколько лѣтъ исполняя должность помощника у богатаго купца въ Лондонѣ, остался хозяиномъ въ торгу, отъ котораго прежній хозяинъ отказался. Состояніе младшаго Видингтона сдѣлалось скоро цвѣтущее, и его семейство вмѣстѣ съ нимъ разбогатѣло. Ежедневные подарки и частые гостинцы, какъ въ вещахъ, такъ и въ деньгахъ состоявшіе, доказывали, что молодой человекъ любилъ утѣшать и обогащать домъ родительскій.

По случаю сего богатства новое знакомство съ государственнымъ человекомъ подало ему способъ участвовать въ шоргахъ государственныхъ

и приобрѣсть новый значущій капиталъ. Тогда золотыя мечты представились его воображенію. Съ головою, вскруженной форшуною, онъ пустился въ подряды и торги весьма ненадежныя.

Нѣсколько времени форшуна служила ему постоянно. Онъ посѣпилъ отца своего въ блестящемъ экипажѣ, задалъ новые планы для строенія, заказалъ прекрасныя мебели, привезъ матери и сестрѣ платья послѣдняго вкуса, о которыхъ онѣ не имѣли понятія, и наконецъ уговорилъ ихъ прѣхать на лѣто въ Лондонъ, чѣобы сестра его Элиза навыкла немного въ свѣтскихъ обыкновеніяхъ. Ей было осьмнадцать лѣтъ; она была пригожа лицомъ, и молодой человекъ надѣялся, что его извѣстность въ столицѣ доставитъ ей выгодное замужство.

Элиза не просирила такъ далеко своего честолюбія; для ея воображенія, невоспаленнаго спрасями городскими, довольно было надежды выдти за простаго сельскаго жителя, подобно отцу ея неизвѣстнаго, и ей не понравились замыслы брашцовы. Но отецъ ея совершенно ослѣпился блескомъ форшуны. День и ночь разсуждалъ онъ

сб сыномъ о приращеніи достатка. Въ заключеніе, они вступили оба вмѣстѣ въ большія предпріятія, и Г. Видингтонъ увѣрилъ жену свою, что дѣла ихъ не могутъ не идти хорошо, и что семейство ихъ получитъ отъ того великую пользу.

Два мѣсяца протекли со времени сыновняго возвращенія въ Лондонъ, какъ прискакали вдругъ два коммиссіонера. Г. Видингтонъ долго говорилъ съ ними въ кабинетѣ; послѣ сей конференціи лице его извѣяло безпокойство. Онъ объявилъ женѣ, что сыновнія дѣла пребудутъ его присутствія въ Лондонѣ, но что онъ скоро возвратится въ свое помѣстье. Г-жа Видингтонъ не имѣла понятія о торговыхъ дѣлахъ, но заключила по рѣчамъ своего мужа, что есть причина нѣ безпокойству. На ея вопросы отвѣчалъ онъ хладнокровно, что дѣло не важно, и что не можетъ оно вредить ихъ сыну.

Никогда Г. Видингтонъ не обманывалъ жены своей: она вѣрила ему, и успокоилась. Дочь была также покойна; обѣ простились съ Г. Видингтономъ, но простились съ нѣкоторымъ

спѣсненіемъ сердца, видя отбѣзжающаго хозяина дома, который пятнадцать лѣтъ не оплучался отъ своего семейства.

Послѣ его отбѣзда хозяйка начала беспокоиться, не зная тому причины. Нѣсколько спрокъ съ дороги написанныхъ умѣрили ея безпокойство. Мужъ обѣщавъ ей написать изъ Лондона потчасъ по прїѣздѣ, и потомъ увѣдомлять каждую почту до дня возвращенія, которое, говорилъ онъ, не замедлится никакимъ образомъ долѣ мѣсяца.

Между тѣмъ дни пропекали; пришли двѣ почты, и не привезли никакого извѣстія. Мать и дочь спарались исполковать молчаніе въ хорошую сторону, и другъ отъ друга таили свое безпокойство; но не лзя было наконецъ себя обманывать. Къ нимъ прислали нарочнаго съ извѣстіемъ, что деревенскій домъ ихъ, скотъ, жишки и мебели описаны за долги Г-на Видингтона, бывшаго порукою по сыновнимъ обязательствамъ.

Письмо Г. Видингтона къ женѣ и дочери поразило ихъ новымъ ударомъ. Онъ извѣстилъ ихъ, что сынъ его,

погубившій себя безразсудной довѣренностію, подорвался совершенно и скрылся изъ города; а его самага, какъ поручителя, посадили въ шемницу. Онъ заклиналъ ихъ пріѣхать въ Лондонъ, чтобы родственнымъ посѣщеніемъ утѣшишь заключеннаго, и подумать вмѣстѣ о способахъ избавленія.

Бѣдная госпожа Видингтонъ не имѣла никакого родственника, съ кѣмъ могла бы посовѣтоваться. Она видѣла, что въ семъ случаѣ надлежало ей надѣяться на самую себя, и старалась только подкрѣпить дочь свою. Распродавъ нѣкопорыя вещи, онъ собрали достаточную сумму для дороги. Сперва намѣреніе ихъ было нанять извозничью карету до Лондона; но какъ наемъ показался имъ слишкомъ дорогъ, то имъ предложили одноволку до Йорка, съ тѣмъ чтобы одинъ богатый человѣкъ, къ которому дали имъ рекомендабельное письмо, отвезъ ихъ въ Лондонъ на собственныхъ лошадяхъ.

Первыя сунки ѣхали онъ покойно, но медленно; на другой день сдѣлалось несчастье, а на третій выпалъ снѣгъ. Извозчикъ сказался больнымъ: часа

два простоялъ онъ въ бѣдной корчмѣ на дорогѣ; наконецъ отказался ѣхать далѣе, а вмѣсто себя далъ имъ другаго извозчика до городка въ 4 миляхъ отъ большой дороги, съ тѣмъ чѣобы родной братъ содержателя шой корчмы, въ кошорой онъ спояли, довезъ ихъ до города Юрка.

Госпожа Видингшпонъ, безпокоясь сею переменною, старалась всячески удержать своего извозчика; но все напрасно. Уже приближалась ночь; снѣгъ покрывалъ землю; и путешественницы, боясь ночевать въ сей бѣдной корчмѣ, рѣшились ѣхать далѣе. Скоро смерклося; имъ надлежало пробѣжать черезъ дремучій лѣсъ; вѣтеръ дулъ съ вихремъ и снѣгомъ, и лошади наконецъ утомились. Новый извозчикъ былъ упрямый и грубый человекъ, кошорый не умѣлъ хорошо править, и опровинулъ одноколку. Дамы не ушиблись, но колесо изломалось; по долгомъ совѣтованіи, рѣшились навьючить пожилки на лошадей, а сами пѣшкомъ возвратились въ ту же корчму; ибо, по словамъ извозчика, оставалось еще пять миль до городка, а

темнота не позволяла видѣть проселочной дороги.

Госпожа Видингтонъ и дочь ея никогда не выѣзжали изъ своего селенія, не имѣли понятія о трудностяхъ дороги, и чувствовали шѣмъ большее замѣшательство, что оно было и для самаго ихъ воображенія новое. Оспаться на шомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ находились, было бы подвергнуть себя опасности погибнуть отъ сшужи; а между шѣмъ онѣ имѣли одну слабую надежду добраться до ночлега. Самъ извощикъ извѣялялъ робость и недоумѣнїе; и дрожащая Элиза, прижимаясь къ своей матери, не придавала ей ни бодрости, ни силы.

Ѣхавши нѣсколько времени по краю лѣса, впереди идущій съ лошадьми извощикъ поворошилъ въ спрону; на полянкѣ при свѣтѣ снѣга показалась высокая стѣна. Госпожа Видингтонъ обрадовалась знаку человѣческаго жилища. Извощикъ напрошивъ того казался пораженъ ужасомъ при видѣ каменной стѣны. Онъ объявилъ, что сбился съ пути; что надлежало идти назадъ по той же дорогѣ, и что не должно было ни подъ какимъ видомъ

подходить къ зданію. Мать и дочь желали знать пому причину. Онъ отвѣчалъ, что въ семъ зданіи живутъ духи и мертвецы. Епо извѣстіе не испугало нашихъ дамъ; всего ужаснѣе казалось имъ почевать въ полѣ, и онѣ рѣшились просить себѣ ночлега. И такъ онѣ приблизились къ оградѣ вмѣстѣ съ извощикомъ, который напрасно старался ихъ переувѣрить. У воротъ за желѣзною рѣшеткою открылось на дворѣ обширное зданіе, очень вешкое, и въ которомъ совсѣмъ невидно было огня. Онѣ опыскали веревочку, и дернули; нѣсколько разъ прозвенѣлъ колокольчикъ безъ всякой пользы. Собака, пробужденная шумомъ, встревожилась, и съ непрерывнымъ лаемъ мешалась къ желѣзной рѣшеткѣ. Ея лай подѣйствовалъ лучше колокола. Въ домѣ засвѣтился огонь. Едва примѣнное лицо выглянуло изъ одного окна, и черезъ минуту скрылось. Извощикъ, внѣ себя отъ страха, совѣтовалъ удалиться; но Госпожа Видингшонъ рѣшилась скорѣе вытерпѣть все на свѣтѣ, нежели остаться въ полѣ ночью и въ сплужу.

Другое лицо, непохожее, казалось, на первое, раскрыло окно на дворъ, и грознымъ голосомъ спросило, кто спустился у воротъ. При громкомъ лаѣ собаки едва слышны были слова Госпожи Видингшонъ. Она опвѣчала, что проѣзжія и заблудившіяся двѣ женщины, мать и дочь, спояшъ въ глубокомъ снѣгу; что у нихъ изломалось на дороге колесо, и что онѣ просяшъ ночлега ради самаго Бога.

Опвѣта не было; окно захлопнули, и погасили огонь. Госпожа Видингшонъ приходила въ опчаяніе; при мятели и вьюгѣ сыпался густой снѣгъ. Долго никто не являлся; между шѣмъ лай собаки сказывалъ домашнимъ, что спранники спояшъ еще у воротъ. Наконецъ человекъ сошелъ съ крыльца къ рѣшеткѣ, и велѣлъ имъ обойти мимо всей ограды въ другимъ воротамъ. Не безъ труда добрались госпожи до того мѣста. Силы ихъ испощились. Черезъ нѣсколько минушъ отперли ворота. Явился передъ ними человекъ съ фонаремъ въ одной рукѣ, и съ обнаженною шпагою въ другой, одѣтый чернымъ плащомъ; голова накрыва была чернымъ воротникомъ; лице было сухоща-

вое, блѣдное и длинное; впалые глаза сверкали подъ густыми бровями. Онъ окинулъ глазами путешественницъ при свѣтѣ фонаря, не говоря ни слова, и по видимому не прогаясь ни мало ихъ положеніемъ. Наконецъ голосомъ грознымъ сказалъ, что онъ закаялся впустить въ домъ свой чужихъ людей, но, изъ сожалѣнія къ двумъ женщинамъ, отступаетъ отъ своего намѣренія; и что извозчикъ можетъ ночевать въ конюшнѣ. Сей послѣдній, смертельно боясь ступить на порогъ дома, въ которомъ обитали издавна духи и мершвецы, обрадовался крайне запрещенію, и не дожидаясь вторичнаго приказа, послѣшно удалился въ конюшню, которую указалъ ему рукою воспользовавшій ихъ человекъ.

Наши дамы, слѣдуя за проводникомъ, встрѣтили на лѣстницѣ другаго человека, который пропустилъ ихъ также молча. Онѣ прошли черезъ обширныя сѣни въ длинную галерею. Элиза не имѣла уже силы идти; она тряслась отъ усталости и страха. Мать подкрѣпляла ее; но скоро ноги перестали служить имъ. Обѣ осшановились. Тогда проводникъ съ фона-

ремь скрылся. За ними оставшійся человекъ закричалъ дикимъ голосомъ: впередъ! и голосъ его страшно раздался подъ сводами. Онѣ пошли впередъ ощупью, и въ концѣ галлерей попали на дверь, которая была опворена. За дверью въ другомъ обширномъ покоѣ встрѣшилъ ихъ пошъ же человекъ съ фонаремъ. Въ покоѣ не было ничего, кромѣ чепырехъ стѣнъ. Человекъ, который былъ хозяинъ и сларикъ, сказалъ имъ: „Зо Лѣтѣ живу одинъ, и не „впускаю къ себѣ никакой женщины. „Дашь мнѣ вамъ нечего. Сего дня по- „пили здѣшній покой; безопасность моя „пребуеетъ, чшобы я заперъ васъ въ „комнатѣ. Въ фонарѣ остаеися не- „большой огарокъ; а завтра на раз- „свѣтѣ выѣзжайте.“ При семъ словѣ онъ захлопнулъ двери, щелкнулъ замкомъ, и удалился.

Бѣдная Элиза, долго удерживаясь, залилась слезами на единѣ съ матерью, а сама госпожа Видингшонъ черезъ нѣсколько минутъ лишилась чувства и памяти отъ чрезвычайнаго расслабленія. Дочь, увидя ее въ семъ состояніи, старалась вооружиться всею твердостью духа. Она схватила фонарь,

въ которомъ свѣчка догорала, и обошла залу, въ надеждѣ найши какой-нибудь выходъ, или помощь: тогда увидѣла, что дверь, которую наскоро заперъ шарикъ, была не совсѣмъ пришворена. Она толкнула ее. Дверь расшворилась насѣжь; вѣтеръ дунулъ изъ другой комнаты; но вездѣ была глубокая темнота. Однакожъ она осмѣлилась заглянушь въ темную комнату, и при блѣдномъ свѣтѣ фонаря увидѣла нѣчто подобное шремъ или чешыремъ чернымъ головамъ, прислоненнымъ въ стѣнамъ: казалось, что онѣ двигались. Элиза ахнула, и возвращаясь въ залу, хотѣла за собою зашворить тяжелыя двери, но не могла отъ слабости.

Мать, немного пришедшая въ себя, указала ей рукою на догорающую свѣчку. Элиза поняла ея мысль, въ каминѣ опыскала нѣсколько угольковъ, которые шощасъ раздула, и съ помощію двухъ полѣнъ, лежащихъ въ каминѣ, развела огонь. Она донесла мать почти на рукахъ до огня, опшерла ей руки и ноги, холодныя какъ ледъ; завернула ее въ свою шубу, и мало по малу возвращила ей языкъ; но глаза ея были еще очень мушны. Боясь,

чтобы огонь и свѣчка не погасли въ одно время, Элиза обошла залу въ другой разъ и отыскала старыя панели въ углу сложенные. Она взяла нѣсколь-но дощечекъ, и развела огонь въ нами-нѣ; между пѣмъ, припащивъ вѣтхое кнапе, положила на него мать свою, и спала у нее въ головахъ. Госпожа Видингшонъ, еще очень слабая, задре-мала, и дочь берегла ее отъ спужи и спуга.

Сама Элиза не могла заснуть: че-тыре головы, въ другой комнатѣ ей представившіяся, приводили ее въ пре-пешъ. Вокругъ пущыннаго дома буше-валъ осенній вѣтеръ; въ домѣ скры-пѣли двери; отъ каждаго порыва вѣтра и отъ каждаго скрипа двери Элиза содрогалась: ей казалось, что видѣныя ею пѣни гопьовы предспахъ во глубинѣ уединенной залы.

Никогда ночь не была для нее столь продолжительною. Наконецъ показался утренній разсвѣтъ. Ей хотѣлось пот-часъ выѣхать изъ сего мрачнаго жи-лица; но мать ея была не въ состоя-ніи передвигать ноги. Тогда Элиза вы-звалась идти по дому искать для ма-щери какой-нибудь помощи. Последняя

согласилась, и Элиза осмѣлилась днемъ идти въ ту комнату, гдѣея воображенію представлялись грозныя привидѣнія. Она увидѣла, что предметы ея страха были толстые въ пучкахъ связки садовыхъ растѣній съ ихъ сѣмянами, развѣшенные на стѣнѣ. Сія комната имѣла стеклянныя двери въ садъ. Она старалась отворить ихъ; но увидѣла въ саду молодого человѣка съ надѣтою почти на глаза шляпою, и едва выпаскивающего ноги изъ снѣжныхъ сугробовъ. Сшувъ двери заставилъ его взглянуть на балконъ, и взоръ его извѣдывалъ чрезвычайное удивленіе. Онъ подошелъ къ двери и помогъ Элизѣ отворить ее.

Сей молодой человѣкъ, поклонившись съ вѣжливостію, спросилъ, какой случай привелъ ее въ сей домъ. Элиза рассказала ему въ нѣсколькихъ словахъ, что съ ними случилось. Молодой человѣкъ въ свою очередь объявилъ ей, что сей домъ принадлежитъ его дядѣ; что по случаю нѣкоторыхъ домашнихъ непріятностей дядя его рѣшился не пускать къ себѣ женщинъ; что онъ живетъ около 30 лѣтъ въ совершенномъ уединеніи; что скупость его превосходитъ всякое вѣроятіе; что ему, пле-

мяннику, не случилось никогда у него обѣдать, и что рано или поздно его убьютъ для похищенія накопленнаго имъ золота. Г. Веспкомбъ извѣявилъ свое сожалѣнiе, что не можетъ скоро подать помощи Госпожѣ Видингтонъ, ибо ояъ живетъ въ городѣ, и опшуда пріѣзжаетъ только къ своему дядѣ. Онъ совѣтовалъ Элизѣ обѣщать хозяину заплатить за пицу для ея матери, вызываясь съ своей стороны склонить спарина всѣми силами къ челоуѣколюбію.

Противъ чаянiя старикъ согласился опвесити другой покой и дасть постель Госпожѣ Видингтонъ. А Г. Веспкомбъ послалъ въ городъ за нужными припасами и лѣкарствами. Онъ велѣлъ между шѣмъ починить колесо, и черезъ шрое сутокъ Госпожа Видингтонъ, опблагодаривъ молодаго благотворителя своего, опсправилаь въ Лондонъ.

Пріѣхавъ въ столицу, онъ выштерпѣли все, что неопышность въ дѣлахъ и новость мѣста могутъ нанести заботъ и горести. Нѣсколько недѣль прошекли для нихъ въ жестокой печали. Ничто не имѣло успѣха; Господинъ

Видингтонъ потерялъ всю надежду освободиться отъ заключенія; какъ вдругъ, въ то время, когда сидѣли у него въ темницѣ дочь и жена, явился передъ ними г. Веспкомбъ. Онъ опререкомендовался, какъ старый знакомецъ двухъ дамъ (которыя повторили ему свою благодарность), и объявилъ, что дядя его умеръ почти съ голоду, и что ему осталось послѣ старика такое богатое наслѣдство, какого онъ и не ожидалъ. Онъ просилъ позволенія поднести свое богатство дѣвицѣ Видингтонъ, которая плѣнила его своими достоинствами и красою, и надѣялся, что Г. Видингтонъ приметъ отъ него уплату долговъ своихъ.

Сии великодушныя предложенія были приняты. Въ нѣсколько дней всѣ дѣла исправили, и Г. Видингтонъ былъ выпущенъ изъ темницы. Свадьбу праздновали въ Лондонѣ. Семейство возвратилось въ Шотландію, гдѣ и младшій Видингтонъ къ нему присоединился. Онъ исцѣлился навсегда отъ жажды къ приобрѣтеніямъ; любовь его къ отцу вознаградила послѣдняго за претерпѣнныя бѣдствія, а молодые супруги

едва не радовались случаю , столь для нихъ счастливому. Всѣ проводили жизнь мирно и весело , и примѣръ ихъ служилъ новымъ доказательствомъ сей великой истины , что въ благихъ намѣреніяхъ Провидѣнія самыя злополучныя происшествія ведутъ иногда за собою благодатныя слѣдствія.

Съ Фран.

Аполлонъ и Дафна, или какъ любятъ поэты.

П о в ѣ с т ь (*).

Разгнѣванные боги согнали Аполлона съ Олимпа, и започили его на землѣ. Для облегченія судьбы изгнанника, мать его Лапона просила Юпитера воспалишь въ немъ любовь къ смертной. „Это свыше власпи моей“ отвѣщспвовалъ Юпитеръ. „Боги могутъ полько любить богинь; а смертныя жены полько плѣняшь насъ, пишащъ наше щеславіе, разгорячашъ воображеніе, но родить любовь. . .“ — Какъ, — перервала Лапона, — развѣ это не все равно? — „Конечно нѣшъ; любовь, та любовь, которая сливаетъ сущесство наше съ другимъ сущесствомъ, предметомъ нашей любви, та любовь, которая угадываетъ склонности, входитъ въ сношенія съ возлюбленною и въ нѣдрахъ общаго блаженства радуется не сполько своимъ счастливымъ удѣломъ, сколько ея

(*) Сочиненная на Нѣмецкомъ языкѣ Райндоромъ.

радостями и любовію: така любовная спрась, какъ ты можешь видѣшь, предполагаешъ равенство въ природѣ, и проч. — Вошъ Метафизика чувствительности — сказала Лапона: — но довольно для сына моего заняться только любовію отъ скуки. — О! до скуки не допускаютъ смертныя красавицы, и ему будетъ дѣло.

Аполлонъ увидѣлъ Клипію. Не было въ Аркадіи другой дѣвицы, которая украшалась бы столькими талантами, которая по красотѣ и добродѣтели была бы достойнѣе вниманія бога, — и богъ плѣнился ею. Первое дѣло Аполлона было привлечь ее удивленіемъ къ своимъ талантамъ. Клипія удивлялась имъ, но холодно; сердце ее могло только полюбить качества блестящія. Явное требованіе похвалы и всегдашняя готовность выказывать свое дарованіе удаляли отъ него Клипію. Аполлонъ замѣтилъ ее удаленіе; сдѣлался скромнѣе и снисходительнѣе по другому понюму щеславію, — и ему удалось плѣнить Клипію.

Явились соперники; богъ ревновалъ; оскорбленное самолюбіе обратилось въ пылкую спрась. „Какія жертвы могу

принести тебѣ“ говорилъ онъ Клипіи: „какимъ опытомъ угодно подвергнуть меня для пріобрѣтенія права на твое сердце, для убѣжденія тебя въ истинѣ и силѣ моей любви?“ — Побѣди слабости, — отвѣчала Клипія: будь со дня на день совершеннѣе, а особливо скромнѣе: только этой жертвы пребуду, только этому опыту подвергаю тебя. Трудись для собственнаго твоего счастья, и оправдай мой выборъ. — Скоро Аполлонъ превлонилъ Клипію къ признанію въ любви, увѣривъ ее, что онъ достоинъ сего признанія.*

Не довольно было для Аполлона владѣть сердцемъ Клипіи; онъ желалъ всякой день болѣе. „Любишь есть поже, что забывать самаго себя, чтобы только жить для счастья милого чловѣка!“ — такъ разсуждала Клипія, и скоро обперла слезы, которыхъ ей стоила любовная слабость; но ея жертва убавила, казалось, счастья любовника. Аполлоново щеславіе спремилось къ другимъ наслажденіямъ, — онъ хотѣлъ быть предметомъ богошворенія — и былъ богошворимъ. Хотѣлъ повелѣвать исключительно, —

и повелѣвалъ. Хотѣлъ ежедневно новыхъ прелестей, свѣжихъ удовольствій любви; — но тушь увидѣлъ *преграду*. Увы! не Клипія была виновна. Безсчастливая! она всѣмъ пожертвовала; одна любовь у ней осталась. Но любовь, обращаясь въ привычку, ему скучила; онъ охладѣлъ и оставилъ Клипію.

Девять дней и девять ночей проводила она въ горести, оплакивая непостоянство любовника; она не вкушала никакой пищи; сонъ не смыкалъ глазъ ея; на десятый день боги сжалялись и превратили ее въ тошь цвѣтокъ, который донынѣ служишь эмблемою истинной любви. Клипія, въ разлукѣ съ любовникомъ, увядала въ семь соспоянїи до того времени, какъ боги возвратили Аполлону его божественную лучезарность. Сей блескъ оживилъ ее, и не переставая до сихъ дней обращаясь къ неблагодарному, взоры ея издали слѣдующъ за лучезарнымъ его печеніемъ; въ радости любовника заключаешь ея радость и отрада.

Но пока боги не возвратили Аполлона на Олимпъ, они осудили его нѣсколько времени скипаться еще на землѣ. Скуна помила его оль пущошы,

всегда оставляемой въ сердцѣ распаленнымъ воображеніемъ. Но скоро пылкій Аполлонъ въ другой разъ влюбился, и влюбился навѣки.

Какія же превосходныя достоинства предполагать намъ въ той смертной, которая навсегда привязала къ себѣ Аполлона бога? А эта смертная имѣла только одно достоинство, — показываться всегда въ томъ видѣ и съ тѣмъ блескомъ, которые могли плѣнить Аполлона.

Наружная опкровенность и показываемое равнодушіе къ желанію нравиться, съ примѣшнымъ расположеніемъ къ любви исключительной, покрывали тайну ея кокетства, которое умѣло удовлетворять себя. Не лзя было не предполагать въ ней великой чувствительности; ибо, по видимому, она сражалась съ самой собою и съ нею. Не лзя было не предполагать въ ней великаго остроумія; ибо у ней было столько ума, чтобы показывать, что она удерживаетъ и умѣряетъ свою острошу. Не лзя даже было не предполагать въ ней и лишней красоты; ибо видимая беззаботливость о своихъ прелестяхъ украшала ее шюю, которая

всѣхъ болѣе плѣнени сердце — скромношю. Первое свиданіе Дафны съ Аполлономъ не имѣло ничего похожаго на первое его свиданіе съ Клишиєю. Клишия отвѣчала съ осторожношю на привѣщанія бога; Дафна не дожидалась ихъ: она сама извѣстила съ дѣтскою почти откровенношю лестное вниманіе къ его красотѣ и его рѣчамъ. Это было для бога нѣчто новое. „Милая красавица!“ говорилъ онъ самъ себѣ: „подобно младенцу, она повинуется одной природѣ; невинная и откровенная душа ея не подозрѣваетъ тѣхъ притворныхъ личинъ, которыми порокъ себя одѣваетъ и которыя такъ несправедливо называются благоприсойношю. Воспользуемся симъ расположеніемъ, и займемся пріятнымъ образованіемъ дѣвственнаго сердца! Скучное започеніе мое усладится сею минушною забавою!“ И Аполлонъ приступилъ къ Дафнѣ. Но хитрая Нимфа, какъ будто бы опомнясь и какъ будто бы стыдясь своей слабости, убѣжала передъ началомъ рѣчи, которую богъ готовъ былъ произнести къ ней.

Аполлонъ не отчаялся. „Не отъ меня бѣжитъ она,“ говорилъ онъ:

„бѣжитъ отъ своего собственнаго сердца.“ Такая мысль заманчива; и Дафна умѣла пищать ее. При удобномъ случаѣ Аполлонъ объявилъ ей любовь свою. Она выслушала его въ молчаніи: Сильно движущаяся грудь, разгорѣвшійся на щекахъ румянецъ, обнаруживали ея внутреннее волненіе; какъ вдругъ — она содрogaется. Сіе движеніе пробуждаетъ, кажешся, усыпленный на часъ разумъ, и открываетъ грозящую опасность. Изъ груди ея вылепаетъ шажное сшенаніе; она возводитъ на небо помный взоръ, призывая небо во свидѣтели сердечнаго сраженія, и бѣжитъ сокрыться въ толпу рѣзвыхъ подругъ своихъ; но среди общаго веселья одна кажется задумчивою; и быстрые взоры, украдкою обращенные на Аполлона, съ намѣреніемъ извѣляютъ тайно горящую любовь, едва побѣждаемую силою разсудка.

Смирясь передъ великимъ умомъ влюбливаго бога, Дафна не позволяла себѣ мѣшаться въ разговоръ, когда краснорѣчивый Аполлонъ разсуждалъ; но глубокое вниманіе къ его рѣчамъ показывало, что она входила во всѣ его мысли, во всѣ его чувства. А когда

богъ не бралъ дѣлительнаго участія въ разговорѣ, Дафна опиваживалась выговорить два или три слова крошечнымъ и робкимъ голосомъ, который прогалъ сердце. Ея выраженія были заимствованы изъ рѣчей любовника. Но, повторя слова, она украшала ихъ особенною прелестію чувства и скрывала первый источникъ мыслей. „Какое близкое отношеніе имѣетъ одинъ къ другому нашъ образъ мыслей и чувства,“ говорилъ Аполлонъ: „какое сходство между нашими склонностями и характерами! Ахъ! скромность одна лишаетъ насъ удовольствія чаще удивляться ея разуму!“

Богъ Поэзіи выразилъ любовную страсть свою къ Дафнѣ въ стихахъ, которые пвердили во всей Аркадіи. Въ одинъ вечеръ, прогуливаясь передъ окномъ красавицы, услышалъ онъ звуки божественнаго голоса, который пѣлъ стихи его, только примѣняемые къ женщинѣ; съ голосомъ женскимъ сливалась томная лира, одушевленная искусною игрою. „Какъ!“ воскликнулъ Аполлонъ: „буду ли ежедневно находить новыя дарованія въ красавицѣ“ и въ полномъ восторгѣ толкнулъ дверь, чтобы упасть къ ногамъ Дафны. Но

ее уже не было. Дафна, ожидая сего порыва, при первомъ стукѣ двери исчезла, и за собою увела ту подругу, которая вмѣстѣ съ нею играла на лирѣ и пѣла стихи, переложенные по ея прозвѣ.

Наспавшая буря не позволила Аполлону обѣгать всѣ уголки дома; а ночью изломала хижину одного бѣднаго и семейнаго паслуха въ окружности. На другой день Аполлонъ созвалъ своихъ знакомыхъ и друзей, въ прекрасной рѣчи восхвалялъ любовь къ благошворенію, и склонилъ ихъ облегчить судьбу несчастныхъ. Собирая самъ подаяніе, онъ удивился, что Дафна была не щедрѣе многихъ. Но удивленіе обратилось въ радостное восклицаніе, когда, вручая паслухамъ помощь щедраго человеколюбія, онъ свѣдалъ, что Дафна втайнѣ раздала имъ гораздо болѣе того, что составляла общая сумма. Она запретила о томъ говорить; но взяла мѣры свои, чтобы не лъзя было не угадать ея имени.

Такое рѣдкое собраніе дарованій и добродѣтелей воспалило пимпическій духъ Аполлона. Скоро воображеніе соединило въ лицѣ Дафны божественныя

совершенства. Предметъ богошворенія казался ему столь священнымъ, что передъ нимъ умолкли и тѣ грубыя желанія, которыя съ начала влекли его къ смертной. Онъ молилъ только отца боговъ, да позволитъ Дафна любить себя, да не лишитъ его надежды, за долговременное и постоянное шептѣніе, пользоваться сею взаимною любовію! „Какое сладкое наслажденіе!“ мечталъ богъ Поэзіи: „когда душа забываетъ самое себя, чтобы парить выше грубой личности; когда всѣ обѣты и способности наши обращаются къ единственной цѣли! Но какое пріятнѣйшее наслажденіе, когда въ сердечныхъ восторгахъ симпатическое влеченіе сливается съ благороднымъ самолюбіемъ! О радость! въ себѣ предвкушаетъ человѣкъ блаженство небесное. Безкорыстіе и нѣжность въ любви возносятъ человѣка выше смертнаго, а образъ другаго превосходнѣйшаго существа, непобѣдимой любовію въ нихъ привлеченнаго, равняетъ насъ съ богами.“ — Сими пріятными мечлами Аполлонъ уничтожилъ тайное намѣреніе своихъ гонимелей. Боги осудили его скинуться на землѣ; но пла-

менное воображеніе переносило его въ небеса.

Увы! для чего такое счастье не долговѣчно? для чего можно только наслаждаться имъ въ отсутствіи, или въ отдаленности предмета любви нашей? отъ чего, въ близости, когда можемъ мы судить вѣрно и видѣть подробно, мечта исчезаетъ, и вмѣсто ея остается только чувство стыда и заблужденія?

Дафна знала сію тайну. Кокетство не чувствуетъ, но, что гораздо лучше всякаго умствования, знаетъ свою пользу. Чтобы отсрочить ту минушу, которой надлежало разрушить очарованіе, она удалилась изъ мѣстъ, въ которыхъ обитала ея любовникъ, удалилась, но вездѣ оставила въ Аркадіи слѣды любви своей и того принужденія, съ которымъ ее побѣждала. По всѣмъ мѣстамъ искавшу, которой только присутствіе могло возвратить ему благополучіе, часто Аполлонъ находилъ имя свое перевязанное съ именемъ Дафны, и на корѣ деревьевъ, или на каменныхъ скалахъ, исписанныхъ любовными стихами, угадывалъ ту руку, которая ихъ вырѣ-

зала. Но та же самая рука хотѣла, казалось, изгладить строки и подъ ними начертила обращеніе къ добродѣтели, и вѣчную клятву соблюдать ея уставы.

Наконецъ Аполлонъ упомился, и удалясь въ пещеру, посвятилъ дни свои горести, любви и пому мысленному образцу совершенства, который украшался въ глазахъ его именемъ Дафны.

Но можемъ ли долго заниматьсь отвлеченнымъ предметомъ, мысленнымъ вумиромъ? Нѣтъ; всякое поклоненіе требуетъ чувствительнаго предмета. Аполлонъ сочинилъ на досугѣ романъ, въ которомъ самъ игралъ роль главнаго героя, а любовница его была главною героинею. Между тѣмъ, чтобы привести лица въ дѣйствіе и сдѣлать происшествія заманчивыми, надлежало представить богиню стоворчивѣе, прислушнѣе и преклоннѣе къ слабостямъ чувствительной женщины. Сочиненіе романа укротило немного пылкую страсть его, и возвратило ему спокойствіе духа. Онъ началъ слагать сонеты и элегіи. Это заняло его, разсѣяло, успокоило еще

болѣе. Романъ его навелъ бессонницу на молодыхъ Аркадскихъ пастушекъ, а стихи его были пѣшны на всѣхъ *сере-
надахъ*, которыми пастухи забавляли своихъ красавицъ. Слава Аполлона разнеслась по Аркадіи; его называли первымъ Эроическимъ поэтомъ и первымъ изъ *чувствительныхъ любовниковъ*. Добрые люди шому повѣрили, и самъ Аполлонъ увѣрился въ своемъ достоинствѣ.

Аполлонъ, скрываясь отъ міра и отъ его шумныхъ забавъ, бесѣдуя съ одною горестію своею, наслаждался въ одно время и шайно отъ самаго себя сладостію сердечной нѣги и дѣятельностью души благородной, мужеспвенной, довольной собою. Спрадась для любви, для шой спраспи, которая болѣе другихъ повелѣваетъ жертвовать личностію, и производитъ благошворныя для другихъ дѣйствія, было то же, что спрадась для добродѣтели; и Аполлонъ почиалъ любовь свою добродѣтелью. Переживъ опчаяніе и надежды любви обманушой, любви несчастной — то же, что бороться съ рокомъ и богами, подобно добродѣтельному мужу, подверженному ихъ иску-

шеніямъ ; и Аполлону казалось , что онъ представляеть міру сіе великое зрѣлище . Самъ онъ удивлялся себѣ , какъ человѣку необыкновенному , и онъ изъ мрака своего уединенія разпалилъ умы Аркадскихъ жителей . Одни восхищались ; многіе выславляли его въ образецъ другихъ ; всѣ занимались имъ . Какое спеченіе обшоятельствъ , лестныхъ для самолюбія , но опнесенныхъ любовію къ лицу Дафны ! Аполлонъ , посвящая жизнь своей любовницѣ , научался проводить дни свои въ разлукѣ съ нею . Въ головѣ его заключались только предметъ и цѣль желаній .

Однажды , споя у своей пещеры , мечтающій богъ увидѣлъ Дафну , проспирающую къ нему руки съ высоты ближняго холма . Онъ принялъ ее за видѣніе , но видѣніе сопровождалось такими очевидными знаками испины , что богъ пересталъ сомнѣваться : онъ звалъ ее и взорами и знаками ; а она приходила въ неперпѣніе , видя его колеблющагося . Наконецъ онъ бросился къ ней . Но какъ ни снѣшилъ къ тому мѣсту , гдѣ видѣлъ Дафну , Аполлонъ уже не нашелъ ее . Пораженный

богъ стоялъ въ изумленіи: кого онъ видѣлъ? Тѣнь Дафны, умершей жертвою любви къ нему; или Дафну живую, но осужденную богами гонимелями перзати его душу грозными явленіями? Такая неизвѣстность, сама по себѣ ужасная, прибавляла нѣчто таинственное къ его сношеніямъ съ Дафною; пробуждала любопытство, питала желаніе съ нею увидѣться, доводила до послѣдняго распаленія умъ и воображеніе бога.

Но то, что видѣлъ онъ, то было не мечпаніе и не слѣпое орудіе разгнѣванныхъ боговъ, — то была сама Дафна, которая по собственному побужденію являлась передъ Аполлономъ. Видя, что онъ проводитъ дни свои покойнѣе, и что любовь къ ней можетъ прорваться въ его сердце, Нимфа старалась поддержать пламя. Не одинъ разъ показывалась она съ холма, не допуская его до себя. Кокетство повторило игру хитрости. Однажды, какъ Дафна немного замѣшталась, Аполлонъ достигъ ее и заключилъ въ свои объятія. Напрасно вырывалась она, но склоняясь къ прозьбѣ, то принимая на

себя видѣ гордости. Въ упоеніи любви и спрасни Аполлонъ не внималъ ни чему. „Нѣтъ,“ говорилъ онъ съ опчаяніемъ: „нѣтъ, Дафна, не разспанусь съ тобою! Я не могу безъ тебя жить; и для чего тебѣ упорствовать? Ты любишь меня, знаю; а я богопворю тебя. Запечатлѣемъ навѣки любовный союзъ нашъ. О, ты опрада моего крапкого на землѣ започенія! будь въ то же время радостію и украшеніемъ моего въ небесахъ безсмертія!“

Уже Дафна близка къ тому паденію, кошорому надлежало навсегда разрушить мечпаніе и ея владычество надъ любовникомъ. Она молила боговъ не дасть сей любви угаснуть, — и боги исполняютъ ея моленіе: Дафна превращается въ лавровое дерево. Опчаянный богъ падаетъ на колѣни передъ расшительнымъ сущесствомъ, погубляющимъ его надежды.

О Юпитеръ! воскликнула Лапона, швое наказаніе безъ мѣры спрого. Не только ты не облегчилъ судьбу моего сына любовію къ смертной, но обра-

шилъ ее въ источникъ жестокаго спра-
данія для Аполлона.

Не ропщи, отвѣтствовалъ Юпи-
шеръ; опредѣленіе судебъ есть для не-
го благодѣяніе. Та безчувственная ко-
ра, въ которую облеклось шѣло Даф-
ны, есть вѣрное подобіе холоднаго
сердца, съ которымъ она родилась.
Одно ея безстрастіе питало любовь
Аполлона; прошивъ пылкаго воображе-
нія надобно стоять съ холоднымъ серд-
цемъ; надобно не имѣть тѣхъ слабо-
стей, до которыхъ доводитъ истин-
ная горячность, чтобы владѣть искус-
ствомъ и поддерживать мечпы души
распаленной.

Лавровое дерево, которое по види-
мому погубило радости своего сына,
продолжалъ Юпишеръ, обезпечивъ на-
вѣки его счастье, которое не могло
продолжаться болѣе. Оно обратися
для него въ память сладкихъ движеній
сердца, кропкихъ жалобъ на судьбу и
упѣшительныхъ мечпаній воображенія.
Ничто не разрушилъ впредь того мнѣ-
нія, которое онъ составилъ себѣ о ха-
рактерѣ своей любовницы; всегда она

будетъ представляться ему въ образѣ совершенства. Лавровыя вѣнзы осѣнятъ божественную главу его, и до позднѣйшихъ вѣковъ останутся предметомъ и наградою того поклоненія, которое поэты не прешають воздавать любви и красотѣ.

О Руссо! о Петрарка!

Разговоръ съ Философомъ о спектаклѣ (*).

Вы переспали, говорите вы, ѣздивъ въ спектакль?

— Сен - Маршень. Уже пятнадцать лѣтъ тому, какъ я не былъ въ театръ.

— Это увеселеніе не приносишь уже вамъ конечно столько удовольствія?

— Сен - Маршень. Представленіе нѣкопрыхъ драмъ люблю и понынѣ до спраши.

— Понимаю. Ваши правила морали осуждають театральное представленіе.

(*) Это не выдумка. Извѣстный Метафизикъ и Авторъ Дежерандо имѣлъ эшоу разговоръ съ извѣстнымъ также во всемъ свѣтѣ Сен - Маршенемъ. Издатели Archives littéraires, сообщая историческое извѣстіе о его сочиненіяхъ и жизни, прибавляють къ тому и эшоу разговоръ. Вопъ новое доказательство, говорящъ они, что заблужденія, или разгоряченіе ума, могушь соединяшь съ добрымъ сердцемъ и добродѣтельными правилами.

— Сен - Маршень. Драмагическія произведенія, опѣ которыхъ я ожидаю себѣ удовольствія, не предосудительны; ибо пріятное чувство, ими производимое въ моемъ сердцѣ, можетъ только родиться опѣ зрѣлища добродѣтели, представленной на сценѣ, и опѣ сладостной симпатіи, раздѣленной со мною всѣми зрителями.

— И такъ конечно недосуги не позволили вамъ наслаждаться представленіемъ, которое вы такъ любите?

— Сен - Маршень. Нѣтъ; нѣсколь-ко разъ, въ печеніе пятнадцати лѣтъ, шелъ я въ театръ, и не дошелъ до него.

— Чтожъ васъ удержало?

— Сен - Маршень. Не могу сказать.

— Для меня было бы очень лестно узнатьъ ваши мысли. Развѣ это шайна?

Сен-Маршень. Нѣтъ никакой шайны; но если скажу истинную причину, то вы припишете мнѣ добродѣтели, которыхъ я не имѣю.

— Обѣщаю не приписывать вамъ лишнихъ добродѣтелей; теперь не чѣмъ вамъ опговариваться: удовольствуйте же мое любопытство.

— Сен-Маршень. Хорошо, опкроюсь вамъ; но по другой причинѣ, для того чптобы вы не вообразили чего нибудь важнаго и опмѣнно достойнаго вниманія. Вотъ дѣло. Не одинъ разъ выходилъ я изъ дому съ шѣмъ, чптобы итти въ спектакль. Дорогою ускорялъ шаги, чувспвовалъ волненіе, и заранѣе наслаждался удовольствіемъ, которое меня ожидало. Между шѣмъ, размышляя съ самимъ собою, разбиралъ я свои чувспва. Признаюсь вамъ, сердце мое гошовилось внусить шопъ же небесный восторгъ, копорымъ я наслаждался всякой разъ, какъ прекраснѣйшія чувспва добродѣтели, выраженные языкомъ Корнеля и Расина, возбуждали всеобщія рукоплесканія. Тогда внезапно приходила ко мнѣ одна мысль. Я иду плашшь деньги, думалъ я, за удовольствіе видѣшь одинъ образъ, или лучше сказашь, одну шѣнь добродѣтели; за шѣ же деньги. . .

— Продолжайше, любезный Сен-Маршень, продолжайше.

— Сен-Маршень. За шѣ же деньги могу я въ истинѣ наслаждашь шѣмъ же удовольствіемъ: могу сдѣлашь доб-

рое дѣло, вмѣсто того чтобы видѣть это минутное представленіе. . .

— Угадываю; но досажите. . .

— Сен - Марпенъ. Эта мысль всегда побѣждала меня. Вмѣсто театра посѣщалъ я хижину бѣднаго, оставлялъ тамъ сумму, приготовленную для паршернаго билета; вкушалъ все то удовольствіе, какое могло принести мнѣ театральное представленіе, и возвращался домой безъ сожалѣнія.

Путешествіе въ Римъ въ четверть часа.

Третьяго дня былъ я въ Парижѣ; вчерась предпринялъ путешествіе въ Римъ, и сего дня возвратился въ Парижъ. Вы скажете, что это невѣроятно; что время волшебства прошло; но точно такъ, не лгу ни слова. Правда, что я не имѣлъ времени гулять по городу и его окрестностямъ, но стоялъ на вершинѣ нынѣшняго Капитолія. Оттуда взоры мои успремились прежде всего на *Форумъ* или на *Кампо-Ваччино*, за которыми предсавляется театръ спомъ великихъ произшествій. Съ каимъ движеніемъ смотрѣлъ я на то мѣсто, гдѣ Римскій народъ собирался писать уставы міру; на при колонны, оставшіяся отъ храма *Юпитера-Статора*, въ которомъ началось похищеніе Сабинокъ; на фонтанъ, считаеомой тогда чернью за пропасть Курціеву; на шествіе Колизей, гдѣ великой народъ ушѣшался въ пошерѣ свободы!

Арка Сепсима Севера и Константина, постановленныя одна передъ *Форумомъ*, другая за нимъ, привлекли

потомъ мои взоры; я просилъ моего путеводителя указать мнѣ Палапинскую гору, заняшую некогда палатами Кесаря, и онъ указалъ мнѣ ее пальцемъ. Какъ! этакъ холмъ, покрытой виноградомъ, садами и нѣсколькими хижинами? — Такъ, это по самое мѣсто. — И вотъ все, что осталось отъ великолѣпныхъ зданій? — Болѣе ничего. Но у подошвы пригорка видите ли вы развалины стѣнъ? — Вижу. — Вотъ остатки стѣнъ палатъ, гдѣ жили Императрицы. — Тогда, взявъ лорнетъ въ руки, я смотрѣлъ на развалины террасы, гдѣ спрѣжа Препорійская показывала народу новаго Владѣтеля ею избраннаго, до того времени, пока не истощилось въ рукахъ ея злато, опуннившее достоинство Императора. Неронъ, Каракалла, Геліогабалъ, представились тогда моему воображенію! я содрогнулся, и обратился глаза на другую сторону.

Я обратился, такъ сказать, отъ древняго Рима къ новому. Куполъ Св. *Петра* въ опдаленіи возносился выше всѣхъ кровлей, которыя во множествѣ покрываютъ многолюднѣйшія части города. Я не могъ видѣть Тибра: одни

блестящіе изгибы его показывались между домами; я искалъ прекраснѣйшей изъ Римскихъ улицъ, но съ того мѣста, гдѣ стоялъ, не могъ ее видѣть: подъ ногами моими представлялась одна безпорядочная куча домовъ, садовъ, монастырей и нѣсколькихъ кривыхъ улицъ. Агрипповъ Пантеонъ и Траянова колонна едва были примѣтны въ семъ хаосѣ. Но я могъ разсмотрѣть очень хорошо, перенесясь глазами немного подалѣе, *Вилла Медицисъ*, гдѣ недавно учреждена Французская Академія; *Монте Каваляо*, гдѣ Папа имѣетъ свой загородный домъ, и всѣ окрестности Рима, покрытыя во многихъ мѣстахъ цвѣтомъ самой свѣжей зелени, какой не видывалъ я въ нашихъ климахахъ, и украшенныя шѣми плѣнительными формами деревьевъ, которыя служили образцемъ для Пуссеня.

Наконецъ, насытивъ жадные взоры видами Рима, сошелъ я съ Капитолія и — увидѣлъ себя въ саду Капуциновъ. — Гдѣ? въ саду Капуциновъ, который въ Парижѣ? — Да; я примѣтилъ, что мы выходили изъ *Панорамы*. — Такъ вы въ Панорамѣ видѣли Римъ? — Точно такъ. Она только

что кончена, и я первый видѣлъ ее. Зрѣніе совершенно обмануто. Кажешся, что вы точно стоите на вершинѣ Капитолія, и видите подъ ногами безсмертный градъ. Не говорю о живописи: надобно замѣшить, что это живопись. Въ пять минутъ вы забываетесь совершенно; одна натура передъ вашими глазами. Не боюсь сказать: Панорамы распространили искусство и дѣйствіе живописи. Прибавя нѣсколько ясности и окружности, не знаю, до какого совершенства не лзя бы было довести сіе прекрасное изобрѣшеніе. Не удивительно ли, что въ четверть часа, безъ всѣхъ убытковъ почвы и дороги, ты видишь себя перенесеннымъ въ ту землю, куда давно стремился духъ твой? Господа хозяевы панорамъ! позвольте мнѣ странствовать за вами въ Царьградъ, въ Венецію, въ Испанію, въ Швейцарію, куда вамъ угодно; радъ туда слѣдовать, также какъ слѣдовалъ за вами въ Лондонъ, въ Тулонъ, въ Неаполь, не выѣзжая изъ Парижа.

Изъ Фран. Жур.

Письмо о Ж. Ж. Руссо.

*Къ Издателямъ Журнала: Архивы
Европейской Литтературы.*

Я имѣлъ счастье видѣть не рѣдко Жан-Жака Руссо въ его старости, и случай сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, которые осмѣливаюсь сообщить вамъ. Сии мѣлочные случаи, связанные съ великимъ именемъ, лучше сохранить въ памяти, нежели оставить въ забвеніи, и они могутъ, кажется, занять мѣсто въ вашемъ Журналѣ.

Два послѣдніе года жизни своей Ж. Ж. Руссо не занимался почти ничѣмъ, кромѣ музыки и Бопанини. Послѣдняя изъ сихъ наукъ исключила наконецъ первую. Въ 1777 году, лѣтомъ, онъ ходилъ собирать травы поутру отъ девяти часовъ до двенадцати, иногда и долѣе, а послѣ обѣда до самой ночи. Поутру и въ вечеру, передъ прогулкою, онъ сѣсавлялъ свой *травникъ*. Никогда Бопанинъ не проспиралъ далѣе порядка и чиселъ въ уборкѣ расшѣній на бумагѣ;

шрудолобіе его въ семь случаѣ до-
стойно замѣчанія. Въ послѣднее лѣто
жизни . своей онъ составилъ шесть
шепрадей съ распѣніями, наждую
полщиною съ книгу въ 4 долю. Сей
формашъ былъ имъ выбранъ, и онъ не
перемѣнялъ уже его никогда, хотя
опытъ доказалъ ему, что сей фор-
машъ не очень способенъ, особливо
для большихъ правъ. Его правникъ
съ мохомъ, форматомъ въ 12 долю,
былъ сдѣланъ съ мастерскою красиво-
стію.

Ж. Ж. Руссо говорилъ о себѣ, что
его умъ любилъ порядокъ въ самыхъ
мѣлочныхъ заботахъ; что ему пріятно
занимать тѣмъ жизнь свою: по сей
самой причинѣ онъ утверждалъ, что
работа кописца всего ближе къ его
вкусу и сходиме съ его характеромъ (*).

Однакожъ онъ пересталъ переписывать ноты въ послѣдній годъ жизни,
и прежде мало уже тѣмъ занимался,
замѣтивъ, что докучливые люди подѣ

(*) Руссо, какъ извѣстно, зарабатывалъ
себѣ деньги, переписывая ноты.

симъ предлогомъ ходили только къ нему, и послѣ того были такъ нескромны, что не выручали даже бумагъ своихъ, лишая черезъ то кописна плода трудовъ его. Не одинъ разъ Руссо мнѣ сказывалъ, что, переписывая хорошую музыку, онъ наслаждался совершеннымъ концертомъ.

Выдумавъ прежде новую методу для музыкальныхъ нотъ, онъ занимался тогда изобрѣшеніемъ сокращеннаго письма для Бопаники. Я видѣлъ его рукою написанныя сими новыми знаками нѣкоторыя роды и виды Линнеевы, которые онъ собралъ въ маленькую шепрадъ для того, чтобы носить ихъ съ собою во время уединенныхъ прогулокъ.

Онъ любилъ и уважалъ Линнея; мысль въ каждомъ словѣ его, говорилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ. Въ ученыхъ спорахъ, произведенныхъ системою сего знаменитаго Натуралиста, Руссо находилъ его поведеніе совершенно благороднымъ и достойнымъ великаго человѣка. Можетъ быть внутренно онъ сравнивалъ его съ собою.

У него были собраны разныя книги о Бошаникѣ, особливо древніе Авторы Ре, Богень и проч., изъ которыхъ онъ дѣлалъ выписки, и носимыя имъ въ петради съ чистотою и порядкомъ удивительнымъ. Сія работа, передъ концемъ жизни, заступила мѣсто Бошаническихъ прогулокъ, которыя ему наскучили, какъ онъ сказывалъ; ибо въ Парижскихъ окрестностяхъ было уже для него мало новаго и любопытнаго.

Охота его переписывать была такъ велика, что, бывъ въ Дофинѣ, онъ списалъ всего Мезере (*) своею собственною рукою. Онъ самъ мнѣ рассказывалъ, и только что не улыбался, думая, какъ будутъ нѣкогда дорожить симъ манускриптомъ.

Между тѣмъ дѣятельность генія разрывала оплошны, которыми онъ

(*) Мезере, осыпанный благодареніями Ришелье, и гонимый послѣ того Колбертомъ, написалъ *Французскую Исторію* въ 3 Томахъ.

хотѣлъ удержашъ его спремленіе; и въ то время, какъ Руссо старался обуздашъ воображеніе, оно увлекало его къ размышленіямъ и погружало въ мечпанія, отъ которыхъ онъ пробуждался только для того, чѣобы изливашъ на бумагу чувства, мяшущія его душу. Мы извѣстно, что онъ сжегъ нѣкоторыя изъ своихъ манускриптовъ; лучшіе изъ оставшихся были напечатаны по смерти его. *Примѣчанія объ Алцестѣ* спаслись отъ огня, хотя онъ опредѣлялъ имъ сей жребій не отъ презрѣнія къ сочиненію, но для того, что ему казалось, что никто не можетъ прочесть его манускрипта; а онъ не хотѣлъ ни переписывашъ, ни оставить его, каковы онъ былъ. Мы случилось отъ него слышашъ, что при отбѣздѣ изъ Лондона онъ пережегъ много примѣчаній, назначенныхъ для новаго изданія *Эмили*, которыхъ его затрудняли на то время.

Онъ писалъ всего лучше на чистомъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ мысли раждались и волновали его воображеніе, онъ изливалъ ихъ безъ по-

рядка и плана на первую бумагу, которая ему попадалась в руки. Такъ сочинилъ онъ прекрасную Прозополею Фабриція подъ однимъ деревомъ Венсенской аллеи. Разгоряченный можетъ быть размышленіемъ глубокимъ и выдержаннымъ, онъ сочинялъ легко и скоро: обыкновенно Руссо писалъ прудно, медленно, много перемарывалъ и долго переправлялъ. Онъ признается въ томъ въ одномъ мѣстѣ своихъ *Конфессій*, и я видѣлъ тому нѣсколько доказательствъ. Въ теченіе 1777 года онъ замѣшилъ, или, лучше сказать, вздумалъ, что манускриптъ сего послѣдняго сочиненія у него пропалъ. Онъ переносилъ сію упрямую съ перпѣніемъ, но съ недовѣрчивостію; ибо ему казалось, что враги его окружаютъ. Сіе ужасное чувство мучило его подъ старость, дѣлало его обхождение пруднымъ, и вселяло въ него несправедливыя подозрѣнія. Въ разсужденіи *Конфессій* кажется, что никто не укралъ ихъ, но что онъ потерялъ въ бумагахъ отъ его собственнаго небреженія. Я могъ бы привесить доказательствъ, до чего вообра-

женіе его обманывало, показывая ему безпрестанно заговоры, сѣши и обманы его враговъ, и поставилъ бы себѣ за долгъ оправдать нѣмъ людей обвиненныхъ Жан-Жакомъ, если бы сочиненія его старости не изображали уже сами собою тогдашняго расположе-нія души его. Не хочу прибавлять бесполезно числа сихъ подробностей, которыхъ, въ заключеніи, доказываюти одну печальную истину.

Руссо не удостоилъ меня довѣренности въ разсужденіи своихъ *Конфессій*; онъ только мнѣ наименовалъ ихъ по случаю страха, чтобы онѣ не пропали. Но онъ доставилъ мнѣ великое удовольствіе, прочтя прибавленіе къ *Эмилю*, напечатанное въ Женевскомъ изданіи, подъ названіемъ: *Эмиль и Софія, или пустынники*. Отрывокъ не дописанъ: Авторъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Эмиль попадаетъ въ плѣнъ къ Алжирскому Дюю. . . . Не только Руссо прочелъ мнѣ сей отрывокъ, котораго цѣну возвышали еще его проташельный голосъ и нѣкоторое совершенно заразишельное движеніе, но самъ

разгоряченный чтеніемъ сего оприв-
на онъ возвратился, казалось, на
слѣдъ тѣхъ идей и чувствъ, которыя
волновали его въ жару сочиненія. Рус-
со говорилъ много съ жаромъ и легко-
стію (что съ нимъ рѣдко случалось),
и рассказалъ миѣ продолженіе сего на-
чатаго романа, разныя происшествія,
и наконецъ его развязку.

Портретъ Вашингтона (*).

Одни войны могутъ опредѣлить мѣсто, которое достоинъ занять Вашингтонъ между славными Полководцами. Успѣхи его имѣли, кажется, болѣе основательности, нежели блеска; и не столько пылкой героизмъ, сколько оспорожная разсудительность повелѣвала имъ, когда онъ предводительствовалъ и сражался.

Среди всѣхъ безпорядковъ воинскаго спана, и всѣхъ золъ, неразлучныхъ съ бранями междуособными, человечество имѣло въ его шатрѣ убѣжище всегда вѣрное. Въ побѣдахъ и въ поражени онъ являлся всегда покойнымъ подобно мудрости, простымъ подобно добродѣтели. Крошкія чувства обитали во глубинѣ его сердца и въ тѣ самыя минушы, когда польза собственнаго дѣла нѣкоторымъ образомъ повелѣвала мщеніе.

(*) Изъ книги: *Lecons de Litterature et de Morale*. Сей портретъ писанъ однимъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ Французскихъ авторовъ. Читатели увидятъ въ семъ портретѣ прекрасный моральный характеръ и великое искусство писать.

Движенія великодушія въ мужахъ великихъ утверждають государственную свободу въ рѣше профеевъ и побѣдъ. Уваженіе, приобрѣтенное Американскимъ Героемъ, способствовало лучше оружія освобожденію его опечесства.

По заключеніи мира онъ возвратилъ Конгрессу всѣ власти, ему врученныя, и одною силою убѣжденія смирилъ гражданъ непокорныхъ. Если бы низкое честолюбіе пылало въ душѣ его, то ему бы легко было парализовать слабость мясепжниковъ; и когда ничто не полагало преграды отважнымъ намѣреніямъ, онъ овладѣлъ бы самовластіемъ прежде, нежели законы опредѣлили ея дѣйствіе и границы. Но самъ онъ требовалъ законовъ съ упорнымъ постоянствомъ. Какъ скоро твердое Государственное постановление пресѣкло всѣ пути къ похищенію власти, онъ принялъ, по волѣ согражданъ своихъ, честь повелѣвать ими въ продолженіе семи лѣтъ. Онъ бѣжалъ отъ власти, когда его одна воля могла быть закономъ; и принялъ бремя правленія, когда предписали уставы должности и предѣлы власти. Такой характеръ достоинствъ прекраснѣйшихъ вѣковъ древ-

ности. Историкъ едва вѣритъ, представляя черты Героя, что онъ жилъ въ наше время.

Внутри, правленіе его было крепкое и твердое; внѣ, благородное и осторожное; онъ уважалъ права и обычаи другихъ народовъ, также какъ желалъ, чтобы народы уважали права Американцевъ. Во всѣхъ Государственныхъ сношеніяхъ героическая простота Президента обращалась съ величествомъ Царей безъ униженія и безъ хвастливости (*jactance*). Не ожидайте отъ его правленія тѣхъ мысли, которыя въ нашемъ вѣкѣ почитаются великими, но которыя въ глазахъ его казались дерзкими. Соображенія его были не смѣлыя, но мудрыя: онъ не возбуждалъ удивленія, но всегда заслуживалъ уваженіе, въ санѣ и въ Совѣтѣ, среди государственныхъ дѣлъ и въ мирномъ уединеніи.

Не гордыя и важныя черты, не сила и возвышеніе въ мысляхъ, но порядокъ и почтось изумляли въ Вашингтонѣ. Онъ имѣлъ особливо въ превосходной степени качество, почитаемое обыкновеннымъ, но въ самомъ дѣлѣ очень рѣдкое, полез-

ное какъ для государственной, такъ и для приватной жизни, которое приноситъ болѣе спокойствія, нежели движенія, и болѣе счастья, нежели славы душамъ, одареннымъ симъ качествомъ: я говорю о здоровомъ смыслѣ, опроверженномъ гордою мудростию, но достойномъ пользоваться всѣми своими правами. Смѣлость разрушаетъ, геній творитъ; здоровой смыслъ ведетъ къ сохраненію и совершенству. Геній блюдетъ славу Имперій; но одинъ здравый разумъ утверждаетъ ихъ благоденствіе и обезпечиваетъ спокойствіе.

Вашингтонъ родился въ избыткѣ, имъ благороднымъ образомъ нажитомъ, по примѣру Героевъ древняго Рима, среди трудовъ земледѣлія. Бывъ врагомъ суешной пышности, онъ хотѣлъ однакожъ, чтобы нравы республиканскіе окружались нѣкоторыми почестями. Никто изъ согражданъ его не любилъ такъ пламенно свободы, никто изъ нихъ не боялся такъ золь безначалія. Умъ его, вѣрно слѣдуя правилу, удалялся всегда отъ безпорядковъ. Онъ уважалъ опыты вѣковъ; не хотѣлъ ни перемѣнять, ни всего разру-

шасть вдругъ въ одно время, а соблюдалъ въ семъ случаѣ порядокъ древнихъ Законодательей.

Подобно имъ, Вашингтонъ повелѣвалъ болѣе чувствомъ и любовію, нежели силою и законами; подобно имъ, являлся простымъ на степени почестей; подобно имъ, явился великимъ по удаленіи отъ дѣлъ. Онъ принялъ власть для того, чтобы утвердить народное благоденствіе; но опивался отъ нее, когда увидѣлъ, что счастливая Америка не имѣетъ нужды въ его услугахъ. Онъ хотѣлъ спокойно наслаждаться, вмѣстѣ съ другими гражданами, счастьемъ великаго народа, ему шѣмъ обязаннаго; но Герой напрасно удалился отъ почестей перваго сана: первое имя въ Америкѣ было всегда имя Вашингтоново.

Фонтанъ (Eloge funebre de Washington).

Историческое извѣстіе объ Индостанскихъ вдовахъ.

(Изъ Декады.)

Извѣстно, что Индостанскія вдовы имѣютъ обычай сжигать себя на кострѣ ихъ супруговъ. Многіе Историки сообщали подробности болѣе или менѣе вѣрныя о сей героической жертвѣ. Маркизъ Веллеслей, управлявшій Англійскими владѣніями въ сей части свѣта, писалъ въ Главное Правленіе Великобританской Оствиндской Компаніи, что число сихъ жертвъ простирается до тридцати тысячъ въ годъ. Сіе извѣстіе несправедливо; равно и то, будто бы законъ осуждаетъ на смерть двойни, какъ скоро родятся. Утверждаю, что сей законъ не существуетъ. Народъ человѣколюбивый, по своимъ политическимъ и религіознымъ учрежденіямъ, крошкѣй и чувствительной до того, что онъ не смѣетъ проливать крови животныхъ и питаться ихъ мясомъ, имѣя вѣру въ преселеніе душъ, — сей народъ не могъ никогда ввести такого варварскаго и свирѣпаго закона.

Что касается до обычая, погубившаго сполько жерпвв между вдовами, могу увѣришь, что онъ почти истребился. Монголы, основавъ династію на развалинахъ прона Индійскихъ Принцевъ, запретили сіи варварскіе обычаи, и съ того времени, по есть отъ XI вѣка Хрисціанскаго лѣточисленія, не погибло можеть бышь ни тысячи женщинъ отъ сего великодушнаго предразсудна, котораго безъ сомнѣнія не одобряю, но которому не могу не удивляшься. Прибавлю, что Европейцы, равнобрно огорченные симъ обычаемъ, утвердили повелѣніе Монгольскихъ Магометанъ во всѣхъ областяхъ сей обширной земли, ими покоренной. И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе двадцати лѣтъ, проведенныхъ мною въ Индіи, странствуя по всѣмъ ея областямъ изъ конца въ конецъ, я видѣлъ только одинъ примѣръ вдовы, добровольно принесшей себя въ жертву. Съ удовольствіемъ подтверждаю сію испину, къ чести Монгольскихъ законовъ и философическаго духа Европейцевъ.

Представляю крапкую историческую картину обрядовъ, соединенныхъ съ сею великою жерпвою, которая

можетъ быть возобновлялась чаще въ прежнія времена, но которую однакожь не повѣвваетъ точный законъ *Брамы*, какъ писали инокшорые Авшоры.

Если женщина, съ которою Индусъ соединилъ судьбу свою, пережила супруга, то она ведетъ жизнь уединенную и скрышную. Вдовство почитается у сего народа слѣдствіемъ гнѣва Небеснаго. Вдовы живутъ въ удаленіи отъ людей и семейства, не могутъ входить въ домашнее хозяйство, отказываются отъ всѣхъ удовольствій, и снимаютъ съ себя драгоценныя украшенія, чтобы примириться съ раздраженнымъ Небомъ. А счастье жить съ супругомъ въ будущей жизни требуетъ, чтобы онъ умерли вмѣстѣ съ нимъ.

Молодая Браминна, изъ города Бенгала, 19 или 20 лѣтъ, мать двоихъ дѣшей, лишилась мужа, который лежалъ больнымъ не болѣе недѣли.

Молодая вдова была изъ колѣна перваго въ *частѣ* Браминовъ, въ которомъ воспитывающія священники

для служенія. Какъ скоро врачъ сказалъ, что нѣтъ никакой надежды, она объявила родственникамъ, что хочетъ сжечь себя на кострѣ супруга.

Отецъ *Виссиакоды* (это было имя молодой вдовы) старался обратиться къ разсудку языкомъ нѣжности и умиленія. Онъ говорилъ ей о дѣтяхъ, которыя пребудутъ попеченій, безъ нее останутся сиротами, и для которыхъ ни что не можешь замѣнить любви материнской.

Наконецъ онъ представилъ ей, что новые законы не позволяютъ сего жертвоприношенія. „Съ деньгами“ отвѣчала молодая вдова, образецъ добродѣтели и любви супружеской, „съ деньгами ты можешь выпребовать мнѣ позволеніе. Люблю дѣшей, но хочу соединить прахъ мой съ прахомъ супруга, если не лзя сохранить его жизни.“ Съ того времени она не хотѣла уже внимать ни голосу отца, ни чувствамъ природы; непоколебимая въ своемъ намѣреніи, возвратилась въ комнату больнаго, и продолжала ходить за нимъ. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ. *Акананде* -

Бабу, отецъ *Виссиакоты*, въ жестокомъ опчаяніи исполнилъ ея желаніе прошивъ воли. Опнесши деньги къ Англійскому Начальнику, котораго не хочу именовать здѣсь, онъ получилъ для дочери позволеніе сжечь себя на томъ самомъ кострѣ, на которомъ надлежало обратить въ пепелъ бездушныя оспашки любезнаго ей чело-вѣка.

Нравы Индусѣвъ заспавили бы по-честъ домъ оскверненнымъ и семейство преступнымъ, если бы одинъ изъ членовъ умеръ въ домѣ. Умиравшій переносится на берега Гангеса : тамъ долженъ онъ кончить жизнь, погрузивъ руки въ воду; въ другихъ мѣстахъ, изъ любви къ человѣчеству и къ чистотѣ, тѣла кладутся на костеръ тотчасъ по охладѣніи.

Въ ту минушу, какъ *Денуерамсъ-Бабу* началъ опходить, его перенесли на берегъ Гангеса, обоготворенной рѣки, которая, по сей причинѣ, называется *путемъ небеснымъ*. Когда совершались омовенія и обряды, требуемые древнею вѣрою сего народа,

уже *Депуерамсъ* пересталъ дышать и жить.

Молодая его супруга, пораженная до глубины сердца, не одиѣми слезами изливала свою горестъ. Она возвратилась къ отцу съ малолѣтними дѣтьми, нечувствительными еще къ ихъ потерѣ, и шамъ пригосовлялась къ жерпвѣ, наслаждаясь въ мысляхъ вѣчнымъ блаженствомъ, обѣщаннымъ Религіею тѣмъ чистымъ и добродѣтельнымъ душамъ, которыя соблюдали на землѣ святость супружескихъ обѣщанъ, и которыя прекращающъ быше свое на одномъ кострѣ съ супругомъ. *Виссианода* прижимала къ сердцу дѣтей, сихъ залоговъ любви своей, въ то самое время, когда, по неизвѣстному прошиворѣчію, она распавалась съ ними прошивъ воли сердца и законовъ природы.

Она заключала еще въ своихъ объятіяхъ нѣжные плоды любви супружеской, когда явился отецъ ея *Ананда* съ зажженною лампадою. Погашая сама лампаду, вдова даетъ знать, что она совершаетъ жерпву доброю волею, безъ всякаго принужденія. Кто

могетъ выразишь опчаяніе *Акананда-Бабу* и всѣхъ бывшихъ свидѣтелей того равнодушія, съ которыми *Висеіакода* погасила лампаду, рукою опца къ ней поднесенную? Едва она произнесла сей безмолвной отвѣтъ (ни опецъ, ни жена вдовые не могутъ во время сего обряда ни говорить, ни даже глядѣшь другъ на друга), и пошчасъ удалилась отъ дѣшей къ родственникамъ, чшобы принять и пролить послѣднія слезы. Скоро послѣ того распавшись съ ними съ пвердою душою, гоповою къ жержвѣ, она пригшвила собственными руцями *пиръ разлуки*, послѣдній, кошерому бышь надлежало. Такая сила души необыкновенна.

По окончаніи пира и всѣхъ пригшвленій къ поржесшвенному обряду, молодая вдова, одѣшая въ бѣлое илапье (это цвѣтъ шраура и цвѣтъ вдовій), но украшенная драгоценными каменьями, какъ въ день брака, вышла изъ дому, ведя за руку дѣшей, провожаемая матерью и свекровью. Она открывала ходъ сей печальный и мрачный; судя по ея виду, по ясному лицу, по наружному спокой-

ствію души, казалось, что сей обрядъ былъ праздничнымъ торжествомъ. Она приблизилась со всѣмъ семействомъ и съ полною зрительней къ берегу Гангеса, къ тому самому мѣсту, гдѣ стоялъ костеръ. Позади всѣхъ шли музыканты, играя печальные голоса на звонкихъ инструментахъ.

У берега рѣки *Виссіакода* выглядываетъ на костеръ, гдѣ лежало тѣло понойника, съ умиленіемъ опускаетъ взоры на дѣтей, прижимаетъ ихъ къ сердцу съ восторгомъ, цѣлуетъ въ послѣдній разъ и даетъ знакъ, чтобы ихъ удалили. Природа торжествуетъ, но на одно мгновеніе.

Сойдя на берегъ одна, она обходитъ три раза вокругъ костра, осыпая его цвѣтами; потомъ, взявъ мать и свекровь, входитъ въ Гангесъ для совершенія очистительнаго умовенія. Тогда снимаетъ съ себя бѣлое платье, и надѣваетъ шелковое диваго цвѣта, употребляемое въ семъ обрядѣ. Тотчасъ послѣ того мать и свекровь удаляются; ихъ прикосновеніе осквернило бы ея чистоту. Во время умовенія *Виссіакода* приноситъ въ даръ Солнцу, образу Божества,

шено и цвѣты, высыпая при горсти
оныхъ въ рѣку Гангесъ. Остатокъ по-
ложила она на носерѣ въ листьяхъ
ненуфара, въ память благошворитель-
ности и великодушія своего супруга.

Потомъ, возвращаясь къ рѣкѣ и
спавъ въ нее по колѣно, она читаетъ
краскую молитву, снимаетъ съ себя
драгоценные камни, бросаетъ ихъ
издали одни за другими къ родствен-
никамъ и друзьямъ. *Виссиакода* вру-
чила амулетъ своей матери, чтобы она
опдала его дочери. Разорвавъ цѣпочку,
которая висѣла на шеѣ съ вѣн-
чальнымъ камнемъ, бросила его въ
рѣку. Древнее преданіе сего народа
говоритъ, что рѣка Гангесъ (ко-
торая въ баснословіи Индійцевъ то же,
что Спинсъ въ Мифологіи Грековъ)
должна владѣть одна вѣнчальнымъ кам-
немъ супруговъ, и что его воз-
вращаетъ имъ передъ лицомъ Пред-
вѣчнаго, за ихъ богоугодное дѣло.
Потомъ *Виссиакода* взяла горсть зем-
ли, и смѣшала его съ *тирнамомъ*, бѣ-
лымъ пескомъ, которымъ Индусы на-
шираютъ себѣ лобъ и грудь пошчасъ по
умовенію. Сіе шайнство есть родъ муро-
помазанія въ обрядахъ Браммы. Оно на-

поминаетъ человѣку, что онъ родился
отъ земли, и къ землѣ возвратишся :
Мысль глубоко-нравственная, принятая
и въ другія Религіи.

Во время сего умовенія она читала
нѣсколько молитвъ, три раза за-
черпнула воды въ горсть руки, изли-
ла вокругъ себя, и проглотила нѣ-
сколько, въ знакъ *Трейтаена*, или
шрехъ лицъ Божества.

По окончаніи сихъ послѣднихъ об-
рядовъ, *Виссіаода* вышла изъ рѣки
и приблизилась къ факелу коспра, гдѣ
надлежало ей сжечь себѣ кости на
пальцѣ правой руки. Во время се-
го перваго и жестокаго искуса,
вдова стоить одна; она подкрѣплена
однимъ своимъ мужествомъ; никто не
смѣетъ къ ней приблизиться, ни одинъ
человѣкъ не долженъ до нее дотронуть-
ся. Вдова, которая не имѣла бы силы
выдержать сего опыта, не удостои-
лась бы позволенія соединить прахъ
свой съ прахомъ супруга. Молодая и
прекрасная Браминка выдержала его съ
такою швердоспью, съ такимъ муже-
ствомъ, что я не вѣрилъ глазамъ моимъ.
Героическая швердоспъ *Виссіаоды* была

свыше всего, что представляло мнѣ воображеніе и память о великомъ духѣ женскаго пола.

Послѣ сего опыта, *Виссіакода* взошла на костеръ по лѣспницѣ, подставленной однимъ изъ ея родственниковъ. Тутъ въ первой разъ она произнесла имя своего супруга. При семъ часѣ не было уже первенства между ею и мужемъ (нравы Индусовъ не позволяють супругамъ именовать мужей своихъ, изъ уваженія къ нимъ). Потомъ она легла на лѣвую сторону къ покойнику, и приподняла ему голову, чѣобы положить ее на свою правую руку, какъ будто бы онъ былъ живъ. Потомъ, схвативъ факелъ лѣвою рукою, она сама зажгла костеръ.

Чѣобы ускорить дѣйствіе огня и усилить дымъ, предсводящіе изливали безпрестанно на костеръ масло и смолу ароматическую. Скоро послѣ того нѣсколько человекъ, державъ въ рукъ длинные и крѣпкіе бамбусы, перевязали ими пѣло, ноги и шею несчастной жертвы, для того конечно, чѣобы скорѣе задушить ее и прекратить му-

ченія. Во время сей сцены, которая часа два продолжалась, никакой знакъ сожалѣнія и горести не показывался на лицѣ спраждущей. Свѣплые взоры ея обращались иногда на ту сторону, гдѣ стояли ея дѣши; казалось, что сіе одно чувство ее прогало.

До слезъ пронутый всѣмъ, что происходило въ глазахъ моихъ, я сожалѣлъ нѣкопорымъ образомъ, что былъ свидѣтелемъ сего происшествія. Нѣсколько дней лежалъ отъ того больнымъ; и одно воспоминаніе, послѣ придцати лѣтъ, приводитъ меня еще въ ужасъ.

Я рассказалъ конецъ сего печальнаго обряда, представленнаго столь несогласно съ истиною Трагикомъ Лемьеромъ.

Но я сказывалъ, что видѣлъ, и не хотѣлъ писать романа, болѣе или менѣе вѣрояшнаго.

(Изъ Франц. Журн.)

Нѣчто о Мессіадѣ и Клопштокѣ.

Извѣстно, что Мессія, или Мессіада Клопштокова, Поэма въ 20 Пѣсняхъ, была главнымъ произведеніемъ сего Поэта, и лучшимъ правомъ его на славу, которую нигдѣ не оспоривали, кромѣ Франціи. Скоро послѣ того, какъ она вышла, два Профессора военной школы, Г. Юнкеръ, сочинитель хорошей Нѣмецкой Грамматики, и Г. Аншелми, который у собрата своего выучился Нѣмецкому языку, начали переводить Мессіаду; но остановились на десятой Пѣснѣ, когда герой Поэмы издыхаетъ. Въ обыкновенной Поэмѣ можно бы предполагать, что смерть героя есть конецъ Поэмы, и что не чего ожидать далѣе. Вѣроятно, что не одинъ читатель ошибся въ семъ случаѣ, и не воображалъ, что Поэтъ не совершилъ еще половины своего пути, когда непостоянство перервало трудъ переводчиковъ. Между тѣмъ въ Англіи, въ Голландіи, въ Италіи, Мессіада имѣла славу быть переведенною отъ начала до конца. Въ наше время, одна Нѣмецкая монахиня перевела ее всю на

Французскій языкъ, или думаетъ, что она ее перевела; но сей переводъ доказалъ только Нѣмцамъ, что она знаетъ языкъ ихъ, и можешь читать всю Мессиаду, чѣмъ не смѣютъ льстить себя и многіе изъ Нѣмцевъ. Одинъ эмигрантъ, въ бытность свою въ Гамбургъ, имѣя случай часто видѣть почтеннаго Барда Германіи, началъ въ его глазахъ переводить Мессиаду. Онъ окончилъ уже нѣсколько Пѣсней, къ великому удовольствію Автора, и многіе хорошіе судьи Французскаго языка обѣщали совершенный успѣхъ сему переводу; но обстоятельство, удаливъ его отъ Гамбурга, перервали, къ несчастію, трудъ его. Клопштовъ снесъ во гробъ сожалѣніе, что не могъ читать своего безсмертнаго творенія на языкъ Вольперовъ и Расиновъ.

Клопштовъ жаловался не одинъ разъ, что Французское легкомысліе судитъ о немъ по однимъ отрывкамъ, и осуждаетъ его, не дочитавъ Поэмы. Ибо, говорилъ онъ, въ послѣднихъ десяти Пѣсняхъ, безъ кофуръ трудъ мой былъ бы только со-

вершенъ до половины, есть мѣста, по крайней мѣрѣ равныя шѣмъ, которыми удивляюся въ первыхъ десяти Пѣсняхъ. Это имѣло, можетъ быть, вліяніе на предубѣжденіе, сохраненное имъ до конца жизни противъ Французскаго языка и Французской лишперашуры, о которыхъ, правду сказать, онъ не былъ въ состояніи судить справедливо. Онъ былъ особливо предубѣжденъ противъ Автора послѣдняго вѣка, противъ того, которымъ наиболѣе славятся Французскія Музы. Какъ ни былъ шихъ его характеръ, Клопштокъ принадлежалъ къ genus irritabile vatum. Онъ не могъ простить Вольшеру того неуваженія, съ которымъ онъ извѣснялся о Нѣмецкой лишперашурѣ, и вреда, который онъ сдѣлалъ Нѣмецкому языку, одобряя въ великомъ Фридрихѣ его исключительный вкусъ къ Французскому, но особливо молчанія о Мессіадѣ въ шѣхъ спанціяхъ, гдѣ Вольшеръ нѣсколькими стихами опредѣляетъ достоинство эпическихъ Поэмъ древнихъ и новыхъ. Онъ говорилъ же, сказалъ однажды Клопштокъ, объ *Иліадѣ*, которой

не разумѣлъ; о потерянномъ Раѣ,
котораго и совсѣмъ не понималъ. Че-
го бы ему стоило сказать нѣсколько
словъ о Мессіадѣ?

Изъ Франц. Журн.

Гердеръ передъ концемъ жизни.

Крaшкое бiографическое извѣстiе о славномъ Гердерѣ, котораго Германiя и съ нею вся Европа недавно лишилась, было напечатано въ одномъ изъ сихъ помовъ. Въ архивахъ Европейской липшерапуры находимъ еще нѣсколько подробностей о семъ писателѣ, сообщенныхъ извѣстнымъ Метафизикомъ Дежерандо.

„Платоническiй характеръ (говоритъ онъ), который дышалъ во всѣхъ творенiяхъ Гердеровыхъ, былъ нѣкоторымъ образомъ всегдашнимъ характеромъ ума его, и оживлялъ самый его разговоръ. Къ блестящему воображенiю и къ жаркой чувствительности крошквой души присоединялъ онъ голосъ гармоническiй, видъ благородный и величавый, краснорѣчiе непринужденное, имѣлъ друзей преданныхъ, былъ добрый супругъ и добрый отецъ. Одинъ прiятель сообщилъ намъ изъ Веймара нѣкую съ послѣднихъ стиховъ, имъ сочиненныхъ. Они выражаютъ нѣкоторымъ образомъ послѣднюю

мысль сего Мужа ; ибо жестокія сра-
данія изнурили передъ концемъ жизни
его шѣлесныя и душевныя силы. Вотъ
сїи стихи :

Er misst den himmel , stillt die meere !

Gericht und Recht ist um ihn her !

Er ist der herr , der Gott der heere !

Er ist ! . . .

In neue gegenden entrückt

Schaut mein begeistertes aug' umher ! . . .
erblickt.

Den abglanz höhrer gottheit , ihre welt ,

Und diesen himmel ihr gezelt !

Mein schwacher geist in staub gebeugt ,

Fast ihre wunder nicht und schweigt !

То есть :

„Онъ измѣряетъ небеса ; Онъ укро-
„щаетъ моря ; истина и судъ передъ
„лицемъ Его ; Онъ Богъ , Господь воин-
„ства ; Онъ . . .

„Восхищенный въ sprawy новыя ,
„обращаю вокругъ себя вдохновенное
„око , и вижу міръ , озаренный блескомъ
„Божества , и небо , покрытое скинією
„Предвѣчнаго . . . Мой слабый духъ ,
„во прахъ ничтожества , изумляешся
„и безмолвствую . . .“

По сметри Гердера нашли, что перо его лежало на сихъ послѣднихъ словахъ.

„Онъ хотѣлъ“ пишетъ его вдова : „написатьъ еще нѣсколько спроекъ; но Богу угодно было опоздать его къ Себѣ во время сего поклоненія. . . . “ —

*Нѣчто о вкусѣ въ изящныхъ
искусствахъ.*

Что значатъ всѣ правила, если вкусъ зависитъ отъ воли, и если нѣтъ никакого вѣчнаго, непремѣннаго правила для прекраснаго?

Но если вкусъ зависитъ отъ воли, если нѣтъ правила для прекраснаго, то откуда происходятъ тѣ сладкія движенія, которыя такъ внезапно, такъ невольно, такъ шумно пробуждаются въ душахъ нашихъ, расширяютъ или суживаютъ ихъ, извлекаютъ изъ глазъ слезы радости, горести, удивленія при видѣ великаго физическаго явленія, или при разсказѣ о великой чертѣ добродѣтели?

Истинное, доброе, прекрасное, имѣютъ тѣсную связь. Прибавьте къ одному изъ двухъ первыхъ качествъ нѣчто рѣдкое и блестящее, и тогда истина будетъ прекрасною, и добро плѣнитъ васъ своею красою. Если разрѣшеніе задачи о шрехъ шѣлахъ есть только движеніе шрехъ пунктовъ, означенныхъ на лоскуткѣ бумаги, то это одна умозрительная истина. Но если одно изъ сихъ шѣлъ предсавляетъ

свѣшило, сіяющее къ намъ во время дня; другое звѣзду, свѣпящую на насъ во время ночи; а прешье шаръ, нами обитаемой: то вдругъ истина сдѣлаешся великою и прекрасною.

Одинъ Поэтъ говорилъ о другомъ Поэтѣ: *Онъ пойдетъ не далеко; ему не извѣстна тайна.* Какаяжъ тайна? Представлятъ предметы занимательные, опцевъ, машерей, супруговъ, женщинъ, младенцевъ.

Вижу гору, покрытую древнимъ, темнымъ и дремучимъ лѣсомъ; вижу и слышу съ ревомъ капающійся потокъ, котораго воды разбиваются о крупины сего утеса. Солнце клонится къ западу, и превращаетъ въ діаманты водяныя капли, висяція по угламъ камней. Между тѣмъ воды, преодолевъ въ теченіи своемъ преграды, ихъ удерживающія, падаютъ и спекаются въ обширномъ каналѣ, которой черезъ нѣкошорое распояніе приводитъ ихъ къ машинѣ. Тамъ, подъ огромными пляжеспями, истирается и готовится пропитаніе для человѣка. Вижу вдали машину; вижу вертѣніе колесъ, заплескиваемыхъ бѣлою пѣною воды; вижу сквозь нѣсколько ветелъ врозю сельской хи-

жины, обитаемой владѣльцемъ; обращаюсь къ самому себѣ, и задумываюсь.

Безъ сомнѣнія дремучій лѣсъ, приводящій мнѣ на память древность міра, есть прекрасная вещь; безъ сомнѣнія ушесъ, образъ мужества и твердоспи, есть прекрасная вещь; безъ сомнѣнія сіи водяныя капли, превращенныя солнечными лучами въ ярнія искры и діаманты, суть прекрасныя вещи; безъ сомнѣнія шумъ и паденіе пошова, который, перерывая вѣчное безмолвіе сей пустыни, потрясаетъ душу мою, есть нѣчто прекрасное!

Но вешлы, жижина, пасущееся вблизи спадо, картина общей пользы, не прибавляютъ ли чегонибудь къ моему удовольствію? И какая еще разница между чувствами обыкновеннаго человека и мыслями философа! Последній размышляетъ, и видитъ въ деревѣ, распускаемъ въ лѣсу, мачту предназначенную нѣкогда сражаться съ бурями и вѣтрами; въ нѣдрахъ горы сокровенный металлъ, который нѣкогда воскипитъ въ жарнихъ горнилахъ, и приметъ видъ орудій плодотворящихъ землю, и орудій истребляющихъ ея жителей; въ скалахъ и ущельяхъ

громады камней, изъ которыхъ возникнутъ чертоги для Царей и храмы для Божества; въ быспрошекущихъ водахъ иногда плодородіе, иногда опустошеніе полей, образование рѣкъ, сообщеніе земныхъ народовъ черезъ поргговлю, богатства и сокровища перелетающія изъ края въ край міра; и душа его, быспро движимая, обратицца отъ чувства тихой радости къ чувству ужаса, если воображеніе его возьмешъ волны океана.

Такимъ образомъ удовольствіе возрастаетъ по мѣрѣ воображенія, чувствительности и знаній. Природа и подражающее ей искусство ничего не говорятъ человѣку безсмысленному или холодному, и очень мало человѣку не свѣдущему.

Чиножъ такое вкусъ? Способность, пріобрѣтенная опытами находить испину или добро, съ пѣмъ обстоятельствомъ, которое сообщаетъ красоту тому и другому, и бытъ скоро ими пронупымъ.

Если опыты, опредѣляющіе сужденіе, сохраняются въ памяти, то вкусъ будетъ просвѣщенный; если память ихъ испребицца и ошпанешся

одно впечатлѣніе, то мѣсто вкуса заступитъ шемное чувство красоты.

Микель - Анжелій сводитъ куполъ Св. Петра по самой прекраснѣйшей изъ возможныхъ формъ. Геометръ Лагиръ, изумленный сею формою, пишетъ съ нее чертежъ, и находитъ, что сей чертежъ есть кривая линія, самая совершеннѣйшая для швердости. Что подало Микель - Анжелію мысль избрать сію линію изъ множества другихъ? Ежедневные опыты жизни. Они научаютъ мастера-плотника также вѣрно, какъ и безсмертнаго Эйлера свести уголъ подставки со стѣною, грозящею паденіемъ; они научаютъ его дать крылу мѣльницы самое способнѣшее наклоненіе для кругообращенія; они вводятъ въ его шонкія соображенія шѣ правила, копорыхъ не умѣетъ опредѣлить Академическая Геометрія.

Опытъ и наука — вотъ предваришельныя положенія и для шого, кто шворитъ, и для шого, кто судитъ. Требую потомъ чувствительности. Но какъ ешь люди, копорые оказываютъ справедливость, благошверительность, добродѣшель, по одному расчету поль-

зы, по любви къ порядку, не наслаждаясь чувствомъ изящнаго, по вкусъ можетъ быть безъ чувствительности, также какъ и чувствительность безъ вкуса. Чувствительность, доведенная до крайности, ничего не отличаетъ; все ее проглатываетъ. Одинъ вамъ скажетъ съ холодною: *это прекрасно*; другой будетъ распроганъ, восхищенъ, приведенъ въ упоение. *Sallet, tundet pede terram, ex oculis stillabit amicis rorem.* Языкъ его онемѣетъ, онъ не найдетъ словъ для изображенія душевныхъ чувствъ своихъ.

Счастливейшій изъ двухъ есть конечно послѣдній. Лучшій судія? Это другое дѣло. Люди холодные, спрогиге и покойные наблюдатели природы знаютъ иногда лучше другихъ нѣжныя струны, которыя должно прогигать: они возбуждаютъ энтузіазмъ, не бывъ энтузіазмами.

Разсудокъ исправляетъ иногда быстрый судъ чувствительности. Онъ того-то бываетъ множество произведеній, также скоро забытыхъ, какъ и прославленныхъ; множество твореній или незамѣченныхъ, или пренебреженныхъ, которыя ожидаютъ отъ време-

ни, отъ успѣховъ искусства и ума, отъ спокоинѣйшаго вниманія дани почшенія, ихъ достойнаго.

Отсюда происходитъ неизвѣстность успѣха для пвореній истиннаго гения. Онъ одинъ. Не лзя опредѣлить его достоинства, не опнесясь непосредственно къ напурѣ. А кто умѣетъ восходить до нее? Другой человекъ съ шворческимъ духомъ.

*Дидьротъ,
essai sur la peinture.*

О Петрарковой Философіи.

Provera e nuda vai Filosofia, сказалъ любезный Пѣвецъ Воклюза, и примѣръ его доказалъ истину сего правила. Петрарка Поэтъ былъ увѣнчанъ священнымъ лавромъ; имя его вписано въ храмъ безсмертія; мѣста, имъ воспѣтыя, окружены нѣкотораго рода богошвореніемъ, и сонеты его избѣка въ вѣкъ повторающся. Петрарка Философъ нашелъ въ своихъ соотечественникахъ однихъ враговъ, порицателей и даже презритель; былъ скоро забытъ шѣми, которые за нимъ слѣдовали; почти совсѣмъ не извѣстенъ въ наше время, и, по испеченіи четырехъ столѣтій съ половиною, ожидаетъ еще справедливости и почтенія. Можетъ быть, для нѣкоторыхъ умовъ имя Петрарки и званіе Философа не имѣютъ никакой связи; можетъ быть одинъ шипулъ сего отрывка изумилъ нѣкоторыхъ читателей. Можно ли забыть Поэта? Память его дорога для пользы нашихъ удовольствій. Но Философія, особливо та, которая не окружаетъ себя блестящими гипотезами,

но учить хорошо мыслишь и дѣйствовать, должна ожидать благодарности не очень громкой. *Protega e puda vai Filosofia.* Однакожъ Пешрарка сносилъ гораздо выше Философовъ, нежели литераторовъ своего вѣка; а болѣе имѣлъ способовъ для искусства писать, нежели для возстановленія Философіи. Выгодно для Поэта обрабатывать поле совсѣмъ новое, и быть первопорымъ образомъ первымъ законодательмъ своего языка; безвыгодно для Философа первому прокладывать дорогу, и сражаться на пути съ предразсудками, ошвсюду его окружающимъ.

Наконецъ Исторія должна возвратишь Пешраркѣ мѣсто ему принадлежащее между возстановителями Философіи въ новѣйшія времена. Нашуило время показашъ тѣмъ, которые безпрестанно опровергають разсудокъ воображеніемъ, понятие чувствительностью, что піитическіе таланты могутъ соединяшь въ высочайшей степени съ умозрѣніями философическими. Сей счастливый и знаменитый примѣръ вмѣстѣ съ другими докажетъ, что гармонія умственныхъ способно-

есть истинное основаніе великихъ успѣховъ во всѣхъ родахъ; что то, которые хотѣли паче людей силою изящныхъ искусствъ, не только не должны бояться науки, приводящей ихъ въ совершенство, но могутъ еще сами содѣйствовать ея дальнѣйшимъ успѣхамъ. Намъ казалось, что эпоха, въ которую посвящается въ Воклузѣ монументъ въ честь Петраркѣ и соединяюща для сооруженія сего монумента знаменитѣйшіе любители учености, что сія эпоха, говорю, повелѣваетъ и намъ принести ему дань признательной мудрости, и требовать присоединенія другаго пила ко всѣмъ пиламъ бюста его. Авторъ сего примѣчанія былъ сверхъ того принужденъ нѣкоторымъ образомъ оправдать себя, назвавъ Петрарку Сократомъ XIV вѣка въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Многие спрашивали его не шутя, въ самомъ ли дѣлѣ писалъ Петрарка философскія сочиненія? Сей нѣжный и умный Писатель оставилъ намъ пять главныхъ трактатовъ о нравоучительной Философіи, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ, и по

большей части въ формѣ разговоровъ. Первый имѣетъ титулъ: *О лекарствахъ отъ одной и другой фортуны*; второй: *Объ истинной мудрости*; третий: *Объ уединенной жизни*; четвертый: *О невѣдѣніи самаго себя, и многихъ вещей*; къ нимъ можно присоединить трактатъ *О досугахъ монашеской жизни*; не говоря о многихъ книгахъ писемъ, которыхъ большая часть относится къ тому же предмету, и доказываетъ, до чего Пепрарна былъ основателемъ и непоколебимъ въ своихъ нравоученіяхъ; не говоря о его чешырехъ книгахъ *вещей достопамятныхъ*, которыя могутъ скорѣе называться примѣчаніями къ Исторіи, нежели собственно Исторіей; и наконецъ о нѣсколькихъ Политическихъ разсужденіяхъ о *лучшемъ правленіи въ Республикѣ*, о *должностяхъ полководца*, о *примиреніи Италіи*, о *возстановленіи свободы*. Рѣчи его къ защитникамъ древней Римской Республики и проч. писаны по образцу древнихъ Греческихъ мудрецовъ; политическія истины представлены всегда какъ практическія заключенія высочайшихъ истинъ въ морали.

Оправдаемъ наше сравненіе Пепрарки съ Сократомъ: пошѣ и другой нашли въ Философіи ихъ вѣка почти одинакіе пороки, и предпринимали почти одинакія покушенія къ ея исправленію, съ пою разницею, что Сократъ вспрѣшилъ болѣе препяцствій въ развращенности, произведенной злоупотребленіемъ просвѣщенія, а Пепрарка въ остаткахъ варварства, происпекшаго ошъ невѣжества. Сверхъ того оба сражались съ духомъ ложной учености: Сократъ съ софистами, Пепрарка съ схоластиками. Оба видѣли челоѣческій умъ зараженнымъ суешными преніями Діалектики, заведеннымъ въ лабиринтъ неразрѣшимыхъ задачъ, и науку мудрости обращенную въ пустое и бозполезное умствование. Оба опровергали надменность ложныхъ мудрецовъ острою насмѣшкою, понкія хитрости языка силою здраваго разсудка, обманы софистовъ свидѣтельствомъ совѣсти; оба возвратили челоѣка къ самому себѣ; научили его великой тайнѣ, что онъ ничего не знаетъ; показали ему, что первая изъ наукъ есть та, которая научаетъ насъ нашему опредѣленію и средству бытѣ

добрѣ. Тому и другому принесли равную честь усилія зависти, на нихъ вооруженной. Сократъ перѣль жестокое гоненіе, но произвелъ важную перемѣну; Петрарка имѣлъ немногихъ учениковъ, и ученіе его, ознаменованное печашію мрачной меланхоліи, или разгоряченной тайнспвенности, не такъ было согласно съ истинными потребностями человѣка. Первый проводилъ жизнь свою среди народа и со всѣми общался; другой мыслилъ и спеналъ въ уединеніи.

Представивъ себѣ положеніе, въ которомъ находился человѣческій разумъ въ XIV вѣкѣ, перенесясь въ тѣ обстоятельство, въ которыхъ жилъ Петрарка, можемъ опредѣлить цѣну его остроумія и достоинство его усилій. Его здравый умъ чувствовалъ суешность пріобрѣтенныхъ имъ знаній въ школахъ Докторовъ, споль щеславныхъ ихъ бесполезными толкованіями; чувствовалъ ничтожность науки богатой словами, но бѣдной мыслями, и прибѣгнулъ къ лучшему источнику, — къ природѣ. Послушаемъ, какимъ шрогательнымъ

образомъ онъ извясняетъ намъ цѣль своихъ изслѣдованій, и съ какою любезною опкровенностію вводишь насъ въ тайну своихъ мыслей. — „Тебѣ извѣстно, о Господи! Тебѣ, передъ Которымъ открывю мое сердце, Тебѣ извѣстно, что единственныи предметъ моихъ желаній въ наукѣ, кою рою я однакожъ пользовался умѣренно, былъ шопъ, чшобы сдѣлаться добрѣ, не для того чшобы я надѣялся, не взирая на великія обѣщанія Аристотеля и всѣхъ нашихъ учителей, достигнуть до сей цѣли безъ Твоей святой воли, но для того, что я ожидалъ, руководимый Твоею десницею, найти въ наукахъ путь легчайшій и пріятнѣйшій. Тебѣ извѣстно, о Сердцевѣдецъ! сколько мое намѣреніе было искренно, и что въ самыхъ юношескихъ лѣтахъ, когда я мечталъ о славѣ, не было ни одной минушвы, въ которую бы, еслибъ преобладали опъ меня выбора, я не согласился лучше быть добрымъ, нежели ученымъ.

„Вотъ“ говоритъ онъ еще: „важное доказательство моего невѣжества, по мнѣнію нашихъ Ученыхъ: я не гово-

„риль о добродѣтели въ строгости
 „Аристошелевыхъ опредѣленій; пре-
 „дсупленіе доспойное казни. Могло
 „однакожъ случиться, что не только
 „я не говорилъ, какъ Аристошель, но
 „и сказалъ совсѣмъ другое, не сказавъ
 „однакожъ ничего дурнаго; могло слу-
 „читься, что я сказалъ въ самомъ
 „дѣлѣ совсѣмъ не то, что мнѣ припи-
 „сываютъ сіи люди, гошове все рѣ-
 „шить, но совсѣмъ неспособные
 „разумѣть. Большая часть изъ нихъ
 „хващается за слова, какъ мореплава-
 „тель въ часъ кораблекрушенія за
 „опломки судна; они не понимаютъ,
 „что одно мѣсто можетъ имѣть раз-
 „ныя исполкованія: такъ велика бѣд-
 „ность языка, или лучше сказать,
 „бѣдность ихъ мыслей! . . . Но Ари-
 „стопель дошелъ до насъ обезображен-
 „ной исполкователями. . . . и такъ не
 „скрываю того, въ чемъ не одинъ разъ
 „признавался моимъ друзьямъ, о чемъ
 „принужденъ нынѣ писать, хотя и
 „предвижу, какимъ опасностямъ под-
 „вергнешь меня сіе объявленіе, какіе
 „новые упрёки оно привлечетъ мнѣ
 „отъ моихъ непріятели. Не боюсь
 „суда человѣческаго; они могутъ вни-

„машь мнѣ, всѣ ученики Аристошелевы;
 „знаю, что ихъ презрѣніе ожидаетъ
 „меня и мое слабое швореніе, но книга
 „сама собою оправдается. Такъ, да
 „обращаютъ слухъ ко мнѣ, повшоряю,
 „послѣдователи Аристошелевы; и ког-
 „да Греція не внимаетъ нынѣ гла-
 „су нашему, да обратитъ слухъ ко
 „мнѣ Италія и Франція, и Парижъ,
 „сей театръ схоластическихъ пре-
 „дній. Я читалъ, обдумывалъ всѣ
 „нравственные сочиненія Аристошеля;
 „имѣлъ даже славу челошѣка довольно
 „въ нихъ свѣдущаго, пока не заслу-
 „жилъ нареканія невѣжи; нѣкоторыя
 „почитали меня тогда ученѣе самыхъ
 „шѣхъ, которые на меня возстаютъ.
 „Но Аристошелева наука не обогащала
 „моего сердца, и я сѣшовалъ внушрен-
 „но, что душа моя ошавалась пуста
 „и не приобрѣтала того, что обѣщала
 „ей Философія Лицея. Въ самомъ дѣлѣ
 „признаю, что онъ опредѣлилъ добро-
 „дѣтель совершенно хорошо, опличилъ
 „ея разные виды; что онъ разсуждаетъ
 „съ тонкостію о ея главныхъ свой-
 „ствахъ, и въ семъ отношеніи почерп-
 „нулъ я изъ него нѣкоторыя познанія;
 „но мои расположенія не перемѣнились:

„ибо великая разница знать и любить,
 „хотѣть и разумѣть. Онѣ извѣщаютъ,
 „что такое добродѣтель; но тѣхъ
 „жаркихъ, вдохновенныхъ словъ, ко-
 „порыя воспаляютъ въ душѣ любовь
 „къ добру и ненависть къ пороку, ихъ
 „нѣтъ въ Аристотелѣ; ихъ гораздо
 „болѣе въ Цицеронѣ, въ Сенека и,
 „смѣю сказать, въ самомъ Горациѣ.
 „Вотъ истинные моральные Философы,
 „истинные Училища мудрости, тѣ,
 „которыхъ первая и послѣдняя мысль
 „стремится къ тому, чтобы обратишь
 „человѣка къ добродѣтели; тѣ, ко-
 „порыя не занимаютъ насъ однимъ
 „пустымъ громомъ словъ, но вливаютъ
 „въ душу любовь ко всему доброму,
 „омерзѣніе ко всему порочному.“

Двѣ книги *о лѣкарствахъ отъ той*
и другой фортуны изъ всѣхъ фило-
 софическихъ сочиненій Петрарки бо-
 гатѣе глубокими мыслями и полезными
 размышленіями, хотя и не весьма со-
 вершенны и пріятны въ ихъ формѣ.
 Въ первой Петрарка выводитъ *Раз-*
судокъ, бесѣдующій съ *Радостію*, по-
 томъ съ *Надеждою*. *Радость* пред-
 ставляетъ разныя выгоды, обѣщаемыя
 людямъ Фортуною; и между тѣмъ

какъ она превозноситъ и славитъ ихъ, *Разсудокъ* опровергаетъ всѣ ея блестящія химеры нравоученіями оспроумными и спротивными. *Надежда*, въ свою очередь, представляетъ картину своихъ требованій, и такіе же спротивіе опвѣщаны ея отражаютъ. Во второй книгѣ все перемѣняется: *Разсудокъ* бесѣдуетъ въ началѣ съ *Горестію*, а подѣ концѣ со *Страхомъ*, и прошивъ чувствва бѣдствій человѣческихъ вооружается тѣми же нравоученіями, которыми онъ доказывалъ ничтожность удовольствій, льстящихъ человѣку въ жизни. Кажется, что Петрарка въ сихъ разговорахъ взялъ за основаніе мораль Спокковъ, а за образецъ слога Сенени.

Анекдотъ о паралитикѣ.

(Изъ *Souv. de Félicie par Genlis.*)

Исторія говоритъ, что сынъ Царя Креза, рожденный нѣмымъ (но безъ глухоты), внезапно заговорилъ, увидя непріятельскаго солдата, заносащаго руну на опца его, и что въ усиленіяхъ природы, освободившихъ органы языка, онъ воскликнулъ: *воинъ, не убивай Креза!* . . . Я видѣла въ младенчествѣ нѣчто подобное; и хотя мнѣ было тогда только семь лѣтъ отъ роду, однакожъ сіе происшествіе осталось у меня въ памяти, ибо оно меня поразило.

Графиня Серсей, моя шешка, привезла къ водамъ мужа своего въ параличъ, у котораго опнялась половина корпуса. Онъ былъ у водъ около двухъ мѣсяцовъ, и все въ одномъ положеніи, въ постели, безъ языка, безъ памяти, не владѣя совсѣмъ правою рукою, какъ вдругъ моя шешка получила письмо отъ Г. Шезака, флорскаго Начальника (Французы были тогда въ войнѣ съ Англіей), которъй увѣдомлялъ ее объ опличномъ дѣлѣ молодаго Графа

Серсеѣ, служащаго во флотѣ. Въ минушю сраженія онѣ бросился первой на корабль непріятельской, и не смотря на многія полученныя имѣ раны, сражался съ чудесною храбростію. Корабль былъ взятъ у непріятеля; по окончаніи битвы кошѣли перевязать раны молодаго Графа, ибо кровь текла съ него ручьями: *Я думаю, сказалъ онѣ, что это кровь Англичанѣ, потому что я ничего не чувствовалъ.* Но кровь была его собственная; онѣ получилъ при раны, копорыя, къ счастію, не имѣли слѣдствій. Молодой Графѣ приписывалъ нѣсколько спрокѣ къ машери въ письмѣ Шезака.

Графиня, разсудивъ, что мужѣ ея сохраняешѣ, можешѣ быть, память, рѣшилась прочешѣ ему извѣстіе о славномѣ дѣлѣ сына. Въ комнатѣ сидѣло семь или восемь чловѣкѣ; я была въ числѣ ихѣ. Ошдернули занавѣсѣ; всѣ окружили поспель, а я спала на спулѣ, ушпремивъ глаза на больнаго, копорый, казалось, не примѣчалѣ сего движенія. Но когда пешка моя, споя у него въ головахѣ, произнесла имя сына, сказавъ ему, что

сей любимый сынъ оцличился въ сраженіи, на лицѣ его изобразилось примѣшное душевное движеніе; онъ взглянулъ приспально на жену, которая прочитала ему письмо Шезака вслухъ, тихо и вяшно. Когда она дочитала до конца, двѣ слезы выкашились изъ глазъ епарца; и въ ту же минушу, поднявъ правую руку, неподвижную около трехъ мѣсяцовъ, онъ сложилъ руки, взглянулъ на небо и произнесъ вяшно: *О Боже мой! . . .* Всѣ окружающіе залились слезами; мы думали, что больной выздоровѣлъ; но *сіе чудо-твореніе чувствительнаго сердца* принесло только сему нѣжному родителю послѣднее наслажденіе любви опеческой: послѣдняя искра чувства и разума была для него въ движеніи радостной признательности къ Богу; онъ ожилъ совершенно на минушу, но не сохранилъ памяти и чувства, и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ того.

Я рассказывала сію сцену одному живописцу, и онъ написалъ картину, которая представляешъ ее очень вѣрно.

*Старинная торговка и старинной
портной.*

(Сцена въ Парижѣ.)

Торговка. (садясь и обращаясь
къ портному, ей не-
знакомому)

Не въ этой ли часпи живеть го-
сподинъ ?

Портной.

Въ этой, сударыня ; а вы ?

Торговка.

Ахъ ! за нѣсколько лѣтъ назадъ,
была я очень извѣстна ; у меня была
здѣсь лавка подъ выѣскою : *Серсо
доръ*.

Портной.

А ! помню ; у васъ въ лавкѣ прода-
вались женскія фижмы.

Торговка.

Мы сидѣли шамъ, отъ отца до
сына, безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ ;
но вдругъ новая мода, и . . .

Портной.

И проспише фижмы ! Со мною поч-
но по же случилось. Я былъ женской
портной ; шилъ шнуровки, а жена моя
дѣлала чепцы.

Торговка. (*вздыхая*)

Тогда были счастливые времена! . . .

Портной.

Какая разница сь нынѣшними! . . .

Торговка. (*смотря на гуляющую молодую даму*)

Господи, Боже мой! какая фигура!

Портной.

На этой молодой дамѣ флеровое платье!

Торговка.

Да; и въ Маршѣ мѣсяцѣ! . . .
одинѣ флерѣ на рубашку! . . .

Портной.

Что мудренаго? онѣ также одѣваются въ зимніе мѣсяцы.

Торговка.

Посмотри, какъ она вся связана, и какъ все платье прилипло къ шѣлу!

Портной.

Это то же, какъ бы въ одной рубашкѣ. . . .

Торговка. (*закрываясь
опыхаломъ*)

Фу! фу! какая гадость!

Портной.

Это выпечашиваетъ всѣ формы. . .

Торговка.

Фуй! фуй! . . .

Портной.

Даже и дѣли переняли у большихъ . . . У меня вчера съ шестилѣтняя дочь, играя съ сестрами на дворѣ, нѣсколько приподняла плащье. Что ты это дѣлаешь, крошка? закричалъ я. Папенька! отвѣчала она, я *драпируюсь*.

Торговка.

О! это гораздо лучше, по крайней мѣрѣ искреннѣе и невиннѣе.

Портной.

Вопь до чего мы дожили! наши дочери и молодыя жены оправдываютъ себя тѣмъ, что онѣ хотятъ походить на древнихъ *Гречанокъ*, или на древнія статуи, и что онѣ *драпируются* на подобіе тѣхъ и другихъ; однимъ словомъ, онѣ не хотятъ ничего носить, кромѣ самой тонкой кисеи, безъ всякаго приготовленія.

Торговка.

Да крахмаленые совсѣмъ вышли изъ моды . . . А прежде бывало накрахмаленный флеръ или полошно держится вѣриво, какъ бумага . . . У меня есть

двоюродная сестра, которая крахмалила платье для всѣхъ придворныхъ дамъ: теперь, со всѣмъ мастерствомъ своимъ, она остается безъ пропитанія. . . .

Портной.

Очень вѣрю; нынѣ дамы хопятъ болѣе всего, чтобы ихъ платье было похоже на вымоченное бѣлье. . . .

Торговка.

На вымоченное? . . .

Портной.

Да; для того что оно лучше пристаетъ къ шѣлѣ. И вы увидите, что скоро онѣ не будутъ мыться до шуалета, какъ бывало прежде; но что напрошивъ того, совсѣмъ одѣвшись, онѣ окупаются въ водѣ. . . . И теперь не могутъ ли онѣ головы прежде чески? . . .

Торговка.

Такъ; начавъ съ головы, дойдетъ дѣло и до ногъ. Когда одна рубашка на шѣлѣ, то не велика бѣда окупаться и въ водѣ. . . .

Портной.

Вы можете предвидѣть слѣдствія . . . не будетъ уже прачекъ . . .

Торговка.

Вотъ бѣда! . . . у меня двѣ дочери прачки. . . .

Портной.

У меня сынъ парикмахеръ; судите, что онъ можетъ нынѣ выиграть отъ модной чески à la titus? . . . а зять у меня шоргуешь пудрою. . . .

Торговка.

А уже никто не носитъ пудры.

Портной.

Согласишься, что это не въ порядкѣ вещей. . . .

Торговка.

Но объ чемъ же думаешь Французское Правительство? . . .

Портной.

Не знаю. . . . Но если снуровки и фижмы не войдутъ опять въ моду, то нравы совершенно испорчались. . . .

Торговка.

Это очень ясно.

Портной.

Спартинный костюмъ! спартинный костюмъ! или все погибло.

Торговка.

Бьюсь объ закладъ, что спартинная одежда была выдумана для того,

чтобы усмиришь въспрєнныхъ женщинъ. . . .

Портной.

Нѣтъ сомнѣнiя. Когда молодая дама носила на себѣ два огромные кармана въ пять или шесть фунтовъ, каблукѣ въ чешыре дюйма вышиною, сиуровку на востяхъ, пристойнымъ образомъ стянушую, которая лежала вдругъ ее наподобiе самыхъ крѣпкихъ латъ; когда окружали ее фижмы въ нѣсколь-ко аршинъ, головной уборъ пропяги-вался на два фута вышины; когда плашье было изъ матерiи густой и жесткой, какъ кожа; на груди букетъ цвѣтовъ во всю величину головы, а къ ушамъ привѣшены брилліантовые жирандоли въ ширину моей ладони; когда молодая дама была наряжена такимъ образомъ: тогда она не могла такъ легко прыгать, шакъ въспрєничать, какъ нынѣ.

Торговка.

Посреди эшаго наряда женщина была какъ въ крѣпости . . . самая въспрєная, самая нескромная держала мушину въ превеликомъ распоянiи. . . .

Портной.

Сверхъ того, женщина, выходя изъ предѣловъ скромности, была тогда въ опасности: 1. переломить себѣ ногу, 2. измять накрахмаленное кружево, 3. распроеить огромное зданіе головного убора; а нынче, а нынче . . .

Торговка.

О! шеперь ничто ихъ не удерживаетъ; онѣ могутъ свободно шалишь, какъ имъ хочется. Но какъ опцы, матери и мужья позволяютъ имъ такъ одѣваться? . . .

Портной.

О! какъ скоро снуровки вышли изъ моды, я предвидѣлъ, что это произведетъ революцію. . . .

Торговка.

И я также, какъ скоро начали убавлять фижмы. . . .

Портной.

Увы! худое время, когда нѣтъ ни порпныхъ для снуровокъ, ни шорговокъ съ фижмами, ни прежнихъ парикмахеровъ; гдѣжъ искать добрыхъ гражданъ?

Торговка.

Соберемтесь всѣ, и подадимъ прозьбу Бонапарте. . . .

Портной.

Насъ всѣхъ такъ немного оспалось;
къ тому же мы стары. . . .

Торговка.

Доказательства наши могли бы
быть очень убѣдительны.

Портной.

Къ тому же такъ ясно, что мы
спараемся возстановить прежній по-
рядокъ вещей безъ всякой личной вы-
годы, изъ одной любви къ общему
благу. . . .

Торговка.

Это пронеть всякаго.

Портной.

Хорошо, испытываемъ счастья; и
если намъ не удастся, то правленіе
дурно, и Франція погибла!

Жанлисъ (изъ Mercure de France).

Объ успѣхѣ въ свѣтѣ.

Письмо отъ старой женщины къ молодому человѣку.

Ты хочешь, любезный Эдуардъ, переѣхать жить въ столицу; ты имѣешь намѣреніе войти въ свѣтъ и приобрѣсти великіе успѣхи, и для эшаго ты пребуешь моихъ совѣщовъ. Старая дружба можетъ, въ самомъ дѣлѣ, дать мнѣ нѣкоторое право на твою довѣренность; но не знаю, до чего проспирается моя способность побою руководствоваться на пути къ успѣхамъ. Старинной другъ совѣтъ не похожъ на друзей новыхъ. Для того, чтобы сказать, какими средствами ты можешь нравиться людямъ съ побою незнакомымъ, надлежало бы мнѣ забыть шѣ навыки, которые меня познакомили съ побою; а для меня навыки составляютъ большую часть дружбы. Къ тому же свѣтъ, въ которой ты вступаешь, но изъ котораго я выхожу, не можетъ намъ въ одномъ видѣ представляться. Не лзя намъ, тебѣ и мнѣ, уважать одинакимъ образомъ успѣхи одного рода. Тебѣ двад-

цашь лѣтъ, Эдуардъ, а мнѣ шестьдесятъ; могу ли въ мои лѣта судить о пріятносняхъ твоихъ лѣтъ? могу ли ими прогаться? могу ли знашь, какъ, сорокъ лѣтъ прежде, могъ бы ты мнѣ понравиться? Ты бы нашелъ во мнѣ болѣе способовъ для успѣха; но за то надлежало бы тебѣ пожертвовать нѣкошорыми личными пріятноснями.

Ты нашелъ во мнѣ друга, угождая болѣе моему разсудку, нежели вкусу. Мой разсудокъ судилъ о тебѣ по собственнымъ твоимъ достоинствамъ; мой вкусъ опредѣлилъ бы твою цѣну по тѣмъ однѣмъ качествамъ, которыя бы имѣли нѣкошорую связь съ моими; а для того, чтобы дать чувствовать цѣну послѣднихъ, надлежало бы предать забвенію первыя. Теперь такое разстояніе дѣлаетъ насъ, что моя привязанность не можетъ основываться на побудительныхъ причинахъ самолюбія; я радуюсь твоими достоинствами по мѣрѣ твоихъ успѣховъ, которые они тебѣ обѣщаютъ. Въ двадцать лѣтъ могла бы я ими радоваться только тогда, когда бы имѣла надежду, что ты обратишь свое вниманіе на мои достоинства. Я бы хотѣла быть съ то-

бою для моего удовольствія и судила о тебѣ по моей пользѣ; теперь удовольствіе, приносимое мнѣ твоимъ обществомъ, есть чувство моего сердца, которое полюбило твой характеръ. Такой успѣхъ не есть уже обыкновенный. Безъ великихъ достоинствъ нельзя нравиться тому, кто замѣчаетъ однѣ дѣйствительныя качества; но свѣтъ, все замѣчая, ничего не прощаетъ; онъ весьма разборчивъ; онъ пребудетъ хорошихъ качествъ, но пребудетъ еще болѣе, чтобы человекъ умѣлъ употреблять ихъ; а употребленіе добрыхъ свойствъ, любезный Эдуардъ мой, состоитъ не столько въ умѣннѣ показывать ихъ при случаѣ, сколько въ искусствѣ показывать ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно. Не трудно можешь быть тому, кто добръ, уменъ, великодушенъ, обнаруживать во всѣхъ случаяхъ свое доброе сердце, свое великодушіе, свой разумъ; гораздо труднѣе обнаруживать ихъ только *кстати*. Вотъ что пребудетъ всегдашняго спаранія, и вотъ чего пребудетъ свѣтъ гораздо болѣе, нежели достоинствъ. Легко заслужишь благо-

склонность свѣща, очень трудно сохра-
нить ее; того, что мы снискали иногда
безъ великаго искусства, можемъ скоро
лишиться, если не имѣемъ великаго
шруда и вниманія.

Воинъ послѣ одной славной кампа-
нии бываетъ признанъ великимъ Полко-
водитцемъ; довольно одного хорошаго
сочиненія для Авшора, чтобы навсегда
прославиться: надобно, чтобы свѣт-
скій человѣкъ былъ любезенъ во всѣ
дни жизни своей. Нѣтъ для него зим-
нихъ кварширъ, нѣтъ перемирія, нѣтъ
надежды къ опшупленію: бывъ всег-
да на лицѣ, если перестанетъ сра-
жаться, онъ лишится побѣды и сла-
вы. Кто былъ и пересталъ быть лю-
безнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, тотъ
ничего не былъ; для него безвыгодно
то самое, чѣмъ онъ пользовался: ибо
всѣ смотрятъ еще на него, и никто
его не замѣчаетъ; остается одно имя
безъ славы, и потеря гораздо важнѣе
приобрѣшенія.

Одинъ человѣкъ, опшчась храбро-
стію, вошелъ въ великую моду; всѣ жен-
щины хотѣли его видѣть, и нѣчто сна-

зашь ему. Если онъ стоялъ въ кругу, то всѣ взоры слѣдовали за его движеніями, какъ будто бы онъ еще стоялъ передъ непріятелемъ; какъ скоро одно слово вылетало изъ устъ его, то все умолкало: казалось, что онъ повелѣвалъ войскомъ. Въ одинъ день нѣкто замѣтилъ, что онъ имѣетъ ограниченнѣе умъ; другой повторилъ то же; нѣкоторые прибавили, что онъ очень глупъ, и это мнѣніе утвердилось; если бы онъ былъ во всемъ посредственъ, то можетъ быть посредственность ума его не была бы никѣмъ замѣчена; но, благодаря его славі, всѣ узнали, что онъ глупъ, а забыли, что онъ храбръ. Чтобы напомнить о своей храбрости, надлежало бы ему дать себѣ оплеирѣлить ногу или руку.

Не надобно подвергать основательныя достоинства въпреному мнѣнію свѣта; онѣ выходятъ также изъ моды, какъ и другія, но обновляются не такъ скоро. Можно обратиться на себя вниманіе прекраснымъ экипажемъ; а если прекрасный экипажъ выйдетъ изъ моды, то остаются еще прекрасныя мебели для возстановленія своей славы; не

мудрено такъ же , защищавъ съ жаромъ какое - нибудь мнѣніе , и прославясь симъ жаромъ , возвратишь себѣ нѣкоторый блескъ опроверженіемъ сего самаго мнѣнія , если оно уже клонится къ тому въ свѣтѣ .

Кто основалъ успѣхъ свой на мѣлочныхъ средствахъ , пошѣ найдетъ всегда для поддержанія его мѣлочные способы . Но что остается шому человеку , который , славясь однимъ истиннымъ достоинствомъ , представилъ себя въ такомъ яркомъ свѣтѣ , что въ одинъ мигъ всѣ узнали , опредѣлили и прославили его достоинства такъ , что въ нѣсколько мѣсяцовъ , болѣе или менѣе , люди обдумали и переговорили на его счетъ все , что можно думать и говорить ? Человекъ , о которомъ все переговорили , есть человекъ погибшій въ свѣтѣ .

Ничто такъ не ослабляетъ уваженія , какъ привыкъ и любовь . Иная женщина сохранитъ къ тебѣ все возможное почтеніе , если ты останешься съ нею на ногѣ друга ; но отъ безпрестаннаго чувствованія любви она лишится всей привязанности , когда пере-

останеть любить тебя. Отъ чрезвычайнаго жара и страсти въ изнуренной душѣ ея не останется ни одного живаго къ тебѣ чувства; уваженіе ея ослабѣетъ вмѣстѣ съ нѣжностію, и съ нею равно исчезнетъ. *Многіе люди, говоритъ Ларошъ - Фуко, стыдятся, что они любили, послѣ того когда они уже не любятъ другъ друга.* Я не побожусь, чтобы такая женщина не поставила себѣ нѣкогда за стыдъ, что она тебя замѣшила. Надобно, любезный Эдуардъ, имѣть добродѣтели для себя, достоинства для друзей, любезность для женщины и даже для пріятелей; но доброе имя есть совсѣмъ другое дѣло: благоразумный человекъ не долженъ основывать его на модѣ и на успѣхахъ свѣта, для того что съ переменною модою и успѣховъ исчезнетъ потчасъ и добрая слава, отъ нихъ зависящая.

Ты очень счастливъ, что вступаешь въ свѣтъ съ пріятнымъ лицомъ и съ великимъ достаткомъ; при сихъ выгодахъ нѣтъ тебѣ нужды искать другихъ. Тебѣ извѣстно, Эдуардъ, что я полюбила тебя за твою прекрасную душу, за твою швердость и дѣшель-

ность въ одномъ несчастномъ случаѣ, котораго я была свидѣтельницею. Я живо чувствовала всю свою нѣжность въ злополучнымъ родственникамъ; свои пощечины о нихъ меня пронули. Съ нѣкоторымъ искусствомъ и талантомъ могла бы я сочинить изъ своей исторіи прогашельной романъ, а тебя представить нѣкотораго рода героемъ; но будь покоенъ: я сама не желаю того. Когда мой юный другъ заслужитъ въ свѣтѣ похвалу его пріятностямъ, то я рада буду, если свѣтъ узнаетъ, что любезность, заслужившая ему успѣхъ, есть малѣйшее изъ его достоинствъ. Я очень желаю, чтобы, видя себя веселымъ, любезнымъ, рѣзвымъ, свѣтъ помнилъ тѣ случаи, когда ты былъ добръ, великодушенъ, чувствителенъ. Но что до тебя касается, то берегись напоминать о томъ свѣту.

Общество позволяеть нѣсколько славиться пріятностями; но за то требуетъ великой скромности на счетъ добродѣтелей. Свѣтъ любитъ смотрѣть на нихъ изъ отдаленности, которая возвышаетъ дѣйствіе близкихъ

къ нему предметовъ. Онѣ служатъ тогда для него счастливою принадлежносію, подобно какъ небо и горы, представленныя во глубинѣ картины для украшенія переднихъ группъ. Въ семъ одномъ отношеніи добродѣтели принадлежатъ ему, и въ семъ одномъ отношеніи онѣ умѣетъ судить о нихъ. Если онѣ къ нему очень близки, то онѣ не имѣетъ для нихъ мѣры, увеличиваетъ въ нихъ все до того времени, пока онѣ привыкнетъ, а привыкнувъ, перестаетъ ими заниматься.

Не всегда, говоритъ Ларошъ-Фуко, по храбрости и по скромности бываютъ мужчины храбры, а женщины скромны; не всегда также отъ чувствительности и отъ возвышенія духа шрогающія свѣтскіе люди великими бѣдствіями и восхищаются прекрасными дѣлами; не любовь къ изящности, къ героизму, къ добру, призываетъ ихъ толпами на представленіе хорошей трагедіи, или побуждаетъ къ чтенію хорошаго сочиненія: нѣтъ, но свѣтскимъ людямъ скучно; они рады чѣмъ-нибудь заняты; рады всякой переменѣ, какою бы то ни была; всякому разговору, какому только угодно.

Въ важномъ происшествіи не пошѣ, свѣдѣніе оно случилось, занимаешь ихъ, но одно происшествіе. О немъ пересказываютъ, его украшаютъ, ему наконецъ желаютъ всего, что можетъ сдѣлать его прогашельнѣе. Расскажи те въ кругу чувствительныхъ людей, какъ одинъ человѣкъ спрдалъ душевно и тѣлесно отъ несчастной страсти; вѣрный способъ ихъ удовольствоваться есть сказать, что онъ умеръ отъ горести. Вещь будетъ гораздо жалостнѣе, и случай гораздо достовѣрнѣе. Иные могли бы заспорить; другіе не повѣрили бы тѣлесной болѣзни, или по крайней мѣрѣ ослабили ея подробности. Но человѣкъ умеръ, нѣтъ уже сомнѣнія, что онъ былъ очень боленъ. А для чегожъ хопите вы, чшобы человекъ лежалъ больнымъ и умеръ отъ печали? Для того, чшобы говорить о чемъ-нибудь, когда ужъ все переговорятъ о завтрашѣ Господина А***, о балѣ Госпожи Л***, о праздникѣ Графа Д***; тогда можетъ быть обращаться разговоръ и на поединокъ, бывшій въ городѣ, или на забавныя штуки звѣрей, показываемыхъ на площади. Потомъ дойдешь очередь до

умнаго, достойнаго и любезнаго человека, который съ нѣкотораго времени занимаетъ вниманіе публики; или до новой актрисы, которая блескомъ игры своей плѣняетъ всѣхъ на сценѣ. Человекъ съ достоинствомъ будетъ однакожъ имѣть ту выгоду, что какъ онъ показывается не за деньги, то люди, которые могутъ его видѣть, будутъ охотнѣе говорить о немъ: ибо они могутъ говорить одни, а другіе должны необходимо слушать; но за то не такъ долго продолжится разговоръ, по причинѣ, что большая часть людей скучаетъ скоро пѣми разговорами, въ которыхъ одно малое число можетъ только участвовать. Когда ты захочешь, Эдуардъ, чтобы всѣ занимались тобою съ удовольствіемъ, то старайся, чтобы замѣчали тебя съ такой стороны, о которой всѣ разсуждать могутъ.

Слушать есть то, чѣмъ всего меньше занимаюся въ обществѣ, но чего какъ можно болѣе преобладаютъ надъ другихъ. Онъ чего такой-то осмался доволенъ разговоромъ человека, извѣстнаго его достоинствами? Онъ надѣется, что подалъ ему высокую

идею о себѣ. Эта чувствительная женщина шебѣ нравится для того, что шы надѣешься пронуть ее нѣжностію твоего сердца. Умный человекъ входитъ въ комнату; все радуются; все вокругъ его тѣсняются. Двое или трое подслушиваютъ къ нему съ разговоромъ, для того, чтобы онъ ихъ слушалъ. А что заставляешь его слушать?

„Если бы замѣчали“ пишетъ Лабрюеръ: „все, что говорятъ холоднаго, скучнаго и ничтожнаго въ обыкновенныхъ обществахъ свѣта; но бы люди спыдились говорить или слушать, и осудили бы себя, можетъ быть, на вѣчное молчаніе, что было бы въ обхожденіи еще хуже самыхъ бесполезныхъ рѣчей. И такъ надобно принаровляться ко всемъ умамъ, и шерпѣть, какъ зло необходимое, ложныя вѣсти городскія, пустыя разсужденія о правленіи, или о пользѣ Государей, и повторынія о прекрасныхъ чувствахъ. Пусть Аронсъ говоритъ пословицами, а Мелинда рассказываетъ о себѣ, о своей истерикѣ, головной боли и безсонницѣ.“

Вотъ что учтивость повелѣваетъ слушать съ удовольствіемъ; вотъ о

чемъ позволено разсуждать, сколько угодно, не дѣлая никому неудовольствія. Всякой можешь въ томъ участвовать; для элихъ разговоровъ не надобно имѣть ни ума, ни вниманія; говоряшь, не думая; отвѣчають, не слушая; и необходимость говоришь, ничего не сказавъ, есть главный законъ общества; онъ утверждаетъ въ немъ согласіе и равенство; и кто можетъ думать, что онъ лучше другаго умѣетъ говорить о погодѣ?

Знаешь ли, Эдуардъ, что такое несносный умникъ? Человѣкъ, который не раскрываетъ рта безъ того, чтобы не сказать чего нибудь умнаго и занимательнаго, какъ другіе безъ того, чтобы не сказать чего нибудь пустаго; который безпощадно отводитъ излишности, безпрестанно обращаетъ разговоръ на предметы важные, заставляетъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ говоришь, слушать, разсуждать, обдумывать, и наконецъ доводитъ ихъ до того, что они оставляютъ ему волю говорить одному, и остаются сами недовольны имъ и собою; ибо имъ скучно, что у него гораздо болѣе ума, нежели у нихъ.

Быть продолжительно умнымъ человѣкомъ есть вина, непрощительная въ свѣтѣ. Можно иногда, мимоходомъ, въ минуточку жара и спора, позволить себѣ основательно разсуждать о предметѣ, съ живостию изъясняться, показать весь умъ свой, весь разсудокъ, всю душу; но послѣ перваго движенія надобно все скрыть и заключить въ самомъ себѣ, какъ рѣдкость, которую мы бережно вкладываемъ въ футляръ; показавъ ее одинъ разъ любопытнымъ; для нихъ довольно знать, что вы ее имѣете; они будутъ васъ уважать, но съ условіемъ, чтобы вы не принуждали удивляться ей.

Кажется, что соединеніе, называемое *сѣтлѣмъ*, было выдуманно для того, чтобы показать суещность вещей человѣческихъ и доказать нѣкоторымъ людямъ ничтожность ихъ качествъ, которыми они гордились передъ другими людьми. Человѣкъ съ рѣдкими достоинствами можетъ чувствовать справедливое движеніе гордости въ шпешнѣ своего кабинета, среди своихъ мыслей благородныхъ, полезныхъ и его достойныхъ; на важномъ мѣстѣ, гдѣ онъ со славою вы-

полняетъ должность свою; въ нѣдрахъ своего семейства, которое трудами рукъ его живетъ въ избыткѣ и покоѣ. Пусть онъ войдетъ въ свѣтлѣ для того, чтобы научиться скромности . . . или, лучше сказать, я боюсь, чтобы часто являясь въ свѣтлѣ, и судя по обращенію, мнѣнію и похвалѣ свѣтскихъ людей, онъ не заключилъ наконецъ, что есть другія правила добродѣтели, кромѣ тѣхъ, которыя предписывали ему свѣтскіе разсудка.

Ты знаешь, для чего всѣ взоры обращаются на этого человѣка простой наружности, который спешенно входитъ въ комнату. Это дѣловый человѣкъ; онъ заслужилъ себѣ великую честь, возвращая однимъ сиротамъ залогъ, ввѣренный ему ихъ опцемъ, и о которомъ никто въ свѣтѣ не зналъ, кромѣ его. Каждый съ нимъ говоритъ въ свою очередь, и похвалами приводитъ его въ замѣшательство; но болѣе всего восхищаются однимъ *милымъ* словомъ, которое онъ сказалъ послѣднимъ, возвращая имъ опцовское имѣніе; но чего онъ въ самомъ дѣлѣ никогда не говорилъ, и не могъ говорить; ибо оно было бы очень странно.

Авторъ выдалъ Поэму въ десяти
 Пѣсняхъ; одинъ изъ его почиташелей
 подходитъ къ нему и съ жаромъ го-
 воритъ объ историческихъ примѣча-
 нияхъ, къ ней прибавленныхъ; спра-
 шиваетъ, не могъ ли бы онъ написать
 изъ этого особливаго сочиненія, и за-
 ключаетъ тѣмъ, что распростра-
 нять немного, онѣ составили бы книж-
 ку очень остроумную. Л*** прочелъ
 нѣсколькимъ пріятелямъ сочиненную
 имъ комедію; комедія имѣла нѣко-
 торое достоинство; но есть въ ней
 одно положеніе романическое, невѣроят-
 ное и принужденное; будьте увѣрены,
 что кто нибудь поздравитъ его съ
 тѣмъ самымъ мѣстомъ. Л*** гораз-
 до умнѣе своей комедіи; онъ чув-
 ствуетъ ея пороки, и отводитъ раз-
 говоръ на другой предметъ. Второй
 актъ, говоритъ онъ, можетъ покрыть,
 что есть слабаго въ первомъ; вижу,
 что это нехорошо. Клянусь вамъ
 (потъ повторяетъ), что это самое
 мѣсто мнѣ лучше всего полюбилось;
 и не одинъ, но трое, но десятеро
 найдутъ средство оскорбить его при-
 вѣщаніями еще болѣе, нежели мол-
 чаніемъ.

Состоитъ ли же общество изъ однихъ глупцовъ? Нѣтъ, но изъ людей, которые шрудятся сдѣлать себя глупцами, испощая все вниманіе на вѣтренныя дѣла, играя въ легкомыслии предметами достойными размышленія. Долго и съ важностію разсуждаютъ о томъ, какъ Госпожа * * * убрала свой домъ; приводятъ примѣры въ доказательство ея мнѣнія и случаи въ одобреніе ея вкуса; сравниваютъ мебели Л * * * съ мебелью Госпожи * * *; ссылаются на С * * *, ревностнаго послѣдователя моды, и на Ж * * *, имѣющую вѣрный вкусъ. Судятъ, какой цвѣтъ лучше идетъ къ пальмѣ, и виднѣе на бронзѣ; но если зашла рѣчь о карпинѣ, о книгѣ, о піесѣ, то все рѣшилось однимъ словомъ. Дѣло идетъ о вкусѣ, о чувствѣ, о тѣхъ вещахъ, которыхъ не надобно разсматривать и о которыхъ всякой судить можетъ.

Ты не авторъ, любезный Эдуардъ; умъ твой не будетъ собственностью публики, и жизнь твоя вѣроятнымъ образомъ не подвергнется ея суду. Твое мѣсто въ обществѣ опредѣлится скорѣе по его вкусу, нежели по его похвалѣ. Ты желаешь не сла-

выпься, но занимать; желаешь, чтобы сказанная тебе ласка зависла не сколько отъ понятия о пивомъ достоинствѣ, сколько отъ удовольствія, приносимаго пивомъ разговоромъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто не ошибается въ этомъ случаѣ; и если немногіе люди знаютъ, чего они хотятъ, то всякой знаетъ, что ему нравится. Но развѣ ты думаешь, что въ свѣтѣ всегда занимаются шѣмъ, что пріятнѣе; дѣлаютъ то, что веселѣе, и любятъ то, что всего милѣе? Нѣтъ ни одного изъ людей, посвятившихъ себя успѣхамъ, имени и жизни свѣтскаго человѣка, который бы не былъ готовъ переменить личные и особенныя чувства свои по волѣ верховнаго суди, имъ избраннаго. Н*** былъ въ нынѣшнее утро умнымъ, здравомыслящимъ и оновательнымъ человѣкомъ; сего дня въ вечеру онъ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Н*** оспавляетъ умный разговоръ, для него пріятный, въ которомъ онъ можетъ много участвовать, чтобы идти слушать Господина М***, окруженнаго толпою людей, и разсуждающаго о картахъ и

собакахъ. Н*** не любитъ ни игры, ня охоты, и ничего не разумѣетъ ни въ томъ, ни въ другомъ, хотя и мѣшается въ разговоръ. Посмотри, какъ онъ горячится; ему кажется, что онъ занятъ очень приятно. Вчерась онъ смѣялся съ тобою одному спранныму мнѣнію, принятому въ обществѣ; сего дня ему стыдно пристасть къ этому мнѣнію; но онъ слышалъ, что его защищали Ж***, который задалъ тонъ молодымъ людямъ и который привезъ изъ чужихъ краевъ новый покрой фраговъ; Господинъ Д***, у котораго сбѣзжается лучшее общество въ городѣ, и Госпожа П***, такая красавица, что мода, прославивъ ея красоту, заставила забыть, до чего она глупа. Онъ еще колеблется; завтрашній день онъ повѣритъ. Не болѣе двухъ дней даю ему на то, чтобы убѣдиться внутренно, что и всегда онъ такъ думалъ, какъ думаютъ въ хорошей компаніи. Но задайте ему вопросъ о морали, о вкусѣ; пребудьте его совѣта въ дѣлѣ важномъ: вы найдете въ немъ прежняго человѣка; выведенный изъ круга моды, онъ возвратился къ разсудку,

судить о вещах по их собственной цѣнѣ, а не по тому, что могутъ заключить о его мнѣнїи, и сѣмался независимъ. Правила Н * * * побѣдили спраши; если онѣ воспоржествуютъ надъ модою, то ручаюсь, что ничто ихъ поколебать не можетъ.

Благосклонность свѣтскихъ людей переживала иногда паденіе сильнаго чловѣка, и придворные посѣщали започеннаго вельможу. Отъ чего? Такова была мода. Мода побѣждала иногда общее мнѣніе; люди презрѣнные свѣтомъ были въ модѣ для свѣта. Очень возможно, чтобы люди, всѣми любимые, не были въ свѣтѣ любимы. Ты добръ, Эдуардъ, снисходителенъ; я увѣрена, что тебя полюбятъ: не ручаюсь, чтобы занялись побою. Молодые люди скажутъ единогласно, что ты добрый малой. Женщины превознесутъ твою снисходительность, и тебя обласкаютъ; на тебя обратишь ихъ выборъ, когда надобно имѣть имъ руку и проводника, и довѣренность ихъ къ тебѣ будетъ безпредѣльна. Но онѣ будутъ блестящъ любезностію передъ Р * * * ; молодые

люди будутъ его спавить въ примѣрѣ и брать за образецъ. Однакожъ Р * * * не такъ богатъ, какъ ты; онъ играетъ не въ такую большую игру, ѣздитъ въ одной коляскѣ и не имѣетъ ложи въ спектаклѣ; но свѣпѣ знаешь, что когда бы у него было все то, что ты имѣешь, тогда ни что бы не могло сравняться съ его блескомъ: ибо ни что бы не могло превзойти его гордости.

Но что ты дѣлалъ, Эдуардъ? Бьюсь объ закладъ, что на балѣ танцовалъ ты во всю ночь, не показывая и вида усталости; или игралъ въ карты съ безпечностію молодаго человека, ими занятаго; что ты съ жаромъ извѣсняяся о лицѣ миловидной женщины, и не скрылъ желанія оказать ей легкую услугу; что въ спектаклѣ хлопалъ ты съ восторгомъ, а въ обществѣ слушалъ съ примѣчаніемъ. Кто же будешь, Эдуардъ, благодарить себя и думать, что ты занимался шѣмъ не для своего удовольствія? Не хотѣла бы я однакожъ, чтобы ты показывалъ видъ снисходительности. Сохрани Богъ, если за-

ключашь, что желаніе нравиться можешь тебя довести до всего, что угодно! Но иѣшъ ли способа обращаться съ иѣкоторою холодностію, кошорая бы увѣрила, что ты ко всему готовъ и ко всему равнодушенъ; кошорая, показывая, что ты нечувствительенъ къ успѣху, доказала бы, что дѣйствіе его для тебя не ново; кошорая бы возбудила желаніе тебѣ угождать, при неизвѣстности бышь тебѣ угоднымъ, и заставила бы искать твоего знакомства для того, что никто бы не надѣялся привлечь тебя овоимъ знакомствомъ? Ты опивчаешь, что ты еще молодъ, и что желаешь имѣшь успѣхъ безъ чванства, заслужишь его любезностію, и наслаждаешь имъ съ искренностію твоего характера. Тебѣбъ пріятно было, чтобъ дѣвушки на балѣ желали бышь предпочтены тобою тогда, какъ матери желалибъ тебя въ супруги дочерямъ своимъ; чтобы ты былъ предметомъ отличія молодыхъ женщинъ и благосклонности старыхъ, и чтобы въ по время, какъ молодые люди бралибъ тебя за образецъ, пожилые люди ставилибъ тебя въ примѣръ

молодымъ людямъ. Тогда, Эдуардъ, подожди еще нѣсколько лѣтъ до того времени, когда спросиши, упихнувъ въ сердце, позволяишь тебѣ спокойнѣе наслаждаться, и доважуйшь твою понукую разборчивость въ удовольствіяхъ; когда люди будутъ стараться угождать своему нѣжному вкусу, а не гордости; когда, наконецъ, можно будешь не всегда надѣяться на твое согласіе, примѣчая въ немъ дѣйствіе снисхожденія, и въ то же время почипашь его лестнымъ, находя въ немъ дѣйствіе твоего вкуса. Пусть думаютъ, что твое снисхожденіе происходитъ изъ благосклонности, любезной для всякаго; но пусть чувствуютъ, что достоинство твое не позволяешь употреблять его во зло. Тогда тебѣ позволишь бытъ человекомъ совершенно любезнымъ; ибо тебѣ можно будешь обнаружить всѣ свойства души твоей, не возбуждая искушенія ими пользоваться, и всѣ пріятности ума твоего, не оскорбляя самолюбія другихъ. Тогда ты будешь имѣть уснѣхъ, и можешь бытъ достойнъ уснѣховъ. До того времени, Эдуардъ, повѣрь мнѣ, будь счастливъ, веселись,

и довольно. Двадцать лѣтъ есть время забавы, а не успѣха. Свѣтъ тебѣ такъ нравится, что ты не можешь беречь себя; ты занимаешься имъ съ такимъ удовольствіемъ, что онъ не можетъ имѣть къ тебѣ уваженія. Но утѣшься; ты молодъ, добръ, уменъ: довольно для того, чтобы въ ожиданіи быть по крайней мѣрѣ моднымъ человѣкомъ.

(Изъ Archives littér.)

О К р а с н о р ѣ ч и и.

Нѣтъ для меня, ничего прекраснѣе того искусства, которое привлекаетъ вниманіе людей, плѣняетъ умы, убѣждаетъ, проглатъ! Вездѣ, гдѣ народъ наслаждался свободою, а особливо миромъ, было Краснорѣчіе первымъ достоинствомъ и первымъ нулемъ къ уваженію. Что, въ самомъ дѣлѣ, достоинѣе того человека, который, въ безчисленномъ соединеніи людей, одинъ блещитъ даромъ слова? Что можетъ быть для разсудка и слуха пріятнѣе рѣчи, умно соображенной, краснорѣчиво сказанной? Какой силы, какого вліянія не имѣетъ Краснорѣчіе, когда передъ нимъ смягается волненіе народа, совѣсь судей, важность Сенапа? Какая великая, благородная, истинно-Царская должность подкрѣплять притѣсненнаго, защищать невиннаго, покровительствовать слабому, сохранять жизнь однимъ, спасать отъ започенія другихъ! Какая другая польза можетъ сравниться съ пользою владѣть оружіемъ, страшнымъ для злодѣевъ, и которое укрываетъ насъ отъ обиды, или мститъ за насъ обидчику?

Но — оставивъ на часъ дѣла и
 тяжбы, суды и совѣпы — какое удоволь-
 ствіе, достойное человѣка, умъшь въ
 часы досуга заняшья пріятнымъ и
 благороднымъ разговоромъ! Даръ сло-
 ва и способность сообщать черезъ не-
 го наши мысли, есть главное преимущ-
 ество наше передъ звѣрями. Но имѣть
 превосходство надъ другими себѣ по-
 добными людьми въ томъ, что состав-
 ляетъ превосходство человѣка надъ
 безсловесными животными, не есть ли
 нѣчто чудесное, достойное всѣхъ уси-
 лій и трудовъ, предпринимаемыхъ для
 успѣха?

Наконецъ, вотъ прекраснѣйшая чер-
 та къ славѣ Краснорѣчія: какая
 другая сила могла убѣдиль людей, нѣ-
 когда дикихъ и разсѣянныхъ, соеди-
 ниться и жить подъ гражданскими за-
 конами? Было время, что, подобно
 звѣрямъ, они скитались по лѣсамъ и
 питались добычею. Тѣлесная сила все
 рѣшила; разумъ безмолвствовалъ.
 Не было ни вѣры, ни должности, ни
 законовъ въ супружествѣ: отецъ не
 зналъ дѣтей; никто не чувствовалъ
 пользы правосудія. Среди невѣжества
 и заблужденія свирѣпствовали однѣ

спрасти, которымъ чувства, ихъ опасныя спутницы, подавали способы пресыщаться. Человѣкъ, съ умомъ превосходнымъ, увидѣвъ, что, просвѣтивъ человѣка и приведя въ дѣйствіе душевныя способности, можно сдѣлать его великимъ. Для исполненія сего намѣренія онъ убѣдилъ людей, на поляхъ живущихъ, вѣтвями деревъ укрытыхъ, соединиться въ одномъ мѣстѣ; а самъ, стараясь предспаивать имъ пользу добра и честности, не скоро могъ онъ преклонить ихъ къ испи-намъ, для нихъ новымъ; но, привлекая вниманіе болѣе и болѣе, вселилъ въ нихъ наконецъ любовь къ порядку, и людей дикихъ, свирѣпыхъ, обратилъ въ гражданъ крошкихъ и человѣколюбивыхъ.

Перемѣна столь быстрая и важная была, конечно, дѣломъ не одного Краснорѣчія, но и мудрости. Когда основались города, кто могъ бы, еслибъ Краснорѣчье не подкрѣпило совѣтовъ мудрости, утвердить миръ и правосудіе, привесть людей въ повиновеніе, и заставить ихъ не только не щадить самихъ себя, но и жертвовать жизнію для блага общаго? Одинъ гласъ Красно-

рѣчія могъ убѣдиль сильныхъ смириться передъ слабыми, принявъ судей въ посредники и добровольно лишиться права быть самимъ судіями во всѣхъ дѣлахъ, права столь древняго, что оно почиталось закономъ природы.

Говорящъ, что есть разные роды Орашоровъ, также какъ и Поэтовъ. Нѣшъ. Поэзія раздѣляется, правда, на Трагическій, Комическій, Лирическій, Эпическій родъ. Въ Трагедіи дурно все комическое, въ Комедіи не годится ничто прагическое; такъ и во всѣхъ другихъ родахъ Поэзіи: каждый имѣетъ свой опредѣленный тонъ, и знамоки не ошибаются. Но въ искусствѣ Орашоровъ, если скажемъ, что иные имѣютъ благородство, силу, богатство; что другіе ограничиваются простотою, точностію, вѣрностію; что наконецъ нѣкоторыя занимаютъ среднее мѣсто между сими характеристиками, то различіе находится не въ самомъ искусствѣ, но въ искусствѣ Орашоровъ. Здѣсь о талантахъ идетъ дѣло: надобно знать, въ чемъ состоятъ Краснорѣчіе.

Совершенный Орашоръ тотъ, кто умѣетъ прогашъ, нравиться и учиться.

Учить есть должность; нравиться не есть условіе; проганы повелѣвается необходимо. Одни выполняють условія лучше, другіе хуже; вижу неравенство талантовъ, но родъ одинъ. И пакъ достоинство Орашора опредѣляется по исполненію сихъ условій, болѣе или менѣе совершенному. Всѣ имѣють равно названіе Орашоровъ, какъ послѣдній изъ живописцевъ именуется живописцемъ. Не искусство, но дарованіе полагаетъ между ними различіе. Нѣтъ Орашора, который бы не хотѣлъ уподобляться Демосену; Менандръ не хотѣлъ равняться съ Гомеромъ: онъ писалъ въ другомъ родѣ. Иное дѣло въ Орашорствѣ. Если одинъ, подъ тѣмъ видомъ, чпобы показать силу, не соблюдаетъ точности; если другой, избѣгая распянушаго слога, оставляетъ украшенія: то хотя каждый изъ нихъ можетъ быть сноснымъ, ни одинъ не назовется совершеннымъ; ибо совершенство есть соединеніе всѣхъ хорошихъ качествъ.

Всякой разъ, когда привожу себѣ на память все, что было мужей великихъ и умовъ превосходныхъ, спра-

шиваю себя: отъ чего они болѣе отличались въ другихъ искусствахъ, нежели въ Краснорѣчїи? Во всѣхъ другихъ родахъ, пребующихъ дарованїя оптѣннаго, вы найдете, что многіе имѣли въ нихъ великій успѣхъ. Кто, на примѣръ, не поставитъ Полководца выше Орашора, если опредѣлитъ достоинство по знаменїюспии дѣлъ и услугъ? А Римъ, одинъ Римъ произвелъ множество славныхъ воиновъ, тогда какъ намъ извѣстно очень малое число хорошихъ випїи. Государственныхъ достойныхъ Мужей было также довольно въ наше время; ихъ было еще болѣе во времена нашихъ предковъ и отцевъ: но первый извѣстнѣйшїй Орашоръ родился гораздо позднѣе, и каждое сполѣнїе едва приносило одного посредственнаго Орашора.

Вы скажете, что достоинства Орашора и Полководца не имѣютъ ничего общаго, и что гораздо лучше говорить объ однѣхъ изящныхъ искусствахъ. И такъ ограничимъ наши разсужденїя одною словесносїею, и посмотримъ въ другихъ часїяхъ сего рода, сколько представляется имѣнїи великихъ. Ни что не докажетъ лучше,

что всѣ времена были бѣдны Орашорами.

Извѣстно, что первая наука, источникъ и мать всѣхъ другихъ, есть Философія; но едва перечтемъ Философовъ, которые славились пространствомъ, разнообразіемъ и основательностію ихъ познаній, и которые, не ограничиваясь однимъ опредѣленнымъ предметомъ, все обняли и обо всемъ разсуждали. Хотя Математика, составленная изъ отвлеченныхъ понятій, пребудетъ великаго соображенія, число хорошихъ Математиковъ было такъ велико, что тотъ одинъ, можно сказать, не имѣлъ успѣха, кто не хотѣлъ заниматься сею наукою. Кто посвящалъ себя музыкѣ, или шруднымъ изслѣдованіямъ Филолога, и не достигъ до цѣли, хотя пребудетъ для того всей обширной учености!

Могу сказать, что между изящными искусствами Поэзія имѣетъ всѣхъ болѣе недостатковъ въ превосходныхъ твореніяхъ; однакожь, разсмапривая все, что Римъ и Греція произвели въ семъ родѣ важномъ и шрудномъ, увидимъ, что число хорошихъ Поэтовъ

превосходитъ число хорошихъ Орашоровъ.

Но, въ большему изумленію нашему, находимъ еще, что въ другихъ наукахъ надобно углубиться, изслѣдовавъ, тогда какъ для Орашора надобно выводитъ заключенія и употреблять выраженія всѣмъ извѣстныя, такъ что достоинство другихъ наукъ выше понятія невѣждъ и умовъ обыкновенныхъ, а въ Краснорѣчіи напротивъ того говоришь языкомъ необыкновеннымъ и не для всѣхъ понятнымъ есть пороки и недостатки.

Не лзя впрочемъ сказать, что любовь къ сему искусству еще не распространилась; что Краснорѣчіе не такъ заманчиво, какъ другія искусства, и что оно обѣщаетъ награды не столь лестныя. Ибо, не говоря о Греціи, гдѣ славились даромъ Краснорѣчія, ни объ Аѳинахъ, бывшихъ колыбелью всѣхъ изящныхъ искусствъ, а особливо искусства говоришь, обязаннаго имъ своимъ происхожденіемъ и совершенствомъ, никогда наши Римляне, съ того времени, какъ они сдѣлались повелителями міра, не занимались другими науками столь ревностно, какъ наукою Красно-

рѣчія. Пользуясь благодѣніемъ мирнаго времени, молодые люди наши, пылающіе любовью къ славѣ, обратили на сей предметъ ихъ труды и усилія. Не было сперва ни методы, ни образцевъ, ни правилъ; каждый слѣдовалъ своему собственному вдохновенію: но потомъ, когда они узнали вкусъ Грековъ, услышали ихъ Оракторовъ и начали учиться, тогда любовь къ Краснорѣчію обратилась въ совершенную спраснь. Множество важныхъ дѣлъ во всѣхъ родахъ подавало случай говорить, такъ что къ ученію кабинетному присоединялся практической навыкъ, лучшей изъ учителей. Тогда, какъ и нынѣ, Краснорѣчіе вело къ почестямъ, богатству и славѣ. Прибавимъ (ибо есть тому доказательство), что между Римлянами было всегда болѣе умныхъ людей, нежели въ другихъ странахъ свѣща.

Можно ли послѣ того не удивляться, что во всей древности и во всѣхъ мѣстахъ рѣдко являлись истинные Ораторы? Безъ сомнѣнія, искусство ихъ требуетъ болѣе соединенныхъ дарований, нежели мы воображаемъ; ибо изъ того, что есть много великихъ умовъ, занявшихъ сею наукою, много иску-

енныхъ учителей Краснорѣчія и мало успѣха, не лзя заключить, что искусство чрезвычайно шрудно.

Для успѣха въ Краснорѣчїи требуются великія познанія; иначе оно будетъ однимъ приливомъ пусыхъ и недстойныхъ вниманія словъ. Надобно, чтобы слогъ блестѣлъ выборомъ и расположеніемъ словъ. А какъ самый главный предметъ Краснорѣчія есть пошъ, чтобы Орапоръ умѣлъ иногда возбуждать, иногда смягчать страсти, то онъ долженъ хорошо знать тайну сердца человѣческаго.

Съ Французскаго.

*Примѣчанія о нѣкоторыхъ словахъ и
буквахъ, способныхъ къ подражатель-
ной гармоніи.*

Слоги и липеры, которыя состав-
ляютъ слово, дѣлаютъ его болѣе или
менѣе выразишельнымъ. Если про-
изношеніе его не имѣетъ чувствительна-
го отношенія къ вещи, имъ выра-
жаемой, то, какъ бы оно ни было
пріятно для слуха, нѣтъ въ немъ
ничего значительнаго, ничего живопис-
наго; оно будетъ красиво, но не бу-
детъ выразишельно.

Каждый родъ звука имѣетъ свою
собственную букву, которая одна мо-
жетъ изображать его. Р, на примѣръ,
изображаетъ то, что гремитъ или
реветъ; С, что свиспитъ; Ж, что
журчитъ или жужжитъ, и проч. Сіи
разныя буквы по совокупленію ихъ съ
гласными перемѣняютъ тонъ и разно-
образятъ дѣйствіе, какъ особливо Р
въ словахъ *разить, ударять, развер-
зать* и проч., въ сихъ словахъ равно
выразишельныхъ, но различнымъ обра-
зомъ, смотря по количеству буквъ Р.
Надобно ли подкрѣпить звукъ удара, —

тогда сіи литеры швердятся нѣсколь-
ко разв. Ослабитъ ли его — онѣ смяг-
чающся. Повторишь ли его — онѣ по-
впоряющся.

Таково свойство буквы Р, что
нѣшѣ слова, котораго бы она не дѣ-
лала выразительнымъ, когда поставле-
на у мѣста. Мы приведемъ тому при-
мѣры. Одинъ изъ первыхъ Француз-
скихъ Поэтовъ, чувствуя опредѣленіе
буквы Р, воспользовался ею очень иску-
сно для изображенія своего предмета:

A travers les Rochers, la peur les precipite,
L'essieu crie et se rompt; l'intrepide Hypo-
lyte,
Voit voler en éclat tout son char fra-
casé.

Racine.

Въ сихъ стихахъ, гдѣ идетъ рѣчь
о Тезеевомъ сынѣ, о семъ несчастномъ
героѣ, разбитомъ въ колесницѣ испу-
ганными конями, безпрестанное по-
впореніе Р изображаетъ съ великою
точностію громъ катящейся колесни-
цы, скрытъ оси и прескъ паденія, ко-
гда вся колесница разсыпалась въ дре-
безги. Ломоносовъ умѣлъ восполь-
зоваться литерою Р, и даже литерою

Т, для одной изъ живописнѣйшихъ картинъ своихъ:

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
 Чтѣ море въ ярости своей
 Съ предѣлами небесъ сражалось,
 - - - - -
 Чтѣ вихри въ вихри ударялись,
 И тучи съ тучами спирались
 И усстремлялся громъ на громъ;
 И чтѣ надушы водѣ громады
 Текли покрышь пространны грады,
 Сравнять хребты горъ съ влажнымъ
 дномъ.

Кто можетъ еще прочесть, на примѣръ, слѣдующій стихъ *Виргилія*, и не быть пораженнымъ сходствомъ звука К съ кваканьемъ лягушекъ?

Et veterem in limo Ranae cecinere
 querelam (*). *Georg. I. 1, v. 338*

Стихъ, котораго счастливый механизмъ изображаетъ безъ сомнѣнiя одну изъ совершеннѣйшихъ живописей. Сей рядъ г. г. г. г., которые въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ за другомъ слѣдуютъ, не производятъ ли дѣйствiя,

(*) Произноси: кекинере соуерелам.

подобнаго голосу нѣсколькихъ лягушекъ, испорыя квакають на днѣ водъ, и какъ будто бы перекликаются? Особенно послѣднія слова сего стиха, произнесенныя, какъ перебуеть языкъ Лапинской, дописывають живописную картину, и не оставляють ничего желать для услажденія слуха.

Овидій выражаетъ другимъ образомъ, но съ такимъ же счастливымъ успѣхомъ, кваканье лягушекъ:

*Quamvis sint sub aqua, sub aqua maledicere
tentant. Méram. I. 6, v. 576.*

Сии два стиха, вмѣстѣ сравненныя, доказываютъ, что искусство въ рукахъ великихъ мастеровъ имѣетъ не одно средство для достиженія своего предмета.

Делиль, Поэтъ съ нѣжнымъ ухомъ и тонкимъ вкусомъ, не умѣлъ однакожъ замѣтить выразительную гармонию Виргиліева стиха, нами приведеннаго; ибо онъ не спарался не только перевести, но даже и удержатъ главныхъ дѣйствій сего стиха, какъ можно видѣть по сравненію образца съ копіей:

Et veterem in limo ranae cecinere querelam.
La grenouille se plaint au fond de ses roseaux.

Можешъ быть иной подумаешъ , что звукъ Р можешъ только изображать сильные и громкіе звуки , и что онъ не имѣешъ самъ по себѣ ничего пріятнаго для слуха. Такое мнѣніе было бы совершенно ложное. Одинъ звукъ Р имѣешъ преимущество повсюду , на примѣрѣ , милое *воркованье* голубя подъ его кровлею , пріятное журчанье *ручейковъ* въ долинахъ , жалобныя пѣсни *горлицы* въ лѣсахъ и громкіе *перекаты* соловьиного голоса. Но какъ пѣніе сей послѣдней птицы образуетъ припомъ и нѣкоторый свистъ , то буква С , внесенная въ имя соловья , прибавляетъ къ его выразительному произношенію. Буква Л , вставленная въ средину , выражаетъ также очень удачно извѣстное щелканье соловья. Одна липера Р имѣешъ всю честь въ имени *горлицы* : не лзя не признашь , что оно весьма естественное и выразительно ; что оно имѣешъ много гармоніи , пріятности , однимъ словомъ , всѣ тѣ выгоды , копоры возвышаютъ достоинство слова и

дѣлаютъ его способнымъ для языка
Поэзіи.

Nec gemere aeriâ cessabit turtur ab ulmo ()*.
Virg. Ecl. 1.

Глаголы *скрестъ*, *рыть*, *разгребать*, также весьма выразительны въ своемъ родѣ. Языкъ, который, при ихъ произношеніи, скребетъ по небу во рту, производитъ для слуха дѣйствіе или выраженіе. Есть много подобныхъ словъ совершенно живописныхъ; довольно именовать одно слово *громъ*. Не изображаетъ ли оно съ великимъ совершенствомъ громкіе удары, которые раздаются въ облакахъ, попрясаютъ, кажутся, землю и издали звучнымъ эхомъ повторяются? И такъ вопль *громъ*, сей разительный феноменъ, описанный въ одномъ словѣ. Другой счастливѣйшій примѣръ представляется намъ въ словѣ *барабанъ*. Сравните имя и бой сего инструмента: вы увидите, что это одно; первое есть только повтореніе послѣдняго.

Т, изображая молотокъ своею формою и подражая удару своимъ дѣй-

(*) Выговаривай *tourtour*.

ствіемъ, долженствовало входить въ имя сего орудія; оно могло одно принести ему жесткости звука, которая преобладала для почности выраженія. По сей самой причинѣ Французское слово *marteau*, и Руское *молотъ*, имѣютъ преимущество передъ Латинскимъ *malleus*, котораго мягкій звукъ совсѣмъ не приспособенъ для сего жесткаго орудія. Къ тому же Т, въ семъ словѣ написанное заглавными буквами, удовлетворяетъ двумъ чувствамъ въ одно время, то есть зрѣнію и слуху. Для глазъ представляется въ немъ самый образъ *молотка*, тогда какъ ударъ слышенъ для слуха. Правда, что дѣйствіе было бы гораздо чувствительнѣе, если бы Т стояло въ началѣ сего слова; опъ того Т въ глаголахъ *Топать*, *Трепать*, *Теребить*, придаетъ имъ великую силу. При звукѣ каждаго изъ сихъ выразительныхъ словъ вы слышите, кажется, какъ ударъ или шумъ раздается. Такъ еще имѣетъ великую силу Французской глаголъ *retentir*, съ которымъ не можетъ равняться Латинской *Resonare*. Во Французскомъ два Т, по порядку ихъ положенія, изображаютъ не только ударъ, озна-

ченный смыслъ слова, но нѣкоп-
рымъ образомъ и самое эхо, его по-
вторяющее. И такъ онъ представляеть
два образа, которые, черезъ ихъ соеди-
неніе, прибавляють другъ другу укра-
шенія.

Можно замѣнять сіе прекрасное
дѣйствіе буквы Т и другихъ буквъ во-
обще однимъ расположеніемъ словъ,
которыя, не имѣя ничего значитель-
наго сами по себѣ, подають другъ дру-
гу взаимную помощь; и въ семъ-то
искусствѣ блеснулъ дарованіе писате-
ля. Нѣтъ ничего, кажется, на дру-
гихъ языкахъ, что бы можно было сра-
внить съ тѣмъ прекраснымъ стихомъ,
гдѣ *Виргилій*, описывая паденіе града
на кровлю, совершенно подражаетъ
спуку, съ которымъ онъ сыплется и
стучитъ.

*Tan̄ Mul̄Ta in Tec̄Tis crepiTans saliT̄ hor̄ la
grando. Georg. 1. v. 449.*

Почти всѣ слова въ стихѣ заклю-
чаютъ въ себѣ Т, изъ которыхъ каж-
дое ударяетъ, кажется, въ свою оче-
редь; но не столько ихъ число, сколь-
ко ихъ расположеніе оживляетъ сей

образъ. Все ихъ дѣйствіе происходитъ отъ быстроты, съ которою одно Т слѣдуетъ за другимъ въ сихъ слогахъ, T'in TecTis, и отъ выбора гласныхъ, на которыя онѣ падаютъ. Вотъ что выражаетъ такъ счастливо глухой звукъ и скорой прескъ града. Въ переводѣ сего стиха не довольно выразишь мысль весьма обыкновенную; надобно еще перенести чувствительную гармонію, которая составляетъ все его достоинство. Сія черта живописной кисти, которою одни великіе Поэты владѣють умѣютъ, затрудняетъ всего болѣе въ переводѣ. Самъ Делиль опчаялся, казалось, выразишь гармонію сего счастливаго стиха, ибо не видно въ его переводѣ даже намѣренія подражать оному:

Tam MulTa in TecTis crepiTans saliT horrida
grando.

La grêle affreuse tombe, et l'ecrase à grand bruit.

Такова пріятность буквы З, что она приноситъ языку неизбѣжимую прелесть. Она въ отношеніи къ слову по же, что *Бе Моль* къ отношеніи къ пѣнію. Сія любезная литера можетъ назваться литерою Грацій: такъ она

пріятна и усладительна для слуха! Кажешся, что Римскія Дамы чувствовали всѣ выгоды Z. Въ разговорѣ онѣ скрадывали литеру G, и перемѣняли твердый звукъ на мягкій. На примѣрѣ, вмѣсто *Figere oscula* (цѣловать), онѣ произносили, по свидѣтельствѣу древнихъ авторовъ, *Fizere oscula*, что казалось имъ гораздо пріятнѣе и нѣжнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ произношеніе Z можетъ быть сравнено съ милымъ шопотомъ, производимымъ дыханіемъ зефировъ подъ зеленѣющими вѣтвями лѣсовъ. И если самое слово *Зефиръ* такъ пріятно услаждаетъ слухъ нашъ, то оно обязано сею выгодною звуку Z, съ котораго начинается. Опнѣвъ у него сію литеру, было бы лишить его всей пріятности и нѣжности. Самъ Квинтиліанъ, столь строгій въ разсужденіи звуковъ, называетъ Z *mollissimum* и *suavissimum*, самымъ мягкимъ и нѣжлымъ.

Звукъ сей литеры, нѣсколько свистящій, поставленъ такъ вѣщани въ словѣ *змѣя*, что онѣ дѣлаетъ его чрезвычайно выразительнымъ. Никто не воспользовался шакъ хорошо лише-

рою S, сходною съ литерою Z, какъ Расинъ въ семъ прекрасномъ и достойномъ его стихѣ :

Pour qui font ces Serpents qui Siffilent Sur
vos têtes.

Phedre

Свистъ звуковъ S въ семъ стихѣ выражаетъ совершенно свистъ змій, описываемыхъ Поэтовъ. Не довольно было бы одного S или двухъ для гармоніи стиха; ибо замѣтнее, что здѣсь говорится не объ одной змѣѣ, но о нѣсколькихъ, но о множествѣ тѣхъ, которыя шипятъ на головѣ Фурій. И такъ надлежало размножить сію литеру, и произвестъ свистъ во всѣхъ слогахъ. Для того-то Расинъ повтораеетъ одинъ звукъ, который лишь разъ сряду ударяетъ въ слухъ. Французскій трагикъ такъ воспользовался литерою S для шипѣнія змѣи, какъ Виргилій воспользовался литерою R для вжанія лягушекъ.

S предсдвляеетъ намъ другую картину въ семъ стихѣ, гдѣ дыханіе свѣжаго и рѣзкаго вѣшера :

à travers les sorets S'insinue et Soupire.

Du Resnet.

Рускіе Поэты умѣли также прибиратьъ ономапопическія слова, и употреблять литеры С и З для гармонической живописи :

Какъ гибкій при моряхъ тростникъ
Ошь порханья звенишь зефировъ

- - - - -

Таковъ твоихъ струнь звонъ.

Державинъ.

Мы не имѣли бы конечно недостатка въ примѣрахъ, если бы хотѣли приводить ихъ изъ другихъ знаменитыхъ Поэтовъ.

Замѣтимъ, что страсти извѣсняющіяся гласными, а разсудокъ согласными. Первая суть естественный и собственный языкъ страстей, которая сильно потрясають тѣло или душу. Онѣ образуютъ разнаго рода восклицанія, просьбы, но выразишельныя, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой особенный тонъ и выговоръ, иногда слабый и томный, иногда живой и быспрый, иногда рѣзкій и крѣпкій, по характеру страсти, которая его произноситъ; Врожденные въ человѣкѣ, онѣ понятны для всѣхъ народовъ, какой бы человѣкъ ни произносилъ ихъ. По симъ

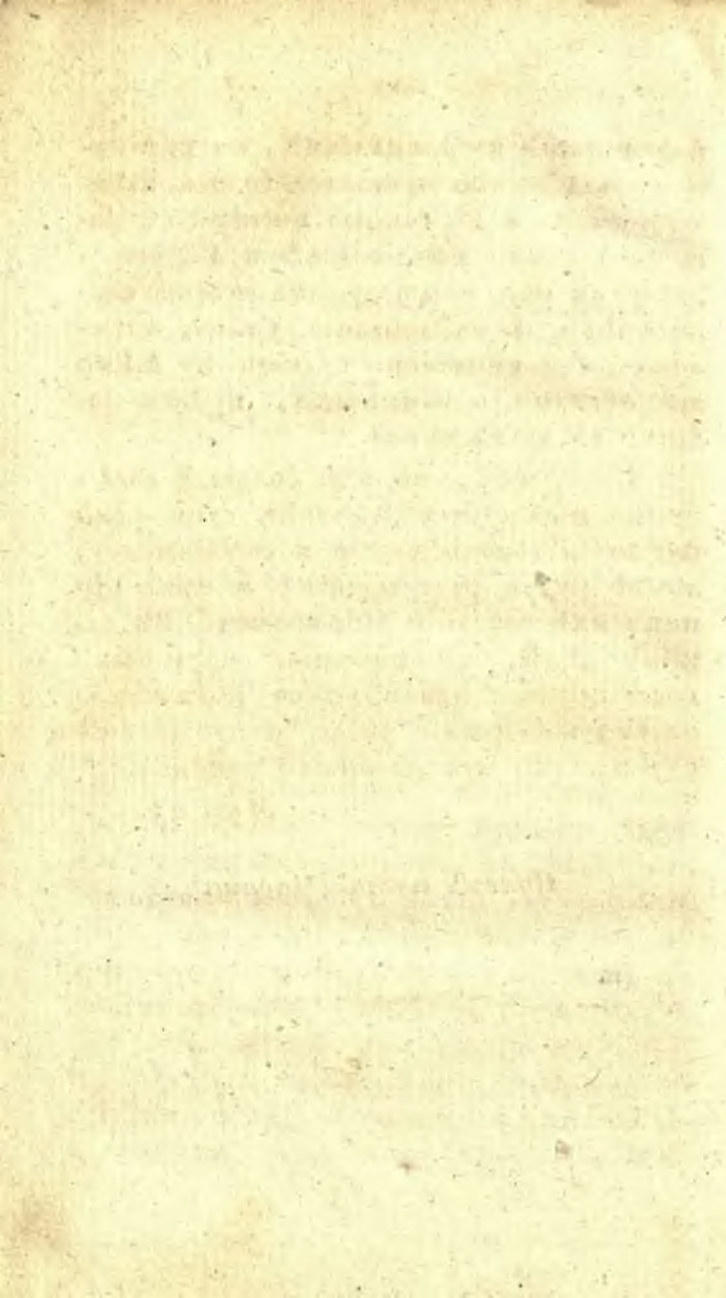
различнымъ восклицаніямъ , по различному измѣненію проспаго голоса, пошчасъ видно и въ самомъ иноземцѣ , котораго языкъ намъ неизвѣстенъ, спрадаемъ ли онъ, или радуется, чувспвуемъ ли гнѣвъ, соболѣзнованіе, ужасъ, изумленіе ; сей иноземецъ судитъ по шѣмъ же знакамъ о чувспвахъ , происходящихъ въ душѣ вашей.

Согласныя , въ ихъ большей сложности и покойномъ печеніи, суть какъ будто бы голосъ мысли и соображенія, языкъ ума и разсужденія ; и вопъ вѣнецъ ихъ славы и торжества Въ самомъ дѣлѣ , съ помощію согласныхъ соспавляешся неизмѣримое количество словъ , кошорыхъ число равняется числу нашихъ чувспвенныхъ понашій.

Муссо.

Конецъ пятой Части.

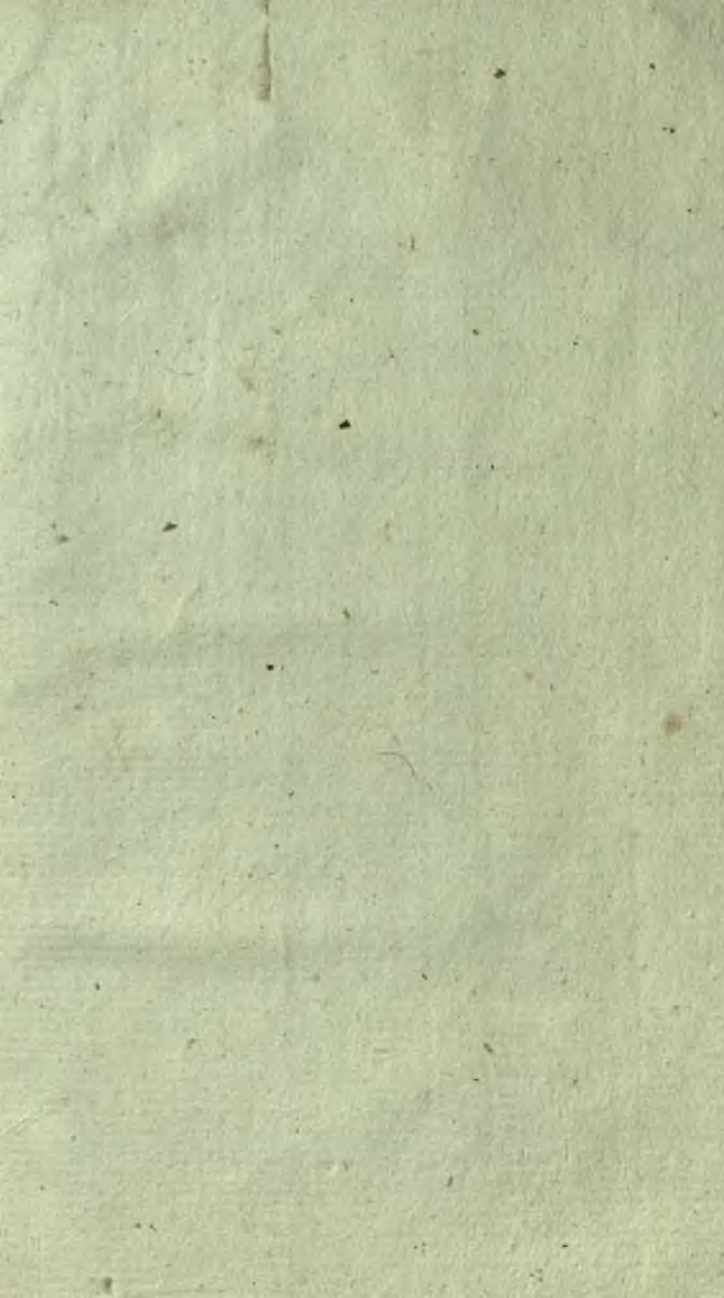

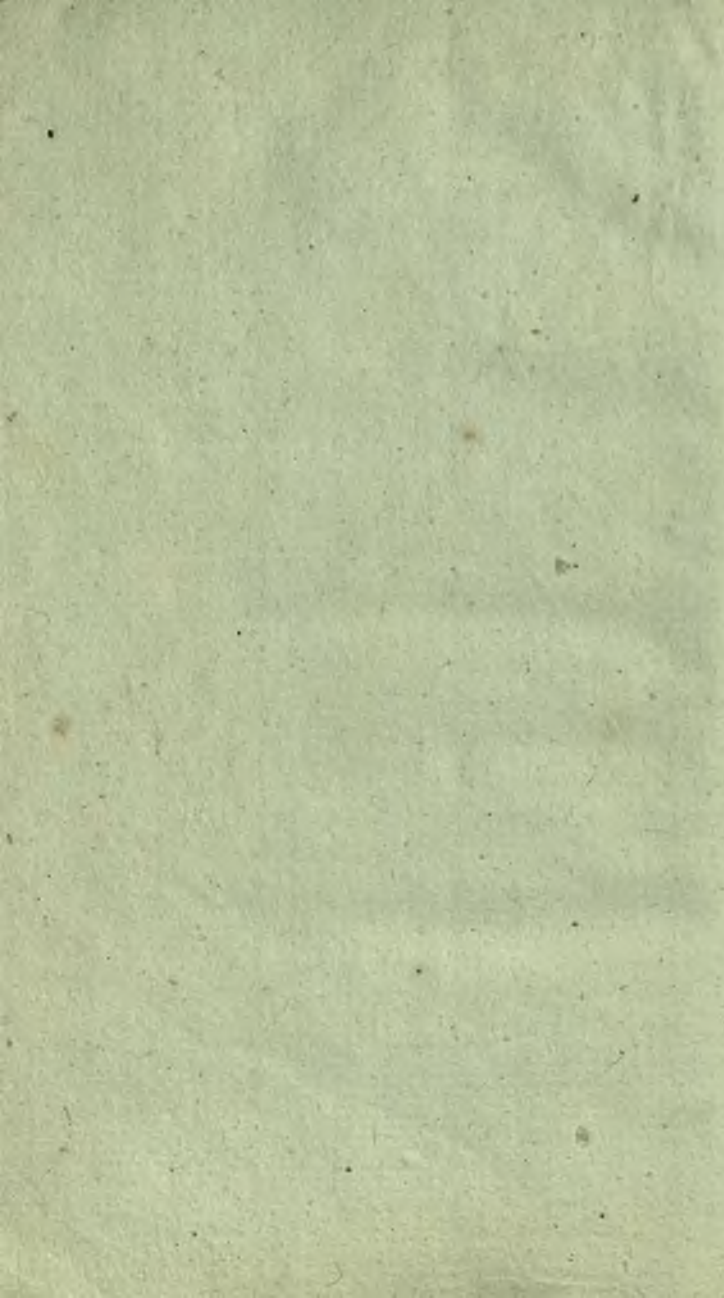
О Г Л А В Л Е Н І Е

п я т о й Ч а с т и .

	Стран.
Четыре башенные перема. -	3
Чертежи случая или счастья. -	52
Происхождение баланшинъ, или куда Греческія и Римскія дамы пряшала ли свои ключи и плашки. -	64
Случай какихъ не много. - -	79
Аполлонъ и Дафна, или какъ любящъ поэты. - - -	96
Разговоръ съ Философомъ о спектаклѣ.	114
Путешествіе въ Римъ въ четверть часа. - - -	118
Письмо о Ж. Ж. Руссо. - -	122
Портретъ Вашингтона. - -	130
Историческое извѣстіе объ Индостан- скихъ вдовахъ. - -	135
Нѣчто о Мессіадѣ и Клопштокѣ.	147
Гердеръ передъ концемъ жизни. -	151
Нѣчто о вкусѣ въ изящныхъ искус- ствахъ. - - -	154
О Пепрарковой Философіи. -	161
Анекдотъ о паралипикѣ. - -	172
Старинная торговка и старинной поршней. - - -	175
Объ успѣхѣ въ свѣтѣ. - -	183
О краснорѣчии. - - -	207
Примѣчаніе о нѣкопорухъ словахъ и буквахъ, способныхъ въ подража- тельной гармоніи. - -	217

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 938003

